ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А. М. АВДЕЕВ

ОТ ПЕРВОГО МГНОВЕНИЯ — ДО ПОСЛЕДНЕГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От северо-западной границы СССР до Берлина — таков боевой путь Героя Советского Союза генерал-полковника А. М. Андреева. Соединения, которыми он командовал, мужественно защищали Ленинград, громили врага на Курской дуге, находились на острие главного удара во время Белорусской, Висло-Одерской, Берлинской наступательных операций. В своих воспоминаниях автор размышляет о становлении командиров и политработников в бою, с большой теплотой рассказывает о ратных подвигах солдат и офицеров, о своих встречах с К. Е. Ворошиловым, Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским и другими военачальниками.

- Андреев, Андрей Матвеевич
  - Вместо пролога
  - На Карельском перешейке
  - За родной Ленинград
  - 102-я Дальневосточная
  - Время боевой зрелости
  - От Вислы до Одера
  - Наконец-то Германия…
  - На Берлин!
  - Солдаты ближнего боя
  - «Не забудем никогда!»
  - Последние залпы
  - Вместо эпилога
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Андреев, Андрей Матвеевич
ОТ ПЕРВОГО МГНОВЕНИЯ — ДО ПОСЛЕДНЕГО

Вместо пролога

27 апреля 1945 года советские войска продолжали штурм Берлина. С наблюдательного пункта 125-го стрелкового корпуса, которым я командовал, как на ладони был виден Потсдам — летняя резиденция прусских королей.

«Благодаря доблести советских воинов дворцы и парки Сан-Суси были сохранены для населения нашей страны и посетителей со всего мира» — такая благодарственная надпись появится через несколько лет в центре города на мемориальной доске. Но все это будет позже, а пока в окулярах бинокля стелется дымное марево над озером Юнгферн, по которому главные силы 175-й стрелковой Уральско-Ковельской Краснознаменной дивизии на автомашинах-амфибиях и других переправочных средствах устремились к сердцу города — дворцу Цецилиенхоф. Наступательный порыв наших бойцов был настолько силен, а дерзость их была настолько неожиданна для врага, что через некоторое время центральные кварталы города оказались полностью очищенными от гитлеровцев.

В полдень я стал свидетелем и участником такого события в Цецилиенхофе. Командир 175-й стрелковой дивизии генерал-майор Захар Петрович Выдриган принимал от представителей Потсдамского магистрата ключи от императорского дворца.

— Рад, что мне выпала честь прийти сюда с великой миссией — освобождать немецкий народ от фашистского ига, — принимая ключи, твердо сказал генерал.

С гордостью смотрел я в эти минуты на своего боевого соратника. Захар Петрович — крестьянский сын из села Казацкого на Херсонщине. За отчаянную храбрость получил три Георгиевских креста в первую мировую войну. Активный участник гражданской войны. Коммунист с 1919 года. На фронтах Великой Отечественной войны у него погибли два сына, а сам он дошел до Берлина. Взволновали меня и слова, сказанные командиром дивизии:

— Господа представители магистрата Потсдама! В сентябре 1941 года ваш фюрер потребовал стереть город Ленинград с его историческими памятниками с лица земли. Ленинградцы выстояли и победили, хотя в окрестностях города гитлеровцы разрушили дворцы, картинные галереи, парки — исторические ценности советского народа. Воины Красной Армии никогда не уподобятся фашистским людоедам, никогда не уронят достоинство советских граждан. Красная Армия — армия-освободительница, армия великого советского народа, спасшего

мир от гитлеровского рабства.

Где-то совсем рядом, за стенами дворца Гогенцоллернов, гремела канонада. Шли бои в логове фашистской Германии, а мне вспоминался блокадный Ленинград, о котором только что взволнованно говорил генерал Выдриган, вспоминалась прошедшая через мою судьбу, слитую с судьбой Отчизны, Великая Отечественная война, которую довелось пройти вместе с бойцами и командирами от первого мгновения — до последнего. Им, солдатам Великой Победы, я и посвящаю эту книгу.

На Карельском перешейке

Июньские дни 1941 года, канун Великой Отечественной войны, застали меня в должности начальника 5-го пограничного Краснознаменного отряда Ленинградского пограничного округа. Пограничный отряд выполнял боевую задачу по охране советской государственной границы на Карельском перешейке севернее Ленинграда. Одновременно на меня были возложены обязанности представительства пограничного комиссара Советского Союза по разрешению отдельных вопросов (инцидентов), возникающих на государственной границе с сопредельным государством в своей полосе.

Назначение на должность начальника 5-го пограничного Сестрорецкого отряда после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе я воспринял как большое доверие. Ведь отряд, созданный 25 февраля 1924 года, имел славную историю, был прославлен боевыми подвигами бойцов и командиров.

С первых дней службы в отряде мне посчастливилось трудиться рядом с замечательным человеком — начальником погранвойск НКВД Ленинградского округа комдивом Григорием Алексеевичем Степановым. Он прекрасно знал наш участок советско-финской границы. Именно в этих местах сразу после постановления Совета труда и обороны молодой Республики Советов о создании отдельного пограничного корпуса войск ГПУ он начал службу командиром роты. Границы охранялись системой кордонов.

— В кордоне насчитывалось не более семи бойцов, — рассказывал мне комдив. — Поэтому приходилось нести службу по 14–16 часов в сутки. Отдельных зданий, где бы размещались кордоны, на первых порах не имелось; хорошо, если кое-где удавалось самим оборудовать под дежурку старую баню, сарай. В 1923 году в деревне Муромицы, недалеко от Псковского озера, был выстроен первый дом для кордона. Это был праздник… Продуктов тогда получали маловато, приходилось самим промышлять и охотой, и рыбной ловлей.

В числе пограничников, — вспоминал Григорий Алексеевич, — имелись малограмотные и даже неграмотные. Недоедавшие, недосыпавшие, плохо одетые бойцы самоотверженно несли службу, а глухими вечерами при свете лучины — коптилки были далеко не всюду — молодежь училась грамоте, читала газеты, книги, изучала оружие, военное дело.

Судьба самого командира роты, выходца из бедной крестьянской семьи деревни Звад, затерянной в лесах и болотах

между Псковом и Новгородом, во многом напоминала судьбу его бойцов, за тем лишь исключением, что воинскую службу он начал еще в 1916 году в Финляндии. Свежеиспеченный унтер-офицер в июне 1917 года оказывается в революционном Петрограде, навсегда избирает для себя дорогу, указанную беднейшему люду большевиками. И не было у него сомнений в выборе, на чьей стороне сражаться, когда началась гражданская война.

Двадцатидвухлетний помощник командира роты Новгородского полка обороны избирается делегатом седьмого Всероссийского съезда Советов. Там 5 декабря 1919 года Степанов впервые увидел Ленина, услышал его пламенную речь.

«…Позади лежит главная полоса гражданских войн, которые мы вели, — говорил Владимир Ильич, — и впереди — главная полоса того мирного строительства, которое всех нас привлекает, которого мы хотим, которое мы должны творить и которому мы посвятим все свои усилия и всю свою жизнь»[1].

Не раз краской Григорий Степанов повторял эти слова великого Ленина как клятву и уже вскоре, во время подавления Кронштадтского мятежа, доказал свою верность революции. За проявленный в боях героизм он награждается орденом Красного Знамени.

Впереди его ждали новые бои и схватки с недобитыми бандами во время дальнейшей службы на горячих границах тридцатых годов в Средней Азии и Закавказье. Перед тем как в 1939 году получить назначение начальником пограничных войск Ленинградского округа, Григорий Алексеевич успел три года покомандовать в Москве школой, которая ныне стала Высшим пограничным командным училищем, поработать начальником отдела Главного управления пограничных войск.

Беседуя со мной, комдив Степанов щедро делился своим богатым опытом, знаниями специфики советско-финской границы, подробно рассказал о боевом пути отряда…

В первые годы Советской власти от пограничников требовалось много отваги, терпения, настойчивости, чекистского мастерства, чтобы выследить и обезвредить шпионов, диверсантов, контрабандистов. Бойцам в зеленых фуражках зачастую приходилось сталкиваться с опытнейшими агентами иностранных разведок, способными, казалось бы, выходить победителями из самых опасных положений. Именно таким английская разведка считала своего агента Сиднея Георга Рейли.

Но летом 1925 года этот «непобедимый» английский шпион был обезврежен в результате искусно разработанной Ф. Э. Дзержинским и В. Р. Менжинским чекистской операции, известной под названием «Трест».

Без преувеличения можно сказать, что одним из героев этой операции был начальник погранзаставы Сестрорецкого пограничного отряда Тайво Вяха (И. М. Петров).

Это он под непосредственным руководством Станислава Адамовича Мессинга длительное время вел на границе трудный и смертельно опасный невидимый тайный поединок с целой группой матерых шпионов и диверсантов, которых финские пограничники переправляли на советскую территорию. Но каждый из них на советской земле благодаря Тайво Вяха попадал под пристальное наблюдение советских чекистов. В результате чекистам удалось раскрыть многочисленные тайные явки шпионов в различных советских городах, и в частности в Ленинграде, предупредить и обезвредить контрреволюционные заговоры, готовившиеся эмигрантскими организациями русских белогвардейцев и иностранными разведками.

Мужественный советский пограничник Тайво Вяха за блестяще выполненное задание награжден орденом Красного Знамени.

Ни часа спокойствия не знали пограничники и других застав Сестрорецкого погранотряда. Это была действительно «горячая» граница.

19 ноября 1925 года дежурный по заставе пограничник Бедный, рискуя жизнью, задержал эстонско-финского шпиона Тассо. Следствие по делу Тассо помогло раскрыть, а затем и ликвидировать целую шпионскую организацию.

За отличную службу и мужество при задержании шпиона пограничнику Бедному были вручены именные серебряные часы.

Длительное время пограничники Сестрорецкого отряда охотились за шпионом, неким Паукку. Матерый разведчик пробирался там, где его меньше всего ожидали. Но как ни хитрил шпион, ему в конце концов не удалось уйти от возмездия. Однажды помполит Лемболовской комендатуры Александр Российский, проверяя службу нарядов, решил осмотреть участок заболоченной тропы, по которой ходить никто не решался. Здесь и произошла его встреча с Паукку. Нарушитель вскинул парабеллум. Российский ответил огнем и ранил вражеского лазутчика. Но Паукку все же удалось прорваться в наш тыл.

Больше недели, не зная ни сна ни отдыха, искали пограничники шпиона. Осматривали сараи, дворы, чердаки, прощупывали стога сена, прикрывали секретами выходы из деревень.

Настойчивость и опыт бойцов пограничной охраны позволили добиться успеха. На окраине одного из селений, за которым велось наблюдение, появился человек, назвавшийся местным

жителем. Одежда на нем была совсем не такой, какой ее запомнил и описал Александр Российский. Но пограничники обратили внимание на правую руку «местного жителя» — она висела плетью. Это и выдало шпиона. При проверке выяснилось, что рука совсем недавно пробита пулей, посланной в лазутчика Александром Российским. Шпиону не удалось бежать. На допросе Паукку признался, что после ранения он скрывался у знакомой вдовы. При обыске квартиры обнаружили два парабеллума и сотню патронов к ним. Таким образом, пограничники не только обезвредили шпиона, но и разоблачили его помощницу — хозяйку шпионской явки.

Немало подвигов совершили воины нашего отряда. Схватка с обнаруженным нарушителем границы — это всегда подвиг, ибо враг, как правило, хорошо вооружен, хитер. Будучи обнаруженным, стремится уничтожить пограничника. Но наши бойцы не думали об опасности. В бою с врагом им придавала силы одна мысль — не дать шпиону, диверсанту пробраться на советскую землю, задержать и обезвредить его.

В октябре 1927 года страна готовилась торжественно отпраздновать десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Юбилейную сессию ВЦИК СССР было решено провести в Ленинграде, где под руководством В. И. Ленина в октябре 1917 года победило вооруженное восстание. Ленинградцы радостно готовились к юбилейным торжествам. В город съезжались руководители партии и правительства, многочисленные гости.

Светлый, радостный праздник нашего народа враги хотели омрачить диверсиями и убийствами. Вражеская разведка подготовила переброску через границу на советскую территорию четырех бандитов-террористов.

Такова уж особенность службы по охране государственной границы, что, как правило, пограничникам в малом числе приходится вести борьбу с врагом. А зачастую пограничник должен начинать схватку один, сколько бы врагов против него ни оказалось. Так случилось и на этот раз: четверым бандитам-террористам противостоял один советский пограничник, молодой боец Андрей Коробицын.

Кто же такой Коробицын, ставший в тот день, 21 октября 1927 года, народным героем? Всего немногим более полугода прошло с тех пор, как в феврале Андрей пришел на заставу Сестрорецкого пограничного отряда с новым пополнением из вологодской деревни Куракино.

На заставе Коробицын упорно овладевал всеми тонкостями пограничной службы и к весне стал одним из лучших бойцов, а

осенью он впервые задержал двух диверсантов, пробиравшихся ночью в наш тыл.

В ночь на 21 октября начальник заставы направил Коробицына в наряд с приказом курсировать по дозорной тропе и вести открытое подвижное наблюдение на участке 213–215-го пограничных столбов. На исходе темной ночи пограничник был особенно внимателен ко всему, что могло вызвать подозрение. Подходя к полуразрушенному сараю, он вдруг заметил, что оттуда выскочило четверо вооруженных людей. Увидев пограничника, они подняли маузеры и стали окружать его, а один из бандитов крикнул:

— Сдавайся! Сдавайся, или убьем!

Коробицын не ответил, а, вскинув винтовку, открыл огонь. Один из нарушителей упал. Но и Андрей почувствовал жгучую боль в ноге — он был ранен и опустился на землю. Превозмогая боль, он продолжал стрелять. Бандиты начали отступать к границе. Одного из своих они тащили на руках. У самой линии границы диверсанты усилили огонь. Одна за другой еще две пули впились в тело Коробицына. Когда прибежали товарищи с заставы, диверсанты уже пересекли пограничную речушку и бежали, унося раненого сообщника. Как выяснилось потом, это был матерый шпион Пекконен.

Так погиб на боевом посту, защищая неприкосновенность советской границы, Андрей Коробицын.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 5 июля 1937 года принял постановление о переименовании Куракинского сельского Совета Сяженского района Северной (ныне Вологодской) области в Коробицынский сельсовет, а его центр — селение Куракино — в Коробицыно.

О герое Андрее Коробицыне написаны книги, о нем сложены стихи и песни.

На подвиге Андрея Коробицына учились и учатся новые поколения пограничников. Его образ воодушевлял воинов в грозные годы Великой Отечественной войны. Застава, носящая имя героя, из года в год показывает отличные результаты в службе по охране государственной границы, в боевой и политической учебе.

Герой-пограничник Андрей Коробицын похоронен на Сестрорецком кладбище. А 20 октября 1957 года на границе бывшего Сосновского и Всеволжского районов Ленинградской области, на месте прежней Государственной границы СССР, где сражался с врагами Андрей Коробицын, был открыт памятник-обелиск. На сером граните высечены слова: «Здесь 21 октября 1927 года пограничник Андрей Коробицын совершил героический

подвиг, защищая границу СССР».

Успехи в боевой деятельности пограничных частей северо-западной границы высоко оценило Советское правительство. 14 декабря 1927 года Президиум ЦИК СССР наградил грамотами ряд частей пограничных войск по случаю вручения им ко дню 10-летия ВЧК — ОГПУ революционных Красных знамен. Среди них — и наш пограничный отряд.

Пограничники северо-запада, несущие в трудных условиях свою ответственную службу, всегда чувствовали внимание и заботу партийной организации и всех трудящихся Ленинграда и области.

По инициативе кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) С. М. Кирова 7 июня 1928 года в Смольном состоялось совещание советских, партийных и комсомольских работников приграничных районов Ленинградской области и представителей частей пограничного округа, на котором обсуждались вопросы укрепления связи между местным населением и пограничниками, помощи местных советских, партийных и комсомольских организаций бойцам в зеленых фуражках. Сергей Миронович поставил на совещании задачу установить между населением и погранвойсками тесную связь, которая обеспечила бы недоступность пограничной зоны для вражеских агентов.

С. М. Киров не раз бывал в наших войсках, встречался с пограничниками Карельского перешейка.

Приехав однажды на одну из застав Сестрорецкого погранотряда, С. М. Киров попросил показать, как организована непосредственная охрана на границе. Вместе с начальником заставы И. Соловьевым он зашагал вдоль дозорной просеки. Здесь, как вспоминал впоследствии Соловьев, между ним и Кировым произошел такой разговор.

— Знаете, друзья, — сказал Сергей Миронович, — по-моему, границу-то вы охраняете слабовато. На расстоянии километра друг от друга, а то и больше стоят на своих постах часовые, а в середине пустота.

— Ошибаетесь, Сергей Миронович. Ни в прошлом, ни в этом году безнаказанных нарушений государственной границы на нашем участке нет. Стало быть, границу охраняем надежно.

— Это хорошо. Но допустим так: нас здесь нет, а нарушитель притаился по ту сторону дозорной просеки и ждет удобного момента, чтобы перебежать ее. Скажете, не убежит?

— Конечно не убежит! Во-первых, до дозорной просеки добраться не так-то просто. А во-вторых, даже если и доберется,

то найдутся люди, которые его схватят и за дозорной просекой.

— Интересно бы посмотреть на этих людей!

— Если настаиваете, можно и посмотреть.

Начальник заставы подал сигнал, и перед Кировым внезапно появились бойцы-пограничники, которые находились в секрете и хорошо замаскировались. С. М. Киров остался очень доволен действиями пограничников. Но при этом заметил:

— И все-таки, друзья, пока что вас в основном выручают ноги. Бедны мы, к сожалению, и поэтому не можем применить технику, а она есть, и очень надежная. Но приходится ждать, пока разбогатеем.

— Раз надо, подождем, — согласился Соловьев.

— А вот и неправильно! Вы лучше, чем кто-либо, знаете свои трудности и должны решительно ставить вопросы, требовать помощи.

Этот разговор дал важные практические результаты. Вскоре была проложена высоковольтная линия, и все заставы и комендатуры получили вдоволь электроэнергии. А в 1935 году развернулись большие работы по строительству укреплений в этом районе и техническому оснащению застав.

Бойцы в зеленых фуражках уважали и любили Сергея Мироновича Кирова — верного ученика Владимира Ильича Ленина, пролетарского революционера, вдохновенного трибуна, пламенного пропагандиста марксизма. По их просьбе вскоре приказом ОГПУ от 18 октября 1931 года первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) был утвержден почетным красноармейцем 5-го Сестрорецкого пограничного отряда.

Большая дружба связывала пограничников и с местным населением. Колхозники приграничных сел активно помогали охранять границу, смело участвовали в борьбе с нарушителями границы, в их задержании. По просьбе пограничников колхозники помогали прорубать в лесу на границе дозорные тропы, выполняли и другие работы. В свою очередь пограничники готовы всегда оказывать помощь колхозникам.

Крепили связи с пограничниками и трудящиеся города Ленина. На заставах и в отрядах частыми гостями были писатели, артисты. Известные ленинградские писатели Всеволод Вишневский, Михаил Слонимский и другие создали немало рассказов и очерков о боевых буднях пограничных войск, их героях.

Об огромном уважении, которое питали трудящиеся Ленинградской области к пограничникам, свидетельствует и тот факт, что в 1938 году среди депутатов Верховного Совета РСФСР первого созыва, избранных трудящимися Ленинградской области,

был пограничник М. О. Белоцерковец.

В 1936 году страна отмечала 15-летие пограничных войск НКВД.

Советский народ с благодарностью чествовал героев-пограничников. Отмечая их заслуги по охране границ Родины, бдительность, беспощадную борьбу с классовым врагом и героизм, а также достижения в боевой и политической подготовке, ЦИК СССР наградил орденами ряд частей пограничных войск. В числе награжденных орденом Красного Знамени был и Сестрорецкий пограничный отряд Ленинградского пограничного округа.

Тем временем происки империалистов на наших северозападных границах усиливались. Финское реакционное правительство, поощряемое гитлеровской Германией, не только не шло навстречу миролюбивым усилиям Советского правительства, но упорно демонстрировало свою непримиримую враждебность к СССР и незаинтересованность в нормальных добрососедских отношениях.

С конца 1935 года реакционные круги Финляндии начали провоцировать на границе вооруженные конфликты.

Это были далеко не безобидные выстрелы. 7 января 1936 года днем в районе Аудно, на участке нашего отряда в районе погранстолба № 162, с финской стороны был обстрелян наряд в составе командира отделения Спирина и красноармейца Брюханова. Спирин получил тяжелое ранение и вскоре скончался. Огонь с финской стороны вели люди, одетые в военную форму.

Как мне сообщил комдив Степанов, с 1937 года в наших территориальных водах в Финском заливе начали появляться германские подводные лодки, а финские самолеты стали уже систематически вторгаться в советское воздушное пространство.

Вот лишь один из многочисленных документов Главного управления пограничной охраны о нарушении государственной границы на Северо-Западе. Документ датирован 22 сентября 1937 года:

«21 сентября 1937 г. в 14 час. 56 мин. на участке заставы Калледовский разлив Сестрорецкого пограничного отряда в районе пограничного столба № 95 на высоте 2000 м курсом с запада на северо-восток из Финляндии на территорию СССР перелетел неизвестный самолет-разведчик. Углубившись на нашу территорию на 200 м, самолет в том же пункте вернулся на финскую территорию. В 15 часов этот же самолет в районе пограничных столбов № 97–98 на высоте 200 м вновь перелетел на нашу территорию и, набрав высоту до 2000 м, скрылся. Самолет был обстрелян из двух винтовок нашим пограничным

нарядом.

В 15 часов на участке заставы Термолово-Сестрорецкого пограничного отряда в районе пограничных столбов № 100–101 на высоте 2000–3000 м курсом с запада на юго-восток из Финляндии на территорию СССР перелетели два неизвестных самолета, скрывшиеся в облаках».

Комдив Степанов рассказал, что, учитывая складывающуюся обстановку, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд мер по укреплению пограничных войск на северном и северо-западном участках государственной границы. Войска усиливались необходимой техникой, вооружением. Пограничные отряды, в частности, получили автомашины, аэросани, быстроходные катера, обеспечивались радиосвязью.

Как показали дальнейшие события, провокационная возня, затеянная финской военщиной при полном одобрении ее империалистических покровителей, была связана с общим обострением обстановки на международной арене.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. В ответ на это спустя два дня Англия и Франция объявили себя в состоянии войны с Германией. Началась вторая мировая война.

Правящие реакционные круги Финляндии давно вынашивали планы за счет отторжения значительных территорий от Советского Союза создать «великую Финляндию». Чтобы добиться своих целей, реакционное правительство Финляндии вопреки национальным интересам народа с помощью империалистических государств усиленно готовилось к войне.

Карельский перешеек финская военщина превратила в плацдарм, позволяющий быстро сосредоточить и скрытно развернуть крупную группировку войск, нацеленных на Ленинград, до которого от границы было 32 километра. Один из важнейших экономических, культурных и политических центров нашей страны, таким образом, находился под угрозой артиллерийского обстрела из дальнобойных орудий. Не меньшая опасность нависала и над Кронштадтом — главной базой Краснознаменного Балтийского флота.

Все это, естественно, не могло не вызывать у советских людей беспокойства. В октябре 1939 года правительство СССР предложило Финляндии заключить пакт о взаимопомощи. Получив отказ, Советский Союз предложил перенести финляндскую границу от Ленинграда на несколько десятков километров к северо-западу. В порядке компенсации СССР готов был уступить вдвое большую часть территории некоторых районов советской Карелии, прилегавших к границе.

Если бы финское правительство отнеслось с пониманием к этим предложениям своего соседа, назревавшего военного конфликта можно было бы избежать. Бывший президент Финляндии У. Кекконен в сентябре 1963 года заявил: «Когда сейчас, спустя более чем двадцать лет, мы поставим себя в положение Советского Союза, то в свете гитлеровского нападения на Советский Союз в 1941 году становится понятной та озабоченность, которую СССР испытывал и должен был испытать в отношении своей безопасности в конце 30-х годов».

Но правящие реакционные круги Финляндии рассуждали и действовали по-иному. Надеясь на активную помощь империалистических государств, они преднамеренно накаляли обстановку.

Разнузданные провокации военщины, отказ правящей клики Финляндии мирным путем на основе добрососедских отношений укрепить безопасность СССР и Финляндии вынудили Советское правительство денонсировать договор о ненападении с Финляндией и порвать с ней дипломатические отношения. На это финская военщина ответила новыми провокациями на границе под Ленинградом.

Весь октябрь 1939 года с пограничных застав поступали сведения о перемещениях финских войск к кордонам. В ту пору мне довелось встречать и сопровождать в поездках по границе К. Е. Ворошилова, начальника пограничных войск округа комдива Г. А. Степанова. Тогда же состоялась и моя первая встреча с членом Политбюро ЦК ВКП(б), первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии Андреем Александровичем Ждановым. Он побывал у нас в отряде осенью 1939 года. Тогда же состоялся памятный для меня разговор с ним.

— В первые же минуты, в случае начала боевых действий, — сказал Жданов, — ваши пограничники должны захватить железнодорожный мост через реку Сестру. По имеющимся данным, с финской стороны он заминирован и в любой момент может взлететь на воздух. Подумайте, посоветуйтесь с бойцами и командирами, как избежать потери очень важной оперативной магистрали.

Насколько важный совет дал мне Андрей Александрович, я понял после встречи с пограничниками заставы № 19, которым была поручена охрана половины моста, примыкавшей к нашей территории.

— Наши наряды всегда встречаются с финскими стражниками на середине моста, товарищ майор, — докладывал командир отделения Миненко. — И редко обходится, чтобы стражники у нас при этом махорки не попросили. Видно, туговато

у них с куревом-то. Так что сможем быстро взять их, коль надо, за бока. Мы ведь и наблюдать умеем. Знаем, где взрывчатка заложена, где кабель к ней тянется, где основная и где запасная адские машинки находятся.

А в 8 часов утра 30 ноября 1939 года, когда заговорила советская артиллерия, все подразделения Сестрорецкого Краснознаменного пограничного отряда перешли в оперативное подчинение 7-й армии. В 8.30 заставы отряда вместе с частями Красной Армии перешли границу. Пограничники имели задачу овладеть кордонами врага.

— И сколько же вам времени потребуется на захват моста? — спросил я.

— Не больше трех минут, — с уверенностью ответил начальник заставы лейтенант Суслов. — Всю ответственность за операцию беру на себя.

«Посоветуйтесь с бойцами и командирами», — вспомнилось мне напутствие Жданова. Оказалось, что это не просто слова, сказанные мимоходом. Об этом я еще не раз вспоминал во время разработки сложнейших боевых операций.

Коротко скажу, что захват железнодорожного моста через Сестру подчиненные лейтенанта Суслова сержант Миненко, красноармейцы Горбунов и Лебедев блестяще осуществили. Я наблюдал за действиями смельчаков с передового наблюдательного пункта.

Стояло пасмурное утро. Видимость плохая. 30–40-сантиметровый слой мокрого рыхлого снега, лежавший на полях и в лесах, не давал возможности идти на лыжах, а без лыж передвигаться было крайне трудно. Неприятель заминировал проволочные заграждения, создал немало минных полей и многие из них прикрывал огнем.

После удара советской артиллерии неприятель на ряде кордонов вынужден был отступать, прикрываясь огнем. Однако там, где он укрывался в дотах и дзотах, сопротивлялся упорно.

Так, боевая группа во главе с начальником 3-й заставы младшим лейтенантом Гвоздевым должна была форсировать речушку Винса-Иоки. Двинулись к ней пограничники и залегли под градом вражеских пуль. Лишь после того как наши станковые и ручные пулеметы заставили врага замолчать, пограничники по колено в студеной воде перешли речку, а вскоре развернулись у кордона. Шюцкоровцы подожгли его, а сами засели в соседних домах.

Начальник заставы послал в обход группу во главе с младшим лейтенантом Стаевым, а сам с пулеметчиком Лядским подобрался ближе к домам и открыл эффективный огонь.

Противник обнаружил, что его обходят, и поспешно отступил.

Бойцы Сестрорецкого пограничного отряда действовали на фронте шириной более 180 километров на труднопроходимой лесистой местности. И всюду они воевали самоотверженно, атаковали врага бесстрашно. К 14.50 они овладели 19 неприятельскими кордонами и помещением одной погранроты, хотя противник оказывал сильное сопротивление.

К этому времени полностью выполнили свои задачи 17 застав нашего отряда. Вскоре поступили такие же сообщения еще от четырех. И лишь на участке заставы № 8, что у деревни Липолы, бой затянулся до 21.00 1 декабря 1939 года. Хотелось бы отметить смелые и инициативные действия ударных групп 1, 6, 12, 13, 19 и 20-й застав.

В телеграмме, полученной в штабе отряда 2 декабря 1939 года, заместители начальника пограничных войск НКВД СССР комбриг Аполлонов и начальника политического, управления этих войск дивизионный комиссар Мироненко поздравили бойцов, командиров и политработников с успешным выполнением боевой задачи на Карельском перешейке. «Личный состав погранотряда, — говорилось в телеграмме, — проявил преданность Родине, самоотверженность, мужество, находчивость, героизм… Командование пограничных войск НКВД СССР дает проведенной операции оценку «отлично»[2].

Захватив кордоны противника и оказав тем самым активную боевую помощь частям Красной Армии, пограничные отряды получили новые боевые задачи: бдительно охранять новую Государственную границу СССР, тылы действующей армии, вести борьбу с вражескими разведывательно-диверсионными группами.

Личный состав 5-го пограничного отряда очень гордился тем, что его действия получили высокую оценку командования. На гимнастерках многих наших воинов засверкали ордена и медали. Получил и я свою первую правительственную награду — орден Красного Знамени.

Когда умолкли пушки, мне довелось принимать участие в работе смешанной советско-финской комиссии по установлению новой границы между сопредельными государствами. Особенно запомнились встречи и беседы с представителем Генерального штаба комбригом Александром Михайловичем Василевским, возглавлявшим комиссию с нашей стороны.

Трудностей в ту пору хватало. Новый участок границы требовалось изучить до мельчайших подробностей и организовать его охрану, обеспечить надежную связь. Кроме того, оборудовать помещения для застав и комендатур. Кое-где приходилось жить в палатках, строить новые здания.

Враг меж тем не дремал. Его разведка усиленно продолжала свою работу, стремясь использовать хорошее знание местности для проникновения в наш тыл. Задержанные шпионы и диверсанты пытались обманывать пограничников, прикидываясь людьми обиженными и недовольными своим правительством, безработными, возвращающимися беженцами и т. д.

На границе с Финляндией едва ли не каждый день гремели выстрелы. Я, как советский представитель по разрешению пограничных инцидентов на Карельском перешейке, почти еженедельно встречался с финским пограничным представителем. Заседание комиссии проводили попеременно: на советской территории в городе Энсо и на финской в городе Иматра.

В связи с усиливающимися провокационными действиями на границе со стороны финнов, особенно в мае и июне 1941 года, советскую пограничную комиссию часто лично возглавлял начальник Ленинградского пограничного округа генерал-лейтенант Григорий Алексеевич Степанов.

Финские представители во время работы комиссий вели себя, мягко говоря, недипломатично. Нас проинформировали, что начальник генерального штаба Финляндии Гейнрах хорошо сработался с немецким генеральным штабом, а премьер-министр Рюти в годовщину независимости Финляндии, выступая на банкете, сказал: «Я вполне уверен, что мы снова завоюем свое».

Финляндия вела активную подготовку к военным действиям. В конце 1940 года в северной части Финляндии — Лапландии начали размещаться немецкие войска, прибывающие на кораблях из Германии. Был прекращен свободный проезд в портовые города, расположенные на побережье Ботнического залива. В прилегавших к Советскому Союзу приграничных районах Финляндии создана запретная зона, достигающая 130–140 километров. Усилилось строительство дорог к границе с СССР. С 10 июня 1941 года Финляндия провела скрытную мобилизацию и начала переброску войск к советской границе. Гражданское население переселилось из пограничных районов в глубь Финляндии. Заметно активизировалась деятельность вражеской агентуры. В первых числах июня вблизи советской границы стали появляться группы финских и немецких офицеров, занимавшихся рекогносцировкой.

В середине июня 1941 года с пограничных вышек в районе города Энсо были замечены финские войска, выдвигающиеся к границе. Артиллерия и танки занимали огневые и исходные позиции.

В субботу, 21 июня, в штаб отряда был доставлен один из

нарушителей границы. Отвечать на вопросы отказался. Сквозь зубы прошипел лишь два слова: «Завтра — война».

Полученные разведывательные данные с исключительной ответственностью перепроверялись на заставах и в отряде. Все говорило о том, что с часу на час можно было ждать вероломного нападения на нашу границу.

Мы, командиры пограничных частей и войсковых соединений, от которых зависела неприкосновенность рубежей нашей Родины, не сидели сложа руки. Языком документов хочу рассказать читателю о мерах, принятых для отражения нападения врага на участке нашего отряда.

21 июня 1941 года после совещания в моем служебном кабинете в городе Энсо вместе с заместителем начальница отряда по политчасти полковым комиссаром Зябликовым и начальником штаба отряда майором Окуневичем мы оценили сложившуюся обстановку и пришли к такому выводу:

а) немецко-финские войска завершают сосредоточение оперативной наступательной группировки. Наиболее вероятные направления основных ударов: Иматра, Хитола, Кексгольм; Лаппенранта, Выборг, то есть в полосе нашего 5-го пограничного Краснознаменного отряда. В полосе соседа справа: в направлении Лахденпохья, Сортавала;

б) противник наиболее вероятно перейдет в наступление в ближайшие часы;

в) нам известно, что по плану прикрытия на рубеж Энсо, река Вуокси предусматривается выдвижение частей 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Ф. Конькова из 23-й армии.

Утром 21 июня 1941 года командование 115-й стрелковой дивизии проинформировало нас: «Мы имеем указание быть в полной боевой готовности в местах постоянной дислокации».

На основании этой оценки обстановки мною был отдан следующий приказ по отряду:

«1. Продолжать укреплять охрану и оборону Государственной границы Союза ССР, особо усилив охрану и взаимодействие с соседом справа в направлении Хитола, в районе города Энсо и на левом фланге в направлении Выборга.

2. Личным составом заставы, свободным от непосредственной службы на линии государственной границы, в ночь на 22 июня 1941 года занять и оборонять боевые позиции в районе заставы.

3. Управлению комендатур и маневренной группе занять запасные командные пункты и районы, особо обратив внимание на надежную, устойчивую связь и управление с заставами и пограничными нарядами по фронту и обходной связи с глубины.

4. Штаб пограничного отряда во главе с начальником штаба

отряда майором Окуневичем из города Энсо в ночь на 22 июня 1941 года переместить в район запасного командного пункта юго-восточнее города Энсо, к 24.00 21 июня 1941 года организовать связь и управление с комендатурами, заставами и частями Красной Армии, дислоцированными в полосе пограничного отряда, а также с округом и центром.

5. Я и полковой комиссар Зябликов с оперативной группой, со средствами связи с войсками, округом и центром остаемся на прежнем месте дислокации штаба пограничного отряда города Энсо.

6. В ночь на 22 июня 1941 года семьи военнослужащих (дети, старики) отвести в тыл, выделив для этого соответствующий автотранспорт».

В течение ночи на 22 июня 1941 года, выполняя полученный приказ, пограничные заставы нарядами в составе не менее трех — пяти пограничников прикрыли основные вероятные направления наступления противника (перекресток, узлы дорог, отдельные высотки, межозерное дефиле), промежутки перекрывались подвижными дозорными постами.

После трех часов ночи 22 июня начали поступать донесения с 9-й и 12-й застав о многочисленных нарушениях немецкими самолетами нашей границы. Финская пограничная стража покинула кордоны Пурнуярви, Конту и Райкеля и отошла в тыл. На участке погранотряда появились подразделения финских и немецких регулярных войск, которые приступили к оборудованию исходного района для наступления.

В 5.00 22 июня сотни немецко-фашистских орудий внезапно обрушили свой огонь на наши пограничные заставы и районы, подготовляемые инженерно-саперными частями округа к долговременным укреплениям. Наиболее сильный огонь был сосредоточен по району пограничной заставы, расположенной на высоте северной окраины города Энсо, и штабу пограничного отряда. Несколько снарядов крупного калибра попали в основное здание штаба пограничного отряда. После короткого, но сильного огневого налета противник на широком фронте при поддержке артиллерийско-минометного огня атаковал наши пограничные заставы.

Так как личный состав застав, комендатур и штаба отряда в ночь на 22 июня 1941 года был выведен из застав и занимал основные и запасные позиции, мы в этот час потерь от огня противника не имели, а все его атаки отбили.

На Карельском перешейке в последующие дни боевые действия пограничников ограничивались отражением атак мелких подразделений противника, стремившихся проникнуть на

советскую территорию.

В течение 29 июня 1941 года положение резко изменилось. На всем протяжении границы СССР с Финляндией немецко-финские войска при поддержке авиации попытались прорвать полосу охраны Государственной границы СССР. Основные усилия они сосредоточили на участках Куолоярвинского, Элисенваарского и 5-го (Энсовского) пограничных отрядов. На этих направлениях в бой вступили до двух-трех батальонов противника при поддержке танков.

На нашем участке утром 29 июня 1941 года два батальона противника с танками несколько потеснили пограничные заставы и после трехчасового боя заняли город Энсо.

Думается, лучшим свидетельством мужества и отваги, верности долгу защитников советских рубежей послужит хроника первых двенадцати часов боев у города Энсо, составленная по донесениям штаба нашего пограничного отряда:

«…стремительным ударом пограничников под командой начальника заставы старшего лейтенанта Бебякина (раненного в бою) противник, понеся потери людьми и оставив на поле боя два подбитых танка, два станковых пулемета и 70 магазинов к ним, был выбит из г. Энсо.

Пограничники 8-й заставы 5-го пограничного отряда Дергопутский, Карлюхин, Воронцов и Толстошкур, ведя в составе заставы упорный бой с противником, наступавшим с пятью танками на заставу, невзирая на жестокий огонь, подползли к танкам и удачным броском гранат вывели два из них из строя.

Начальник 5-й заставы младший лейтенант Худяков, будучи окружен с заставой противником силою до двух батальонов, умелыми действиями и смелым маневром вышел из окружения…

В 11.00 1 июля 1941 г. противник двумя ротами сделал попытку вторично овладеть г. Энсо, но был вновь отброшен за границу»[3].

В те дни в штаб 5-го пограничного отряда одно за другим поступали донесения о мужестве и стойкости солдат в зеленых фуражках. Особенно взволновало меня сообщение о подвиге сержанта Андрея Бусалова. Я знал этого младшего командира, отличившегося еще в боях с белофиннами в 1939–1940 годах. Позднее за безупречную службу предоставил ему отпуск с поездкой на родину. Но Бусалов отказался от поощрения. В отряде стало известно содержание его письма родственникам. «Думал в этом месяце побывать у вас в гостях, но, наверное, не придется ввиду международной обстановки, — сообщал сержант. — Обстановка такая, что в отпуск ехать нельзя. Сами видите по газетам, что война все расширяется, идет уже вокруг

нас. Но нас пока не трогают, а затронут — головы оторвем… Так что работайте спокойно на своих полях, ваш мирный труд мы надежно сохраняем».

В час суровых испытаний комсомолец Бусалов не на словах, а на деле доказал свою великую любовь к Родине. 30 июня 1941 года на заставу, где служил сержант Бусалов, поступили сведения о том, что батальон противника прорвался на участке соседней заставы. Ночью по лесным тропам пулеметное отделение, которым командовал Бусалов, незаметно подошло к осажденным. Меткий огонь, открытый во фланг противника, заставил его отступить.

Старший политрук Енчищин, пожимая руку Бусалову, сказал:

— Молодец, хорошо помог огоньком!

Прошло несколько часов, враг собрал силы и снова пошел в атаку на пограничников, но и на этот раз меткий огонь пулемета сержанта Бусалова отбросил наступающих на исходные позиции.

Противник сосредоточил теперь основной огонь по отважному пулеметчику, но подавить пулемет Бусалова оказалось не так-то просто. Пограничник выбрал огневую позицию между крупными валунами и все время маневрировал. Когда враг открывал сильный огонь, он укрывался то за одним, то за другим валуном.

Атака следовала за атакой. Будучи несколько раз раненным, Бусалов сражался до тех пор, пока вражеская пуля не пробила его комсомольский билет, который отважный пограничник хранил у сердца.

Андрей уже не слышал, как на правом фланге, перекрывая грохот боя, прокатилось громкое «ура». Прибывшая из отряда группа пограничников во главе со старшим лейтенантом Гурковым бросилась в штыковую атаку.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, двадцать пограничников были награждены боевыми орденами. А удостоенный ордена Красного Знамени сержант Андрей Федорович Бусалов и ныне в строю. Его имя навечно зачислено в списки родной заставы.

* * *

В ночь на 1 июля 1941 года севернее Ладожского озера противник силами до двух усиленных пехотных дивизий перешел в наступление в направлении Лахденпохья в стык наших 7-й и 23-й армий, но встретил упорное и активное сопротивление пограничных подразделений, левофланговых частей 168-й

стрелковой дивизии 7-й армии и правофланговых частей 142-й стрелковой дивизии 23-й армии.

В первых числах августа 1941 года особенно сильные бои развернулись в районе Сортавала, где ожесточенные атаки противника отбивала 168-я стрелковая дивизия, и в районе Лахденпохья, где сражались части 142-й стрелковой дивизии и 198-й моторизованной дивизии. Сводная группа пограничников под командованием полковника С. И. Донскова мужественно сражалась севернее и западнее Кексгольма.

Противник отразил все наши контрудары в направлении Хитола, Элисенваара. Соединения 2-го финского армейского корпуса прорвались к средней части Вуоксинской водной системы.

11 августа 1941 года противник перешел в наступление на всем протяжении Карельского перешейка. После форсирования Вуокси в направлении Выборга перешел в наступление 4-й армейский корпус.

К середине августа 1941 года для войск, оборонявших Ленинград, наступил критический момент. С юга на город наступала немецкая группа армий «Север», прорвавшая лужскую укрепленную позицию на флангах, а с севера — финская армия, развивавшая наступление на Карельском перешейке.

Вражеские войска подходили все ближе и ближе к Ленинграду. Противник, осуществив прорыв западнее Ладожского озера в направлении Кексгольма, вышел в среднем течении реки Вуокси (в районе Вуосалми), и 23 августа 1941 года открылась возможность удара по флангу и тылу нашей выборгской группировки. Южнее Выборга вражеский десант перерезал приморскую железную и шоссейную дороги, ведущие к Ленинграду.

В создавшейся обстановке Военный совет Ленинградского фронта с ведома Ставки разрешил 28 августа 1941 года командующему 23-й армией генерал-лейтенанту М. Н. Герасимову отвести выборгскую группировку войск (43, 115 и 123-ю стрелковые дивизии) в южном направлении на рубеж бывшей линии Маннергейма.

Это решение осуществить не удалось. Противник успел плотно закрыть пути отхода, и части выборгской группировки пришлось вывозить из района Койвисто (Приморск) на кораблях и баржах в Ленинград.

Финские войска 31 августа вышли к району Териоки (Зеленогорск).

1 сентября 1941 года Военный совет Ленинградского фронта принял решение войскам 23-й армии занять рубеж от Финского

залива вдоль реки Сестры к Ладожскому озеру. Войска армии в упорных боях начали отражать попытки финских войск прорваться к Ленинграду.

* * *

С началом военных действий я был назначен начальником охраны войскового тыла 23-й армии. Учитывая особенности первого периода Великой Отечественной войны на Карельском перешейке в полосе 23-й армии, пограничные заставы-отряды во взаимодействии с полевыми войсками Красной Армии продолжали оборонять и охранять Государственную границу Союза ССР. В целях наиболее полного взаимодействия с частями армии мне оперативно были подчинены пограничные подразделения, действующие в полосе 23-й армии. Это обязывало организовать четкое взаимодействие пограничников с войсками первого эшелона армии.

Находясь непосредственно в первом эшелоне полевого управления армии, мой небольшой штаб имел постоянное общение с руководством объединения, его штабом и политическим отделом.

Пограничные подразделения находились на самых острейших участках, и я был всегда своевременно и достаточно полно проинформирован об истинном положении на границе, и особенно на важнейшем направлении боевых действий, о чем лично докладывалось командующему и члену Военного совета армии. В ходе боев мною по согласованию с командованием пограничных войск Ленинградского округа и Военным советом 23-й армии в интересах оперативной обстановки производилась перегруппировка пограничных подразделений. Был даже случай, когда пришлось самостоятельно принимать решение о переброске Выборгского мотострелкового полка НКВД в район Хитолы для того, чтобы во взаимодействии с отрядом пограничников полковника Донскова не допустить прорыва противника в направлении Кексгольма.

Сражаясь плечом к плечу с воинами Красной Армии, пограничники в те грозные дни покрыли свои боевые знамена неувядаемой славой. Находясь в оперативном подчинении 23-й армии, Элисенваарский пограничный отряд в составе шести застав 2-й и 3-й комендатур был переброшен на оборону станции Карлахти, где находилась армейская станция снабжения с огромными запасами снарядов, мин, гранат, патронов и различного вооружения. Подразделения отряда в течение 10

суток вели непрерывные бои против трех бригад и в этих боях отстояли станцию снабжения, дав возможность вывезти все армейские запасы.

Бойцы и командиры 5-го пограничного отряда вместе с частями 43-й и 123-й стрелковых дивизий свыше полутора месяцев обороняли и прочно удерживали линию государственной границы. В ожесточенных боях мужественные пограничники наносили противнику сокрушительные удары. Потери противника в июле только убитыми составили свыше 800 солдат и офицеров.

С 15 августа командованием 23-й армии на отряд была возложена задача обеспечить выход из окружения частей 265-й стрелковой дивизии, подавить прорвавшегося противника в районе Кирка, Ряйселя и приостановить его дальнейшее продвижение. В итоге пятидневных боев отряд успешно выполнил эту боевую задачу.

Последующими боевыми действиями отряд прикрыл и обеспечил отход частей 142-й и 198-й стрелковых дивизий, выход из окружения 181-го стрелкового полка, 577-го артиллерийского полка, 704-го артиллерийского полка, 146-го тяжелого танкового полка, 53-го стрелкового полка.

За доблесть, мужество и отвагу к правительственной награде представлено 76 человек бойцов, командиров и политработников отряда[4].

* * *

В полдень 2 сентября 1941 года, когда штаб 23-й армии был перемещен в новый район юго-восточней реки Сестры, оперативный дежурный передал мне телефонограмму с приказом прибыть в Смольный, где размещались штаб и Военный совет Ленинградского фронта. Уже стемнело. Лунный свет едва пробивался сквозь крону соснового бора на дороги-просеки, по которым наша старенькая отрядная эмка медленно пробиралась к югу, к сожженной Кивеннане. Отсюда отчетливо стали слышны звуки боя. Решили вернуться и у Майнилы свернуть к Старому Белоострову с тем, чтобы по берегу реки кратчайшим путем выехать к Сестрорецку.

Едва добрались до северо-восточной окраины города, как дорогу нам преградил патруль из нескольких человек в гражданской одежде с винтовками за плечами.

Открыв дверцу машины, сутуловатый рабочий, в нем я узнал одного из старейших мастеров сестрорецкого инструментального завода имени С. П. Воскова, вытянулся и громко отрапортовал:

— Сторожевая застава народного ополчения, товарищ полковник! Документы можете не предъявлять. Мы депутатов нашего горсовета в лицо знаем.

Я спросил, нет ли сведений о противнике.

— Фашисты уже на северной окраине, — сказал рабочий. — Только что уровцы и наши ополченцы отбили последнюю атаку.

Потребовалось минут пять, чтобы добраться до горкома партии. Город не спал. На улицах женщины, старики, дети строили оборонительные сооружения. Они проходили почти рядом с оградой завода, работавшего на полную мощь.

В горкоме партии встретили меня радушно. Секретарь горкома Алексей Иванович Баранов в двух словах объяснил обстановку: упредив наши части, отходящие на новые рубежи, враг овладел населенными пунктами Териоки, Куоккала, Раякоски, ворвался на северную окраину Сестрорецка. В городе наших войск нет, кроме небольших уровских подразделений. На защите города — ополченцы.

— Мы просим вас, Андрей Матвеевич, — сказал секретарь горкома, — помочь отбросить противника с северной окраины города и организовать оборону. В ваше распоряжение поступят отряды народного ополчения города, костяком которого являются рабочие завода.

Я ответил, что готов помочь организовать оборону, но имею приказание явиться в Смольный.

— Товарищ Жданов просил обращаться к нему с любыми вопросами днем и ночью, — ответил секретарь горкома. — Сейчас мы все уладим.

— Андрей Александрович! — подняв телефонную трубку, заговорил Баранов. — Обстановка в районе нашего города вам известна. У нас находится полковник Андрей Матвеевич Андреев. Он следует в распоряжение Военного совета фронта. В связи с тяжелой обстановкой, сложившейся в городе, городской комитет партии Сестрорецка просит Военный совет фронта поручить ему командовать отрядами народного ополчения города, очистить северную окраину города от противника, организовать его оборону.

После небольшой паузы трубка была передана мне.

— Товарищ Андреев, — услышал я голос Жданова, — мы здесь обменялись мнениями с товарищем Ворошиловым. Военный совет Ленинградского фронта поручает вам временно вступить в командование отрядами народного ополчения города Сестрорецка. Помогите организовать оборону города. Завтра в Сестрорецк прибудет отдельный отряд моряков Балтийского флота. С их прибытием отправляйтесь в Смольный.

Получив приказание Военного совета фронта, я немедленно поехал вдоль реки Сестры в район, где Сестрорецк прикрывался с севера главным рубежом — старым укрепрайоном.

На окраине города я встретил ополченцев, которыми командовал Анатолий Иванович Осовский, член ВКП(б), перед войной руководивший в Териоках трестом кинофикации Карельского перешейка.

Осовский доложил, что, по сообщению разведчиков, на Сестрорецк движется колонна танков и пехоты противника.

— Мы организуем засаду, товарищ полковник, вот здесь, — показал Анатолий Иванович на карте.

Получив разрешение, Осовский усадил на грузовик 26 ополченцев и поехал навстречу врагу.

У меня хранится рассказ Анатолия Ивановича об этом рейде, записанный с его слов и опубликованный в ленинградских газетах:

«В двух километрах от Сестрорецка мы встретили нескольких бойцов, которые подтвердили, что в полукилометре отсюда движутся танки и пехота, да и мы слышали их стрельбу из орудий и пулеметов. Я приказал ополченцам развернуться в цепь и, выслав вперед разведку, продвигаться вперед. Пройдя метров 400 по леску, в местности «Таможня», между Оллила и Курортом, увидели стоящий на пригорке у дороги вражеский танк, который вел огонь из орудия и пулеметов.

Расставив людей вдоль дороги, мы с бойцом Большаковым проползли метров 50 вперед и залегли за разбитым трактором. Затем, заметив лучшее укрытие — небольшой песчаный карьерчик у самой дороги, переползли туда. Нас не заметили, и, все время стреляя, танк очень медленно и осторожно приближался. Через несколько минут к нам приполз боец Севрин:

— Без меня, командир, дело не провернется!..

Когда танк приблизился метров на 20 к нам, я встряхнул противотанковую гранату и, подпустив гитлеровцев еще метров на десять, выскочил из карьера и метнул ее под левую гусеницу. Раздался взрыв, танк с порванной гусеницей развернуло к нам бортом. Севрин подал мне вторую гранату, я швырнул ее, она упала у самого танка, порвала правую гусеницу и повредила ведущие колеса. Это был средний немецкий танк Т-III. Кроме меня по гранате бросили Большаков и Севрин. Но пулеметы танка продолжали вести огонь. Выглянув, я заметил, что люк танка открылся. Оказывается, в это время двое из пяти членов экипажа танка пытались удрать. Один из них был убит очередью из автомата бойца, прикрывавшего нас. В открытый люк я удачно бросил гранату РГД-33, после чего пушка и пулеметы в танке

замолчали.

Вскоре в ста метрах от нас показался еще один танк, открывший стрельбу из пулеметов. Одновременно с правого фланга появился третий танк, который тоже вел огонь и пытался пойти в обход, но, наткнувшись на болотистую местность (около реки Сестры), повернул обратно. За танками двигалась пехота — 40–50 человек. Мы открыли огонь из винтовок, а Эхим — из автомата. Вражеская цепь залегла. Я тут же уполз к своим: нас набралось уже примерно человек 40, так как место в цепи заняли человек 15 бойцов из тех, что отступали и встретились с нами.

Тем временем танк открыл огонь из орудия и пулеметов, а пехота — из винтовок. Но огонь противника не приносил нам вреда, наша позиция на скате высотки оказалась весьма удачной. Перестрелка продолжалась более двух часов. Я знал, что с правого и левого флангов у нас соседей не было, знал, что позади есть место, где танки могут пройти лишь по двум дорогам, ибо кругом топь, поэтому решил отвести туда отряд. Перешли мы в район Ржавой канавки, немедленно окопались и приготовились встретить врага.

Через несколько часов меня вызвали к полковнику Андрееву, который проинформировал о том, что регулярные части Красной Армии заняли рубеж вдоль берега реки Сестры, и поставил задачу нашему отряду. Полковник сообщил радостную весть — нашему отряду А. А. Жданов объявил благодарность за инициативу и смелость в бою».

Думается, что этот рассказ участника боев под Сестрорецком в начале сентября 1941 года, свидетельствующий о мужестве и стойкости ополченцев — вчерашних рабочих, едва успевших получить оружие, хорошо показывает, как в отсутствие организованной обороны со стороны наших войск ополченцы грудью встали на защиту города Ленина и на ряде участков сумели остановить врага на подступах к нему.

За родной Ленинград

Ленинград — название этого города для меня всегда звучит волнующе, заставляет учащенно биться сердце. Здесь я родился за Невской заставой в октябре 1905 года. Отец мой — Матвей Андреевич, сын бывшего крепостного, выходец из Смоленской губернии — работал токарем; мать — Прасковья Никитична — ткачихой. Жили мы очень бедно, ютились в бараке. Я смутно помню своих пятерых братьев и сестер. Все они умерли от болезней. Мне повезло, наверно, лишь потому, что в 1920 году отец решился уехать на родину, в Смоленскую губернию, где комитет бедноты выделил ему надел земли из бывших помещичьих угодий.

Детство же мое прошло в Питере, в неповторимую пору революционных бурь, потрясших всю Россию. Отправившись в ночь с 4 на 5 сентября 1941 года из Сестрорецка в Смольный, я не мог не вспомнить матросские костры у Таврического дворца, к которым мы, мальчишки, с восторгом таскали дрова, красногвардейские патрули на улицах. Много общего было сейчас у Ленинграда с октябрьской порой 1917 года. Город снова надел солдатскую шинель, приобрел суровый, военный облик.

Несколько часов назад гитлеровская дальнобойная артиллерия в очередной раз обстреливала жилые кварталы. В пламени догорающих пожаров были видны разбитые здания, с выставленными как напоказ пустыми квартирами.

Осенняя листва не могла прикрыть обезображенные воронками улицы и тротуары. Сжимались кулаки от ярости. Казалось, что весь притаившийся в ночной темноте многомиллионный город сжал зубы в непреклонной решимости выстоять и победить!

Вот и Смольный с памятником Ильичу за ажурной оградой. Можно представить мое волнение, когда, предъявив документы часовому, я шел к этому зданию, в котором работал великий Ленин в исторические дни Октября.

На лестницах и в коридорах тихо и спокойно. Озабоченные гражданские и военные направляются по своим делам, как мне кажется, подчеркнуто неторопливо.

В приемной командующего войсками фронта меня долго не задержали. Широко раскрылась дверь, и я, печатая шаг, вошел в большой кабинет. Навстречу мне из-за длинного стола, примыкавшего к письменному, заваленного топографическими картами, поднялся Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Член Военного совета фронта А. А. Жданов, стоя у окна,

наблюдал за моим представлением, а затем подошел и крепко пожал руку.

— Садитесь, — показал на ближайший к нему стул Андрей Александрович.

Маршал Ворошилов стоял рядом. Я поблагодарил за приглашение и тоже остался стоять.

— Товарищ Андреев, — очень спокойно сказал А. А. Жданов, — Военный совет фронта назначил вас командиром 43-й стрелковой Краснознаменной дивизии. Ее личный состав в основном составляют ленинградцы, закаленный рабочий народ. Среди них много коммунистов. Это одно из лучших, одно из самых боеспособных соединений фронта.

— Части дивизии, — продолжил К. Е. Ворошилов, жестом приглашая меня к расстеленной на столе карте, — после упорных и кровопролитных боев на Карельском перешейке северо-восточнее Выборга отошли в район Койвисто к Финскому заливу и на кораблях и баржах вывозятся в Ленинград. В данное время основные силы дивизии сосредоточены в городе, в красных казармах. Вам следует без промедления вступить в командование дивизией. К 4 часам утра к перрону Финляндского вокзала будут поданы железнодорожные эшелоны. Личный состав и материальную часть погрузить и отбыть в распоряжение командующего 23-й армией. К исходу дня по мере прибытия эшелонов занять оборону в районе Лемболовского озера. Задача: во взаимодействии с частями укрепленного района не допустить прорыва противника к Ленинграду. Задача вам ясна?

Задача ясна. Мне оставалось только поблагодарить за высокое доверие. Жданов и Ворошилов по очереди крепко обняли меня, пожелали боевых удач. От столь неожиданного внимания я совсем было растерялся и растрогался, не знал, что больше и сказать. Но здесь меня выручил Андрей Александрович. Взглянув на часы, он вдруг проговорил:

— Уже за полночь, Климент Ефремович! Пора нам поужинать, да и Андрей Матвеевич подкрепится с нами перед дорогой. Подождите меня минутку… — Он прошел в свой кабинет и вернулся с небольшим черным мешочком, затянутым тесемкой. Точно такой мешочек я увидел и в руках Ворошилова.

«Что они в них хранят?» — разобрало меня любопытство.

В столовой все выяснилось. В Ленинграде на все продукты питания была введена жесткая карточная система. В черных мешочках Жданов и Ворошилов хранили выданные им на несколько дней вперед хлеб и галеты.

После весьма скромного ужина Андрей Александрович открыл свой мешочек и положил туда оставшийся на тарелке

кусочек хлеба, а затем достал пачку галет и протянул ее мне.

— Вам на дорогу, Андрей Матвеевич, — сказал он с такой доброй улыбкой, что у меня и слов не нашлось, чтобы отказаться от неожиданного подарка. — Ведь на довольствие вы не сразу станете…

Это был еще один урок, полученный мною от Андрея Александровича Жданова. Прослужив долгие годы в армии, занимая высокие командные должности на фронте и в мирное время, я всегда старался, чтобы мой быт не был тайной для подчиненных. Такой подход к личной жизни, если она вообще есть у руководителя крупного масштаба, отметает все поводы для кривотолков и пересудов.

Побывав в штабе фронта, я получил краткие сведения о соединении, которым начал командовать.

43-я стрелковая — кадровая дивизия. В период войны с белофиннами в 1939–1940 годы за прорыв линии Маннергейма была награждена орденом Красного Знамени. С 1940 года дислоцировалась на Карельском перешейке северо-восточнее Выборга. С началом Великой Отечественной войны прочно удерживала рубеж государственной границы в своей полосе обороны. С прорывом противника на сортавальском направлении к Вуоксинской водной системе, выполняя приказ командующего 23-й армией, дивизия, отойдя от линии государственной границы, сосредоточивалась юго-восточнее Выборга с задачей нанести контрудар в направлении Вуосалми по прорвавшейся группировке противника из Кексгольма к Вуоксинской водной системе. Контрудар дивизии был подготовлен плохо. Части соединения встретили сильное сопротивление, одновременно противник силами 18-й пехотной дивизии, усиленной танковой бригадой, нанес по нашему открытому левому флангу сильный удар. Части дивизии понесли значительные потери, а командир соединения был тяжело ранен, что не могло не сказаться на боеспособности соединения. Не имея твердого управления, части дивизии стали отходить к Финскому заливу в район Койвисто, с наступлением темноты переправились на остров. Артиллерийские полки, занимавшие огневые позиции южнее в глубине, по инициативе своих командиров сумели отойти на новые рубежи.

В составе нового пополнения в части дивизии пришло немало коммунистов из числа ленинградских рабочих, о которых говорил мне и А. А. Жданов. Это позволило резко поднять уровень партийно-политической работы в соединении.

В первом часу ночи мне с ординарцем Михаилом Бродским не сразу удалось найти красные казармы. Стоило спросить у

ночных патрулей, где они находятся, как начиналась тщательнейшая проверка документов, отнимавшая немало времени. И все же мы добрались благополучно.

Встретивший меня оперативный дежурный доложил, что здесь действительно временно размещены штаб 43-й стрелковой Краснознаменной дивизии и некоторые ее части, остальные на подходе. Артиллерийские полки на огневых позициях в полосе обороны 23-й армии. Из командиров штаба и частей дивизии, кроме него (дежурного), пока нет никого. Почти все командиры — ленинградцы, и командование разрешило им до утра навестить свои семьи. На вопрос, какую боевую задачу получила дивизия, оперативный дежурный отвечал обстоятельно и доложил, что уже сделано. Но не обошлось и без неувязок: первый эшелон должен отойти в пять часов утра, а основная масса начальствующего состава штаба, частей и подразделений отпущена в город до шести часов. Все попытки оповестить командиров пока результатов не дали. Город большой, машин нет, старые адреса зачастую оказывались недействительными, так как семьи многих командиров в связи с проводимой эвакуацией в городе находились в других местах.

Тут впору и занервничать. На мой вопрос, что сделано кроме оповещения командного состава, оперативный дежурный доложил:

— Временно до прибытия командиров на их должности назначил сержантов, они у нас в основном кадровые, имеют боевой опыт и с задачей справятся. Подъем в 2 часа, выступление через час. В 4.00 посадка, первый эшелон в 5.00 отойдет.

В 4.30 5 сентября 1941 года к перрону Финляндского вокзала были поданы железнодорожные составы для первого эшелона. Я был немало удивлен: весь эшелон имел только классные вагоны. Не могу вспомнить фамилию молодого командира из оперативного отделения штаба дивизии, который, заметив, что я сильно встревожен, тут же вручил строевую записку, в которой было указано по частям и подразделениям количество личного состава, оружия и боеприпасов. Личный состав имел винтовки, небольшое количество ручных пулеметов, несколько станковых пулеметов. Стрелковые полки располагали лишь несколькими батальонными и полковыми минометами и радиостанциями, все остальное вооружение дивизии, за исключением артиллерии — двух дивизионных полков, в предыдущих боях по тем или другим обстоятельствам было утрачено; тылы дивизии вместе с артиллерийскими полками смогли отойти и в данное время сосредоточились в районе Лемболово. От такой строевой записки мне не стало легче.

Посадка личного состава проходила организованно, четко. В то сентябрьское теплое утро я наблюдал, как со всех сторон не шли, а летели к своим подразделениям, своим эшелонам, вагонам прибывающие из города командиры. Многие из них так и не смогли найти своих близких. Некоторые нашли вместо своих домов горящие развалины, узнали о гибели матерей, жен, детей во время артиллерийского обстрела. Эти люди были воплощением ненависти к врагу. Каждое их слово об увиденном и услышанном на улицах родного города вызывало гнев у бойцов, звало к отмщению.

Подходили все новые эшелоны. Молча уходили к ним бойцы и командиры. В их твердом и уверенном шаге чувствовалась неодолимая сила, мощь, в их глазах была уверенность в победе правого дела. Многие из них потеряли близких, родных, враг стоял на подступах великого города Ленина, но шли они гордо, хотя у многих-многих глаза были полны слез, но это были не слезы слабости, не слезы отчаяния, а слезы скорби, за которую дорого должен был заплатить враг.

Маршрут нашего пути был короткий, потребовалось всего несколько часов — и первые эшелоны на конечной станции. Это небольшой разъезд, примерно в 10 километрах юго-восточнее озера Лемболовского. От разъезда рукой подать до переднего края нашей обороны, созданной еще в довоенное время по рубежу Государственной границы Советского Союза 1939 года. Огневые сооружения рубежа сохранялись в полной боевой готовности. Противник, обойдя долговременные огневые сооружения, местами вклинился в передний край и захватил отдельные участки первой траншеи. Некоторые долговременные огневые точки уже много часов вели бой в окружении, в их числе и так называемый миллионный дот, прикрывавший основной выход из района Лемболовского озера. Фашисты несколько раз пытались подорвать его, но расчет дота продолжал героически сражаться.

В такой сложной, напряженной обстановке, когда кругом шел бой, эшелоны дивизии выгружались и прямо с ходу батальонами, ротами и взводами устремлялись на помощь уровцам.

Противник не ожидал и вообще не предполагал, что 43-я стрелковая дивизия, которая позавчера вела бой юго-восточнее Выборга и отошла в район Койвисто, появится на новом участке. Враг дрогнул и откатился под ударами успевших вступить в бой подразделений стрелковых полков, поддержанных массированным огнем артиллерии. Укрепленный Лемболовский район с его долговременными огневыми сооружениями и боевыми расчетами выдержал ожесточенную схватку с противником и теперь, с приходом частей 43-й стрелковой

дивизии, стал вдвойне сильнее.

Обстановка на Карельском перешейке в полосе 23-й армии в течение сентября 1941 года стабилизировалась, все попытки противника на отдельных направлениях вклиниться в оборону наших войск успеха не имели. Мы со своей стороны наносили отдельные частные удары с ограниченной задачей. В конце концов противоборствующие стороны, не располагая достаточными силами, ограничили свою деятельность разведывательными поисками и боевыми действиями по улучшению начертания переднего края.

В 1967 году на 31-м километре Приозерского шоссе, на берегу речки Муратовки, был сооружен мемориал «Лемболовская твердыня». Проходит он по рубежу, на котором 6 сентября 1941 года части 23-й армии Ленинградского фронта, пограничники и моряки Балтийского флота остановили врага.

Военная судьба распорядилась так, что я прокомандовал 43-й стрелковой дивизией до 24 октября 1941 года. Еще не успев по-настоящему изучить личный состав, был срочно вызван в штаб фронта для нового назначения.

И вот я снова в Смольном. В том же кабинете, в котором 4 сентября 1941 года меня принимали товарищи К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов, представился исполняющему обязанности командующего Ленинградским фронтом генерал-майору Ивану Ивановичу Федюнинскому (командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков был отозван в Москву).

Генерала Федюнинского я увидел впервые. Выше среднего роста, затянутый ремнями, он производил впечатление опытного строевого командира, у которого ни в словах, ни в жестах нет ничего лишнего. Все продумано, заранее взвешено.

Речь генерала часто прерывалась. То он смотрел на развернутую на столе топографическую карту с нанесенной обстановкой, то подходил к окну. Чувствовалось, что Иван Иванович сильно озабочен. Да, было над чем задуматься.

Ставка Верховного Главнокомандования в соответствии со сложившейся обстановкой требовала активных действий во имя спасения населения многомиллионного города. Для этого было необходимо овладеть станцией Мга и освободить от противника железную дорогу на участке Ленинград, Волхов. 20 октября 1941 года наши войска атаковали вражеские позиции с востока и запада. На отдельных участках они потеснили гитлеровцев, но серьезных успехов не достигли. По переправам через Неву в районе Невская Дубровка фашисты вели сильный артиллерийский и минометный огонь. Не хватало паромов для переброски танков и орудий сопровождения пехоты. Переправить

на Невский пятачок полки 86-й и 265-й стрелковых дивизий удалось ценой крупных потерь.

В середине октября гитлеровцы развернули наступление на тихвинском направлении, стремясь полностью замкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда и соединиться с финнами на реке Свирь в районе Лодейное Поле. Это лишило бы Ленинград единственной коммуникации через Ладогу и резко ухудшило положение наших войск на Северо-Западном театре военных действий. Гитлер и Маннергейм, обломав свои зубы фронтальными ударами с севера и юга, решили ударом в направлении реки Свирь создать второе кольцо окружения Ленинграда и костлявой рукой голода задушить героических защитников города. В это же время противник развернул генеральное наступление на столицу нашей Родины — Москву.

Введя меня в оперативную обстановку, генерал Федюнинский закончил:

— Решением Военного совета Ленинградского фронта вы, полковник Андреев, назначены командиром 86-й стрелковой дивизии. Боевую задачу получите от командования Невской оперативной группы. Действия вашей дивизии должны быть смелыми, решительными и энергичными. Бой предстоит вести в особых условиях: форсирования водной преграды, захвата и расширения плацдарма.

С этим напутствием я и отправился в путь. На старушке эмке вместе с водителем и ординарцем проскочили через Литейный мост, миновали Всеволжский и, повернув на юг, въехали в поселок Колтуши. Среди сбросивших листву деревьев сиротливо белели корпуса знаменитых лабораторий, где трудился физиолог Иван Петрович Павлов. Дорога, обогнув небольшой перелесок, свернула к шлагбауму. И вот уже через несколько минут мы крепко обнимаемся с полковником Н. В. Городецким — начальником штаба Невской оперативной группы (НОГ). Вместе с ним мы переживали трудное время боев на Карельском перешейке, часто встречались в штабе 23-й армии. Городецкий сразу приступил к делу.

— По решению Военного совета Ленинградского фронта войска Невской оперативной группы, — сказал полковник, — используя плацдарм на левом берегу реки Невы в районе Московская Дубровка, захваченный в ночь на 20 сентября частями 115-й стрелковой дивизии генерала Конькова и 4-й бригады морской пехоты генерала Ненашева, имеют задачу во взаимодействии с войсками 54-й армии, наступающей с востока, прорвать блокаду города, ликвидировать «бутылочное горло» фашистов, опирающееся на район Шлиссельбурга. Ударом в

направлении станции Мга освободить Кировскую железную дорогу на участке Ленинград, Волхов. Это является жизненной необходимостью для Ленинграда, его населения и войск фронта.

Для фашистской группировки, — продолжал Городецкий, — вышедшей к Ладожскому озеру у Шлиссельбурга, возникла реальная опасность окружения. Нас от 54-й армии отделяет узкая горловина шириной 12–16 километров. Ваша 86-я стрелковая дивизия, Андрей Матвеевич, во взаимодействии с 20, 265 и 10-й стрелковыми дивизиями группы наступает в направлении 1-й Городок, Синявино, где ожидается встреча с войсками 54-й армии, наступающей с востока. Противник пытается сбросить в Неву наши переправившиеся части. Короче говоря, — подвел итог Городецкий, — сложнее обстановки не бывает. Сейчас это самая горячая точка фронта.

Позднее из уст моего старого сослуживца по Карельскому перешейку генерал-майора В. Ф. Конькова я более подробно узнал о развернувшихся здесь событиях, когда в ночь на 20 сентября 1941 года подразделения первого эшелона 115-й стрелковой дивизии, которой он командовал, форсировали Неву и захватили на ее левом берегу плацдарм, получивший в истории Великой Отечественной войны известность под названием Невский пятачок.

В сентябре гитлеровцы несколько раз пытались переправиться через Неву в районе Невской Дубровки, чтобы на Карельском перешейке замкнуть блокадное кольцо по суше вокруг Ленинграда. Однако сделать это им не удалось. Находившиеся на этом рубеже советские войска стойко обороняли свои позиции.

115-я стрелковая дивизия была измотана непрерывными атаками фашистов. Однако в подразделениях поддерживался высокий боевой настрой. Наши воины не собирались ограничиваться только обороной. Было принято решение форсировать Неву ночью и захватить плацдарм. Ставка делалась на внезапность: гитлеровцы меньше всего ожидали такой дерзости. Было предложено несколько вариантов переправы. Генерал Коньков решил проводить форсирование без артиллерийской подготовки. Рискованно, но зато больше шансов достигнуть внезапности…

В первом эшелоне шел батальон 576-го стрелкового полка, которым командовал старший лейтенант В. П. Дубик, храбрый, грамотный в тактическом отношении офицер. Батальону ставилась задача форсировать Неву, овладеть плацдармом в районе Московской Дубровки и обеспечить переправу главных сил дивизии.

Ночное небо по-осеннему дождило. Это значительно облегчило действия десантников. Шум дождя способствовал маскировке при спуске на воду переправочных средств. Кроме того, была тщательно проверена экипировка личного состава, подгонка снаряжения.

Расчет на внезапность оправдался. Батальон скрытно переправился на левый берег и внезапно атаковал врага.

Противник, понимая, что вслед за первым эшелоном начнут переправляться другие подразделения, обрушил на храбрецов всю мощь огня. Однако это не остановило воинов передового батальона 638-го стрелкового полка, которые по примеру соседей также начали форсирование.

Вместе с 638-м полком на пятачок переправился батальон 4-й бригады морской пехоты Балтийского флота. Наши войска прочно закрепились на небольшом прибрежном участке первоначально протяженностью в два километра по фронту и один километр в глубину. Этот клочок земли насквозь просматривался и простреливался противником.

Однако несгибаемыми были мужество и отвага советских воинов.

Вскоре вся оперативная группа была на плацдарме. В течение месяца 115-я стрелковая дивизия и 4-я бригада моряков вели упорные бои. Враг нес большие потери. В самый ответственный момент боев за Ленинград на этом участке были скованы значительные силы гитлеровцев, предназначенные для штурма города: четыре пехотные и одна воздушно-десантная дивизии, артиллерия, танки и авиация. Кроме того, фашистское командование было вынуждено задержать отправку танкового корпуса на московское направление.

В штабе НОГ меня уже ожидал представитель управления дивизии — помощник начальника оперативного отделения старший лейтенант И. И. Айзенштад. С ним мы отправились к переправе через Неву. До реки оставалось около километра, когда мы остановили автомашину и пошли лесной тропинкой. Хорошие здесь росли раньше сосны, раздолье для грибов, черники, клюквы. Рабочие местного бумажного комбината и их семьи в этом лесу хорошо проводили дни отдыха, а сейчас — сплошной бурелом. Кругом воронки от бомб и снарядов, нет ни одного уцелевшего дерева. Тропинка кончилась, дальше пошли по траншее далеко не полного профиля. Траншея уперлась в урез невской воды. Несколько в стороне от траншеи — щель для трех-четырех человек. Мы по одному спрыгнули в нее.

По-октябрьски рано сгущались сумерки. На противоположном берегу медленно, как костер из старых сучьев, разгорался бой.

Плацдарм, переплетенный огненными трассами, все больше становился похожим на раскаленный кусок металла, по которому безумолчно ухали молоты пушек.

Все наши пристани переправ правого берега Невы находились под наблюдением противника, а следовательно, под хорошо скорректированным артиллерийско-минометным огнем. Зеркало воды дополнительно простреливалось, прошивалось фланговыми пулеметными огнями справа из района Арбузово и слева из района 8-й ГРЭС.

Старший лейтенант Айзенштад, не теряя времени даром, ввел меня в обстановку. Докладывал он грамотно, четким военным языком:

— Прямо перед нами Московская Дубровка, от нее остался только разбросанный кирпич. Передний край противника проходит: северная окраина Арбузово, далее по дороге в направлении северо-западная окраина 1-го Городка и упирается в урез невской воды. Его основные опорные узлы: на правом фланге — Арбузово, на левом — 8-я ГРЭС, в центре между песчаными карьерами просматривается перекресток грунтовых дорог, мы его называем «пауком» — он отлично пристрелян противником и нашими артиллеристами и минометчиками, все стараются его обойти. В центре, в направлении «паука», наступает 20-я стрелковая дивизия полковника Иванова, на правом фланге виднеются остатки Арбузово, за его северную окраину ведут бои части 265-й стрелковой дивизии полковника Буховца. Наша 86-я стрелковая дивизия на левом фланге, прямо против нас, наступает в направлении 1-го Городка.

С соседних пристаней началась переправа. Отдельные лодки проскакивали пятисотметровое расстояние за 10–12 минут. Противник почти каждую лодку брал в огневую вилку. Снаряды и мины разрывались то сзади, то спереди, то справа, то слева.

— Пора и нам переправляться, — сказал старший лейтенант. Он окликнул кого-то в сгустившейся темноте. Появился пожилой боец. Гимнастерка топорщилась на его сутулых плечах. Было видно, что раньше ему не доводилось носить военную форму. Сверкнув стеклами очков в позолоченной тонкой оправе, боец произнес приятным голосом:

— Товарищ полковник, прошу минут пять-шесть повременить. Гитлеровцы люди аккуратные. Стреляют по графику. Сейчас ведут огонь по второй переправе, а мы с вами в районе четвертой переправы. Бьют по четным переправам, а потом по нечетным.

Не прошло и двух-трех минут, как фашисты обрушили на район нашей переправы шквал огня. Щель надежно укрывала.

Наша лодка была уже на плаву, а через считанные минуты после посадки — на середине реки. Противник, сделав небольшую огневую паузу, заметил наше суденышко и снова открыл огонь. Старший лодки, тот самый боец в очках, сказал:

— Вот слушайте и смотрите! Снаряды идут в район второй переправы. А вот эта серия — по нашей переправе. Снаряды упадут ближе к правому берегу и значительно правее курса нашей лодки.

Гребцы хорошо изучили и освоили характер и наиболее вероятные рубежи огневых налетов противника. Маневрируя лодкой то вправо, то влево, но только вперед, мы быстро проходили все огневые завесы.

— Хороший у вас слух, — похвалил я гребцов, — отлично прослушиваете траекторию полета снарядов.

Старший лейтенант Айзенштад пояснил:

— Так это наши профессора. Профессора Ленинградской консерватории по классу фортепьяно, добровольцы из бывшей 4-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения.

…4 июля 1941 года в Мраморном дворце Ленинграда царило большое оживление. Здесь добровольцы Дзержинского района записывались в 4-ю дивизию народного ополчения. В ее состав входили также добровольцы Куйбышевского района и города Колпино. Бойцами становились рабочие, служащие, педагоги, артисты. Один из батальонов был укомплектован работниками ленинградской милиции. В дивизии собрались люди разного возраста: и ветераны революции, и студенты-первокурсники. Они еще не умели как следует владеть оружием, но были сильны духом, готовы умереть, но не пропустить врага в родной город.

В связи со сложной обстановкой на фронте дивизия, еще не полностью сформированная, слабо обученная, не сколоченная и недостаточно вооруженная, 20 июля 1941 года отправилась на фронт.

Ополченцы военную науку познавали в бою с азов. Учились владеть боевым оружием, строить и удерживать оборонительные позиции, районы и рубежи, контратаковать непосредственно в боях. Дивизия воевала под Кингисеппом, пробилась из вражеского кольца у Волосова и соединилась с нашими войсками в районе Краспогвардейска (Гатчина). С сентября 1941 года и до середины октября 1941 года 4-я дивизия народного ополчения вела бои на рубеже Усть-Тосно, Покровское. Командование дало высокую оценку боевым действиям дивизии, и, когда Военный совет фронта стал готовить наступательную операцию в районе Невской Дубровки с форсированием Невы, для участия в ней была привлечена 4-я дивизия народного ополчения, ставшая к

этому времени кадровой 86-й стрелковой дивизией. Вот почему в ней служили и давно снятые с военного учета профессора Ленинградской консерватории по классу фортепьяно, с которыми я познакомился на Неве…

Это были минуты огневого крещения. Фонтаны воды от разорвавшихся снарядов буквально окружали нашу лодку со всех сторон. Такое огневое крещение принял каждый воин, переправившийся на плацдарм.

А вот и левый берег, наш Невский пятачок. Оглохшему от орудийных выстрелов, мне казалось, что переправа через Неву с ее быстрым течением заняла много времени. А прошло всего 12 минут. Вслед за неутомимым старшим лейтенантом я сделал прыжок в щель, еще бросок — и мы в землянке штаба оперативного отделения 86-й стрелковой дивизии.

Эта землянка, как я после узнал, одна из самых просторных на пятачке, отличалась пирамидальной формой. На грубо сколоченном из горбыля столе тускло светила коптилка, сделанная из сплющенной консервной банки. Рядом лежала припорошенная осыпавшейся с потолка землей карта с нанесенной оперативной обстановкой.

В землянке я познакомился с военным комиссаром дивизии старшим батальонным комиссаром И. А. Степановым и другими командирами. Вскоре в узкую дверь протиснулся еще один командир в красноармейской пилотке и хлопчатобумажной гимнастерке. На боку у него висела большая полевая сумка, в руках — солдатская плащ-палатка. Он с трудом держался на ногах.

— Товарищ полковник! — едва размыкая запекшиеся губы, произнес он. — Батальонный комиссар Щуров, начальник политотдела 86-й стрелковой дивизии. — Крепко пожимая мне руку, он попытался улыбнуться, но губы упрямо не хотели улыбаться, зато в чуть прищуренных глазах с черными кругами от бессонницы светился живой, добрый огонек.

Так я в первые же минуты пребывания на плацдарме познакомился с начальником политотдела, старым питерским рабочим, бывшим секретарем Дзержинского райкома партии. Ополченская дивизия, ставшая в непрерывных боях кадровым соединением Красной Армии, была его кровным детищем. Батальонный комиссар в ночь на 20 октября 1941 года находился в подразделениях первого эшелона 169-го и 330-го стрелковых полков, на 46 лодках форсировавших Неву в районе Невской Дубровки, вместе с ними на плацдарм переправился и политический отдел дивизии. Форсирование прошло организованно, главное — скрытно от противника. Гитлеровцы

вели только беспокоящий артиллерийско-минометный огонь. Утром 20 октября 1941 года после артиллерийской подготовки, проведенной нашим 248-м артиллерийским полком капитана Телегина и 386-м минометным дивизионом капитана Лушникова, поддержанные артиллерией Невской оперативной группы полки первого эшелона дивизии успешно атаковали врага. Гитлеровцы на нашу атаку ответили мощным огнем сотен орудий и минометов с трех сторон: с 8-й ГРЭС, из рощи «Фигурная» и леса в районе Мустолово. Потом по плацдарму бомбовый удар нанесла авиация противника. Все было покрыто черным дымом и пылью. Наши подразделения, несмотря на сильный огонь фашистов, продолжали атаковать и сумели расширить плацдарм по фронту и в глубину. Политотдельцы были в передовых подразделениях полков первого эшелона дивизии. Они говорили с красноармейцами, командирами. Политработники призывали не топтаться на месте, а идти вперед, расширять плацдарм — чем скорее, тем лучше.

Сам Щуров только что побывал на переправах, встретил последний эшелон 284-го стрелкового полка. На переправах большая скученность людей и техники. Сильным фланговым огнем из района 8-й ГРЭС и Арбузово противник простреливает, буквально прошивает насквозь огнем все наши боевые порядки. А оборудованных исходных рубежей для атаки нет. Бойцы укрываются в воронках от бомб и снарядов. Все это сильно затрудняет управление подразделениями.

Щуров докладывал обстановку неторопливо, глуховатым голосом. О самых сложных ситуациях он говорил спокойно, с глубокой убежденностью человека, верящего, что сложившиеся трудности временные и будут во что бы то ни стало преодолены.

— В боевых порядках мало орудий непосредственного сопровождения пехоты, — сказал батальонный комиссар в заключение своего доклада. — Очень мешает нам в боях за расширение плацдарма нехватка снарядов.

Поблагодарив Александра Васильевича Щурова за обстоятельный доклад, я выслушал начальника разведки дивизии капитана Александрова, начальника штаба артиллерии дивизии майора Фишера. Начальник штаба дивизии майор Козлов предложил в течение ночи и первой половины следующего дня подготовить и организовать разведку боем, вскрыть огневую систему противника, установить слабые и сильные места обороны. Особенный интерес представляла огневая система и рубежи обороны противника в направлении 8-й ГРЭС.

Посоветовавшись, разведку боем решили провести не ночью и не с утра, а на исходе следующего дня, чтобы с наступлением

темноты закрепить захваченные рубежи.

Вечером 26 октября усиленный разведывательный батальон после короткого артиллерийского налета дружно пошел в атаку. Сплошную огневую завесу заградительного огня противника роты первого эшелона проскочили броском и ворвались в гитлеровскую траншею, завязав в ней гранатно-штыковой бой.

В бою бывает и так, что хорошо начатая атака захлебывается. Так получилось и у нас в правофланговой разведывательной роте на участке 330-го стрелкового полка. Все вроде шло нормально. С наблюдательного пункта командира полка, где я находился, было хорошо видно, как из-за эстакады 8-й ГРЭС фашисты обрушили на атакующих шквал минометного и пулеметного огня. Залегли отделение, взвод, а затем и вся рота. И тогда как из-под земли вырос батальонный комиссар Щуров. В пилотке и наброшенной на плечи плащ-палатке, это он с поднятой рукой пошел навстречу вражескому огню. В едином порыве поднялись в атаку бойцы, успешно завершая разведку боем. Так я впервые увидел в деле начподива. Он не командовал, он не приказывал. Его личный пример был самым действенным и сильным приказом. Было позорно, стыдно на глазах начальника политического отдела дивизии отсиживаться в воронках, а не идти вперед на врага.

…Над рекой и пятачком господствовала мрачная громада 8-й ГРЭС, дававшая врагу не только отличные возможности для наблюдения, но и превосходные условия для оборудования огневых позиций с надежными убежищами в подземных этажах. В глубине вражеской обороны, не более как в тысяче метров от линии берега, стояли два огромных кургана из шлака, накопленного за 10 лет работы ГРЭС. Разведка боем показала, что на них фашисты оборудовали пулеметные точки, отлично замаскировали их. Впереди курганов находились два глубоких песчаных карьера, в которых гитлеровцы подготовили огневые позиции минометов всех калибров. Эти позиции не просматривались и были защищены от настильного огня. Подходы к своим минометам враг перекрывал не только огнем с высоты громадины ГРЭС, но и с двух эстакад, вплотную подходивших к зданию ГРЭС и имевших здесь высоту, равную высоте этого здания. Торф в опрокидывающихся вагонетках по одной из эстакад поступал к бункерам станции на ее крыше. По второй эстакаде пустые вагонетки скатывались обратно на торфяные разработки. Между этими двумя эстакадами стояли тяжелые минометы противника, которые вели огонь по переправам, по подходам к ним, по акватории реки и по территории самого пятачка. Река и пятачок, благодаря излучине Невы, простреливались также еще и из деревни Арбузово, в спину

нашим частям, наступающим на эстакаду и ГРЭС.

Во время разведки боем было взято несколько пленных из гитлеровской парашютно-десантной дивизии, в 1940 году бравшей Крит.

Разведка боем дала нам много ценного.

Прошло больше месяца со времени высадки первого эшелона на пятачок. За этот период противник сумел хорошо блокировать плацдарм. Мы, беспрерывно наступая, израсходовали по частям свои резервы. И все же обстановка и время требовали, и это было жизненно необходимо для Ленинграда и в целом для Ленинградского фронта, провести операцию по деблокаде города. Планировалось встречными ударами 54-й, 55-й армий и Невской оперативной группы разгромить вражеские войска, действовавшие в районе Синявино, Мги, и восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. В дни подготовки операции гитлеровцы начали наступление на тихвинском направлении. В такой неблагоприятной ситуации и началась 20 октября Синявинская наступательная операция. Вскоре часть сил пришлось перебросить в район Тихвина.

С утра 29 октября 1941 года планировалось общее наступление всей группировки войск невского плацдарма. Наша 86-я стрелковая дивизия получила задачу во взаимодействии с соседом справа — 115-й стрелковой дивизией полковника А. Ф. Маношина, — наступая в направлении 1-го Городка, ударом с юго-запада и вдоль южного берега Невы овладеть опорным узлом обороны противника — 8-й ГРЭС.

29 октября 1941 года части дивизии после короткого огневого налета перешли в наступление. За день боя мы продвинулись на 50–100 метров, на левом фланге у бровки реки овладели траншеей противника.

Поставленную задачу удалось выполнить далеко не полностью. Сказывалась прежде всего нехватка орудий и снарядов к ним. Так метрами, ценой тяжелых потерь расширялся по фронту и в глубину легендарный плацдарм.

В первых числах ноября 1941 года продолжались бои на ближних подступах к Москве. Ставка, уделяя основное внимание обороне столицы, продолжала пристально следить за положением в районе Ленинграда и на тихвинском направлении.

Сейчас известно, что 8 ноября в разговоре по прямому проводу с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом М. С. Хозиным и членом Военного совета А. А. Ждановым Верховный Главнокомандующий потребовал более активных действий и предложил командованию Ленинградского фронта по-настоящему заняться организацией наступательного

боя, лучше использовать артиллерию и танки. Он рекомендовал отобрать из разных частей добровольцев, сформировать из них один или два сводных полка, объяснить им великое значение подвига, который потребуется, чтобы пробить дорогу на восток.

Добровольческие ударные коммунистические полки должны были стать главными частями прорыва. Командование одним из этих полков принял старый коммунист генерал-майор Пантелеймон Александрович Зайцев. В первом батальоне полка были моряки-балтийцы и пограничники, второй и третий батальоны состояли из добровольцев, пришедших в полк из 168-й и 281-й стрелковых дивизий.

В те трудные дни, когда советский народ отмечал 24-ю годовщину Великого Октября, бойцы 86-й стрелковой дивизии готовились во взаимодействии с соседями и отдельными добровольческими коммунистическими ленинградскими полками, усиленными танками 123-й отдельной тяжелой танковой Краснознаменной бригады генерал-майора В. И. Баранова, выполнить приказ Верховного Главнокомандующего.

Готовясь к наступлению, я тщательно обследовал весь участок обороны дивизии, переходя из подразделения в подразделение по траншеям и ходам сообщения, переползая под огнем от воронки к воронке.

Беседуя с командирами, политработниками, красноармейцами, я все время думал о том, как снизить эффективность вражеского огня и, стало быть, наши потери, когда подразделения пойдут в атаку. А что, если подвести траншеи ближе к окопам противника, на расстояние метров 20–25? Ведь тогда нейтральную полосу можно преодолеть одним стремительным броском!

Собрав командиров полков, я поставил им задачу приблизить траншеи к переднему краю гитлеровцев. Инженерные работы велись по ночам с соблюдением всех правил маскировки. Вырытую землю складывали на плащ-палатки и относили к берегу реки. Вскоре мой приказ был выполнен.

В те же дни вместе со старшим батальонным комиссаром Иваном Алексеевичем Степановым мы очень серьезно занялись вопросами питания личного состава. Дело в том, что походные кухни находились на правом берегу Невы и доставлять в термосах оттуда горячую пищу на пятачок было исключительно опасно и трудно. Очень часто фашисты топили лодки с людьми, подвозившие термосы на левый берег. Посоветовавшись со Степановым, я приказал переправить походные кухни на плацдарм и вырыть для них надежные укрытия в крутом берегу. Горячая пища стала поступать в подразделения регулярно, да и

контроль за расходованием продуктов улучшился. В блокадных условиях это имело немалое значение.

В период с 7 по 10 ноября на плацдарм с правого берега было переправлено несколько артиллерийских и минометных подразделений. Теперь на пятачке заняли огневые позиции батарея 76-мм полковых орудий, батарея противотанковых орудий, минометная рота 169-го полка, один взвод минометного дивизиона, минометная рота 330-го полка.

В ночь с 9 на 10 ноября я произвел перегруппировку частей дивизии. 169-й и 330-й полки были сосредоточены на левом фланге плацдарма. 330-й полк должен был наступать на 1-й Городок, а 169-й — в направлении 8-й ГРЭС. Нашим артиллеристам и минометчикам много было поставлено задач на подавление целей в районе 1-го и 2-го Городков, на разрушение траншей у кромки берега Невы.

Много работы было у политического состава. До каждого бойца было доведено содержание доклада И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, и речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве.

11 ноября 1941 года войска Ленинградского фронта в районе Невской Дубровки в девять часов тридцать минут после 30-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Первый эшелон 86-й стрелковой дивизии — 330-й и 169-й стрелковые полки атаковали противостоящего противника и, ломая его сопротивление, к исходу дня отбросили части 7-й воздушно-десантной дивизии гитлеровцев к северо-восточной окраине 1-го Городка и завязали бой за здание 8-й ГРЭС. Хорошо в этот день поработали артиллеристы орудий непосредственного сопровождения пехоты и батальонные минометчики. Гитлеровские парашютисты, выбитые из первых траншей, бежали. Наши артиллеристы и минометчики накрывали их огнем. Противник понес большие потери. Но дальше в этот день части 86-й стрелковой дивизии продвинуться не смогли. Противник трижды за день переходил в контратаку, поддержанный сильным артиллерийско-минометным огнем. Его контратаки были отражены.

Наши соседи справа во взаимодействии с 1-м и 2-м ударными добровольческими коммунистическими полками, поддержанные танками 123-й танковой бригады, продвинулись к опушке леса рощи «Фигурная». Несмотря на героизм добровольцев коммунистических полков и танкистов — особенно отличались мужеством, героизмом и мастерством экипажи тяжелых танков

КВ, — осуществить прорыв не удалось. Ударная группа в составе 168-й стрелковой дивизии, двух добровольческих коммунистических полков и 123-й танковой бригады была остановлена мощным артиллерийским и минометным огнем. Наши танки буквально натолкнулись на артиллерийский забор орудий прямой наводки. Огневой удар фашистов следовал за ударом, только кировская броня смогла выдержать эту «молотьбу».

В последующие дни после многочисленных и кровопролитных атак части дивизии, сломив сопротивление врага, овладели 1-м Городком, а группа бойцов, преодолевая огневое сопротивление, на плечах отброшенного врага ворвалась в здание электростанции, но закрепиться не смогла.

Мне стало ясно, что имеющихся сил явно недостаточно для выполнения поставленной задачи. Доложив свои соображения командованию НОГ и получив «добро», вызвал командиров полков на НП и поставил им новую боевую задачу: в дневное время усилить активность снайперов и пулеметчиков, выслеживать и уничтожать появляющихся гитлеровцев. Ночью направлять в расположение врага небольшие группы бойцов с задачей истреблять фашистов в траншеях и блиндажах. Главное — наносить урон живой силе противника.

На Невском пятачке сражались храбрейшие из храбрых, ставшие настоящими мастерами ближнего боя. Стрелковый батальон под командованием капитана В. И. Яскина стремительным броском атаковал траншею гитлеровцев и не задерживаясь вышел к северо-восточной окраине 1-го Городка. Дорогу наступающим преградил дзот. В бою лучшее решение — действие. Пулеметчики 1-го взвода 2-й стрелковой роты по приказу комбата открыли огонь по амбразуре, ослепили гитлеровцев, а два других взвода справа и слева обошли дзот и ударили с тыла, уничтожив огневую точку.

Война заставила сугубо мирных людей досконально изучить военное дело. Без этого нельзя мастерски бить врага. Бывая в 169-м стрелковом полку, я любил встречаться с командиром орудийного расчета сержантом Ворониным — бывшим знаменитым оренбургским трактористом, награжденным за успехи в труде орденом Ленина. Воронина отличала огромная физическая сила — на потеху товарищам подковы гнул. В бою он становился чрезвычайно спокойным. «Спешить нам некуда, — объяснял он сослуживцам, — врагов много, снарядов мало. Каждый выстрел — только в цель». Расчет, которым командовал Воронин, точно поражал огневые точки гитлеровцев и прямой наводкой, и с закрытых позиций. Русский богатырь погиб у

орудия при отражении одной из многочисленных контратак гитлеровцев в районе 1-го Городка.

Дни и ночи Невского пятачка… Какой мерой сегодня измерить, понять, почувствовать, что это было за время! Днем от непрерывной канонады защитники плацдарма глохли, и только ночью слух возвращался к ним. Казалось, что сидят они под громадным колоколом и кто-то с постоянством маятника бьет в него. Жаль, что не было у этого колокола стен для защиты от огня.

Были на плацдарме и свои праздники — семь отраженных атак в день. Радость к исходу таких дней бывала двойной: враг нес большие потери и появлялась надежда, что назавтра будет затишье. Буднями считались дни, когда с восхода до захода продолжался артиллерийский обстрел. Да, на этом маленьком клочке земли, прижавшись к Неве, жили, сражались, не отступали. Придумали хитрый способ укрываться от артогня: стали занимать те траншеи, которые мы отрыли ближе к немецким окопам. И от снарядов спасались и противника беспокоили.

В первых числах декабря 1941 года части дивизии были выведены в резерв 8-й армии. Дивизия сосредоточилась на правом берегу Невы в районе овощного совхоза и Нового поселка. Получила пополнение и готовилась к новым боям. Отдых дивизии оказался непродолжительным. 20 декабря 169-й стрелковый полк майора В. С. Смородкина по льду переправился через Неву и с ходу во взаимодействии с подразделениями 123-й танковой бригады генерал-майора В. И. Баранова атаковал противника в направлении Арбузово, Анненское. Несмотря на смелые и решительные действия танкистов и стрелков, достигнутый успех был минимальным. В это же время гитлеровцы на левом фланге пятачка в районе 1-го Городка потеснили ослабленные подразделения нашего соседа слева. На помощь ему отправился 330-й стрелковый полк майора С. А. Блохина. Боевые действия на флангах плацдарма с новой силой разгорелись и охватили весь пятачок. Советские воины дрались за каждую складку местности, за каждый котлован, вырытый взорвавшейся бомбой или снарядом, за каждый ход сообщения. Огневой, гранатный и штыковой бой шел днем и ночью.

Наступившая зима осложнила положение наших войск на Невском пятачке. Условия жизни определялись фронтовыми блокадными трудностями. Не хватало продовольствия, боеприпасов, теплой одежды. Участились случаи заболеваний авитаминозом, цингой, куриной слепотой. Тем не менее никто не отчаивался. Нас вдохновляли известия о победах наших войск под

Москвой.

«Сделали там, сделаем и мы» — вот мысль, которая владела каждым. Напрасно враг рассчитывал выиграть на нашем голоде и напрасно из его окопов постоянно кричали через радиоусилители на пятачок: «Эй, рус, приходи, накормлю, отдохнешь, пойдешь в тыл, цел будешь». Это фашистское оружие не действовало, хотя вообще жизнь была очень и очень тяжела для всех.

Запомнился такой случай. С левого берега я однажды увидел бойца, тянувшего за собой изрядное бревно к нам на пятачок. Шел он медленно, видно обессиленный голодом, да и груз его был не из легких. Гитлеровцы заметили одинокую фигуру и начали минометный обстрел. Мины ложились очень близко. С поразившим меня спокойствием боец шел с бревном, как муравей с подсохшей былинкой, пока одна мина не разорвалась рядом. Бревно упало, упал и он, красноармеец, но вскоре спокойно поднялся и снова потащил свою ношу дальше. Такое спокойствие и равнодушие к опасности объяснялось, конечно, не одной только обстрелянностью, но и усталостью.

На прибывающих из пополнения бойцов было тяжело смотреть. Выглядели они очень истощенными, шинели болтались на них, как на вешалках. Однако мы и в те зимние дни не только оборонялись, но и сами наносили чувствительные удары гитлеровцам — уничтожали их живую силу.

Можно привести много фактов мужества и героизма наших бойцов. Припоминаю такой эпизод. Вражеский снаряд повредил линию связи между левым и правым берегом. Устранять повреждение на лед реки вышел сержант Трошнев. Заметив его, гитлеровцы открыли пулеметный огонь. Не обращая внимания на свист пуль, сержант обнаружил обрыв и принялся сращивать провода, но в это время его ранило в руку. Тогда связист зажал концы проводов в зубах. Вторая пуля обожгла шею. Сержант устранил повреждение, работая одной здоровой рукой. В последний момент в ногу впилась третья пуля. Истекая кровью, герой пополз к левому берегу. Ему на помощь уже спешили товарищи…

Переход через Неву по льду стал несравненно более простым, чем лодочная переправа, хотя легких маршрутов и безопасных мест не было не только на пятачке, но и на правом берегу Невы.

Запомнился мне и другой случай, взволновавший и возмутивший нас. С переднего края 169-го стрелкового полка в штаб дивизии был доставлен мальчик, перешедший по льду Невы со стороны противника. Было ему лет десять — двенадцать. Он рассказал, что послан немецким офицером. Зачем понадобилось этому мерзавцу посылать ребенка под пули, под минометный

огонь, вначале мы не поняли, а затем догадались. Оказывается, гитлеровский обер-лейтенант попросту хотел проверить таким чудовищным способом состояние наших минных полей у кромки берега. Вот почему на мальчика, худого и легкого, навьючили тяжелый вещевой мешок. Мы немедленно усилили минные поля и боевое охранение по всей линии обороны и особенно в районе перехода подростка. Не много прошло времени, не помню, в ту же ночь или в следующую, и на наших минах в этом районе подорвался вражеский разведчик. Таким образом, фашистская затея использовать ребенка для разведки минных полей обратилась против них самих. Добавлю, что негодяй фашист требовал от мальчика, чтобы он вернулся обратно, осмотрев наши позиции, и пригрозил, что иначе расстреляют его мать. Что может быть страшнее вражеского произвола над мирным населением?

* * *

Приближающаяся весна 1942 года обещала принести новые большие трудности. Пока держалась переправа по льду, связь с 330-м стрелковым полком, оборонявшим Невский пятачок, была надежна и помощь ему могла быть оказана всегда. Но как будет, когда Нева вскроется и по ней все быстрее и быстрее поплывут льдины, в особенности льдины с Ладоги? Мощный ледоход на несколько дней отрежет полк от правого берега. Только тот, кто видел своими глазами ладожские льды на верхней Неве, знает, что это такое, какова сила и мощь этого раскованного богатыря.

Во время ледохода при том ничтожном количестве снарядов, которым располагала артиллерия, оказать 330-му стрелковому полку активную поддержку огнем с правого берега невозможно. Управление и огневые средства дивизии оказались раздвоенными и распыленными на широком фронте по правому берегу Невы от Пороги до Невской Дубровки. 284-й стрелковый полк в декабре 1941 года временно расформировался. Дивизии подчинили другой полк под этим же номером, стоявший на охране ледовой Дороги жизни через Ладожское озеро.

В феврале и марте 1942 года дивизия силами батальонов 169-го стрелкового полка, оборонявшего правый берег, в целях вскрытия системы огня и обороны противника провела разведку боем через Неву на участке бумажного комбината и района, примыкавшего к взорванному железнодорожному мосту у деревни Кузьминки.

Поставленная задача была выполнена не полностью, но все же разведка много дала для уточнения системы огня и обороны

гитлеровцев.

Мартовский разведывательный поиск проходил по очень ненадежному льду, и вскоре наступил день, который мы с такой тревогой ждали все это время.

Нева вскрылась, и ее мощные льды стремительно поплыли по речной шири. Со звоном и грохотом они оборвали всякую связь между берегами. Льды оказались сильнее гитлеровского огня. Мимо пятачка из Ладожского озера поплыли куски ледовой трассы, остатки стойбищ на льду и другие звенья навечно прославленной Дороги жизни. Но нам было уже не до зрелищ и размышлений.

Больше месяца 330-й стрелковый полк стойко выдерживал ожесточенные атаки гитлеровцев, занимая участок Невского пятачка, который раньше обороняли две дивизии. Полк занимал оборону по фронту 3,8 километра. У нас на 1 километр фронта приходилось по 94 человека, у фашистов — не менее 1000 активных штыков[5].

Утром 24 апреля 1942 года, когда пришел в движение невский лед, над пятачком взвились столбы поднятой разрывами земли, бревна разбитых землянок. Песчаная туча закрыла горизонт. Начались ожесточенные атаки гитлеровцев в целях уничтожения защитников плацдарма. Телефонная связь штаба дивизии с 330-м стрелковым полком оборвалась, но наблюдение с правого берега и показания первых раненых, которых успели с величайшим трудом эвакуировать, позволили все же воспроизвести картину того, что там происходило.

Командир полка майор Сергей Алексеевич Блохин, в самом начале боя получивший ранение в шею, остался в строю и управлял подразделениями на правом фланге. Гитлеровцы нанесли по героям пятачка бомбоштурмовой удар авиации и обрушили огонь множества орудий и минометов. Пехота противника, ведя наступление с нескольких направлений, расчленила наши силы, в результате чего левый фланг пятачка был быстро отсечен. Противник вклинился в его расположение и вышел на берег реки в районе одной из переправ.

С 330-м стрелковым полком сражался отдельный отряд дивизии под командованием капитана Федора Носова. Отважный офицер погиб во время контратаки. Эта контратака была не единственной. Защитники пятачка, несмотря на большие потери от бомбовых ударов авиации и артиллерийско-минометного огня противника, дрались с большим упорством, оборонялись в отдельных блиндажах, дзотах.

На помощь 330-му стрелковому полку рвались все, кто был на правом берегу Невы. Добровольцев было много, но переправа на

пятачок была сильно затруднена не только могучим ледоходом, но и тем, что артиллерийско-минометным огнем врага была уничтожена большая часть лодок. На помощь поспешил 1-й стрелковый батальон 284-го стрелкового полка. Этот полк после вскрытия Ладожского озера был передислоцирован в район Дубровки. В первой же лодке на плацдарм переправился командир стрелкового батальона. Одновременно на плацдарм перебралась группа начальствующего состава 86-й стрелковой дивизии: старший батальонный комиссар Щуров с политработниками Еремеевым и Перемиевским, начальник штаба дивизии майор Козлов, начальник оперативного отделения майор Гусев с помощником лейтенантом Гультяем. Гусев был ранен еще на правом берегу у самой переправы, остальные успели переправиться через Неву. Руководство эвакуацией раненых с левого берега и организацией переправы было возложено на комиссара штаба дивизии старшего батальонного комиссара Середина, и он все это горячее время безотлучно был на четвертой переправе.

…К концу второго дня боя на плацдарме плавсредств не осталось совсем.

В течение трех дней и ночей герои пятачка делали все, что было в их силах. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Никто не покинул поле боя. Раненые находились на своих позициях.

26 апреля с утра гитлеровцы еще больше усилили артиллерийский и минометный огонь. Горела земля. Снаряды и мины разрушали окопы и ходы сообщения. Фашисты, полагая, что уничтожили всех защитников пятачка, в полный рост пошли в атаку. Уцелевшие герои встретили их метким огнем. Отважно бились бойцы во главе с комиссаром стрелкового батальона М. И. Певзнером. Рядом сражались бойцы под командованием командира полка майора С. А. Блохина, раненного теперь еще и в обе ноги.

Гитлеровцы атаковали район командного пункта 330-го стрелкового полка. Их встретила группа бойцов под командованием начальника штаба 86-й стрелковой дивизии майора Я. В. Козлова, в которую входили комиссар полка старший политрук Алексей Васильевич Красиков, начальник штаба полка майор Александр Михайлович Соколов, его помощник старший лейтенант Кукушкин, командиры Гринблат и Кузьмин.

Более 12 раз поддержанные мощным артиллерийским огнем, используя огнеметы, которые сжигали все живое, гитлеровцы бросались в атаку на горсточку храбрейших из храбрых и каждый раз откатывались с большими потерями.

К исходу 27 апреля 1942 года в штаб 86-й стрелковой дивизии с пятачка пришла последняя радиограмма. В ней сообщалось: «Как один бойцы и командиры до последней капли крови будут бить врага. Участок возьмут только через наши трупы. Козлов, Блохин, Соколов, Красиков».

Фашисты усилили атаки, ввели в бой свежие силы. Оборона 330-го стрелкового полка была разрезана. В нескольких местах фашисты вышли к Неве. Начальник политического отдела дивизии батальонный комиссар А. В. Щуров и начальник штаба дивизии майор Я. В. Козлов, возглавляя оборону в районе командного пункта полка, во время одной из контратак были смертельно ранены и скончались на пятачке. Героически встречали смерть бойцы, командиры и политработники. На боевом посту, увлекая за собой в атаку бойцов, пал смертью храбрых комиссар полка старший политрук Алексей Васильевич Красиков.

С правого берега еще просматривались отдельные небольшие очаги сопротивления, истекавшие кровью, тяжелораненые герои еще несколько дней сражались с фашистами. Так закончились семимесячные бои на пятачке.

Только за три дня — с 25 по 27 апреля 1942 года — защитники невского плацдарма уничтожили более полутора тысяч солдат и офицеров противника, вывели из строя восемь наблюдательных пунктов, четыре дзота, восемь минометов, одно орудие, взорвали погреб с боеприпасами[6].

На исходе 27 апреля 1942 года реку переплыл трижды раненный начальник штаба полка майор А. М. Соколов.

Трижды раненный человек в ледоход, под вражеским огнем переплыл разлив Невы. Какой же силой духа должен он обладать? Когда в наши дни полковника в отставке Александра Михайловича Соколова просят рассказать об этом событии, он долго собирается с мыслями и только ему одному известно, как это трудно, до боли в сердце, возвращаться в огненное прошлое.

— Ночь выдалась светлая, — скупо роняя слова, говорит он, — и в цвете — фашисты «иллюминацию» устроили. Конечно, обнаружили, стали обстреливать, пришлось то и дело нырять. Один раз нырнул, на исходе дыхания рванулся на поверхность и ударился затылком об лед. Еще бы несколько секунд и… Но это был уже край льдины. Вынырнул, перевернулся на спину — левую ногу не чувствую, нет левой ноги. Брассом, на одних руках, плыл дальше. Сколько времени прошло — не знал (потом оказалось, что барахтался я в Неве два часа). В очередной раз ударился головой. Это был уже не лед, а причаленный к берегу плот. Вылез на бревна и потерял сознание. Когда пришел в себя, оказалось,

что примерз к бревнам, лежал как распластанный. Кое-как оторвался, пополз от реки…

До последнего патрона, до последнего оставшегося в живых бойца сражался на плацдарме легендарный 330-й стрелковый полк.

О последних днях обороны Невского пятачка, подвигах моих однополчан пишу по рассказам очевидцев. Решением Военного совета Ленинградского фронта в конце февраля 1942 года я был назначен первым заместителем командующего 42-й армией, но думается, что рассказ о мужестве и стойкости воинов 86-й стрелковой дивизии был бы неполным без этих заключительных строк.

Уже в 1943 году, после взятия 8-й ГРЭС и территории бывшего Невского пятачка, когда наш передний край подошел к деревне Арбузово, офицеры штаба 86-й стрелковой дивизии побывали в разбитых землянках и дзотах в глубине обороны пятачка. Всюду были видны следы упорного боя, большая часть деревянных укреплений сожжена. Они внимательно осмотрели все бывшие сооружения, случайно разрыли старую траншею. В ней открылась картина, достойная запечатления на барельефе в память о погибших здесь защитниках Ленинграда.

Среди засыпанных песком наших бойцов один, вероятно из бывших моряков, был без гимнастерки, в одной тельняшке, с винтовкой, вонзенной штыком в труп гитлеровского солдата, а в нескольких шагах от них лежал гитлеровец с автоматом, стрелявший, по-видимому, в нашего безвестного героя. Всех их накрыл своим разрывом один снаряд во время последней атаки фашистов на пятачке.

Советский народ свято чтит светлую память героических защитников города Ленина. В местах, где 330-й стрелковый полк 86-й стрелковой дивизии встретил фашистского зверя и в ожесточенных боях остановил его, установлены памятники, увековечившие подвиги воинов полка. Это им посвящены проникновенные стихи Роберта Рождественского, высеченные на монументе «Рубежный камень»:

Вы,
живые,
знайте,
что с этой земли
мы уйти не хотели
и не ушли,
мы стояли насмерть
у темной Невы,

мы погибли,
чтоб жили вы.

* * *

В последних числах марта 1942 года на потрепанной эмке 5-го погранотряда я приехал на КП 42-й армии, который располагался в подвалах многоэтажного дома в районе мясокомбината.

Оперативный дежурный провел меня в кабинет начальника штаба армии полковника Г. К. Буховца. Познакомились, разговорились. Слушая начальника штаба, я сразу проникся к нему симпатией. Подумалось, что с этим спокойным и уравновешенным командиром, умеющим уловить новое в жизни войск, будет хорошо работать.

Вместе с полковником Буховцом я пошел представляться командарму 42-й генерал-лейтенанту Ивану Федоровичу Николаеву. Навстречу нам поднялся стройный, подтянутый генерал, приветливо улыбнулся:

— Здравствуйте, Андрей Матвеевич! Ждем вас с нетерпением, нам вы очень нужны!

В это время в кабинет вошел невысокий, широкоплечий, неторопливый в движениях корпусной комиссар. Это был член Военного совета армии Николай Николаевич Клементьев. Командарм сообщил, что мне предстоит немедленно заняться вопросами проверки организации несения дежурной службы на переднем крае и обкатки танками личного состава. Затем генерал подошел к разложенной на столе карте с нанесенной на ней обстановкой…

Передний край соединений 42-й армии правым флангом северо-западнее станции Лигово упирался в Финский залив, далее проходил несколько севернее Урицка, по северной окраине Старо-Паново, южной окраине Верх-Койрово, Пулковские высоты, до полотна железной дороги Ленинград — Пушкин. Далее начиналась полоса обороны соседа слева — 55-й армии.

Здесь гитлеровцы стояли у ворот города Ленина. У противника находились отличные наблюдательные пункты в Пишмаше, Урицке, на Вороньей горе. Фашисты просматривали не только главную полосу нашей обороны, но и всю глубину обороны армии.

На прямой наводке гитлеровцы держали один из крупнейших заводов нашей страны — Кировский и основной фарватер

морского сообщения Ленинград — Кронштадт. Противник имел полную возможность позволить себе выбор объекта, цели.

Ведя планомерный прицельный разрушительный огонь, фашисты не считались с тем, что перед ними многомиллионный город, имеющий культурные ценности, которые дороги не только советскому народу, но и всему прогрессивному человечеству.

К Ленинграду фашисты стянули мощную дальнобойную артиллерию, в том числе самые тяжелые орудия из всех захваченных стран Европы. Тут были: 240-мм железнодорожная пушка «Рейнметалл», стрелявшая на 36–45 километров; так называемая «Толстая Берта» — 420-мм мортира, которая била 800-килограммовым снарядом; 400-мм железнодорожная французская гаубица, вес снаряда которой составлял 900 килограммов; 305-мм мортира «Шкода М-16»; 220-мм мортира «Шнейдер»; 210-мм пушка «Шкода» и многие другие мощные дальнобойные орудия.

Характерной особенностью действий вражеской артиллерии под Ленинградом являлось то, что с конца 1941 и начала 1942 года по своему боевому назначению она стала разделяться на две части. Первая часть представляла собой обычную войсковую артиллерию. В нее входили орудия от 75-мм пушек до 210-мм мортир, обладавшие сравнительно небольшими дальностями стрельбы. Эта артиллерия располагалась вблизи переднего края и обеспечивала оборону немецких войск.

Вторая часть немецкой артиллерии состояла из более мощных орудий от 150-мм пушек до 420-мм мортир. Это была так называемая осадная артиллерия. Она располагалась в глубине обороны и имела специальную задачу — разрушать город, уничтожать его население и воздействовать на коммуникации.

«…Окружить город тесным кольцом, путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей.

…Если будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения». Эти выдержки из директивы бесноватого фюрера своим войскам лишний раз убеждают в людоедской сущности фашизма.

* * *

Осенью и зимой первого года войны гитлеровцы неоднократно предпринимали попытки ворваться в город Ленина, но все их атаки были отбиты. Устойчивости обороны в районе Пулковских высот, ключа обороны Ленинграда, значительно способствовали активные наступательные действия войск Ленинградского фронта в районе Невской Дубровки. Успешные боевые действия наших войск под Тихвином и на волховских рубежах явились звеньями единой оборонительной операции советских войск. Военный совет фронта потребовал от каждой армии продолжать совершенствовать оборудование двух полос — главной и второй, отстоящей от главной на 3–5 километров, на особо важных направлениях подготовить отсечные позиции.

Там, где сейчас высятся в микрорайонах Ленинграда высотные нарядные дома, полоса армейской обороны утопала в болотах, над которыми вздыбленным холмом лежали Пулковские высоты. Они резко выделялись по сравнению с низкими и болотистыми местами главной полосы обороны. Ближе к правому флангу армейской полосы перпендикулярно к ней проходила железнодорожная насыпь Балтийской железной дороги, а на левом фланге, в районе стыка с 55-й армией, проходило полотно железной дороги Ленинград — Пушкин. Еще дальше — в глубине в районах «Рогатка» и «Мясокомбинат» — параллельно переднему краю главной полосы обороны армии проходила высокая железнодорожная насыпь.

В сентябре 1941 года войска Ленинградского фронта, дивизии народного ополчения и моряки Балтийского флота на этих рубежах остановили рвавшиеся к городу Ленина отборные гитлеровские войска.

Непосредственно за армейской полосой следовали оборонительные рубежи внутренней обороны города (ВОГ). Они состояли из внешней полосы и городских секторов. Внешняя полоса ВОГ делилась на четыре района: южный, восточный, северный и западный.

Внешняя полоса ВОГ оборудовалась по-полевому, то есть в виде батальонных районов, подготовленных к заполнению их полевыми войсками. Внутригородские секторы обороны представляли собой систему опорных пунктов, включали подготовленные к круговой обороне городские постройки и заводские территории.

В пунктах вероятной высадки вражеских десантов, а ими считались наиболее крупные городские площади, а также окраины города, устанавливались пулеметные точки и велось круглосуточное наблюдение.

Рубежи обороны пересекали весь город, на его площадях

стояли мощные доты, а в заложенных кирпичом окнах домов зияли амбразуры. Город постоянно начеку, готовый принять бой на своих улицах и сражаться за каждый дом, за каждый этаж.

Исполняя обязанности первого заместителя командующего 42-й армией, я много времени уделял вопросам поддержания высокой боевой готовности войск первого эшелона, занимающих главную полосу обороны, особенно личного состава первой позиции, опорных пунктов и узлов обороны. С командирами всех степеней отрабатывались взаимодействие огнем и маневром, организация службы наблюдения, полевая выучка и дальнейшее совершенствование оборонительных сооружений. Особенно много труда вложили мы в обкатку танками личного состава.

К нам в армию в большом количестве стали поступать снятые с недостроенных линкоров и крейсеров броневые башни, башни с танков КВ, отдельные бронелисты. Мы стали усиливать полевые сооружения главной и второй полосы обороны армии ботами (броневыми огневыми точками), дзотами (деревоземляными огневыми точками), усиленными броневыми листами. Бот и дзот врезались в железнодорожные насыпи, особенно в районе «Рогатка», значительно укрепляя подступы к городу.

«Осенью 1941 года войска и население проделали громадную работу по строительству оборонительных сооружений. На южном и северном обводах к началу 1942 года было около 82 км противотанковых рвов, почти 25 км эскарпов и контрэскарпов, около 9 км надолб, 144 км проволочных заграждений, более 24 км баррикад, 1400 броневых, железобетонных и деревоземляных огневых точек»[7].

Зимой город не мог выделять для строительства военно-инженерных сооружений достаточное количество людей, и в армейских частях ослабевшие от недоедания бойцы меньше занимались тяжелыми оборонительными работами.

Костлявая рука голода простерлась над мирными жителями и защитниками города Ленина. С 20 ноября 1941 года по рабочим карточкам стали выдавать 250 граммов хлеба на день, а по остальным — 125 граммов. На передовой бойцу выдавали 500 граммов в день, а в тыловых частях — 300 граммов. В декабре иссякли запасы крупы и овощей. Вот так выглядело обычное меню тех дней: завтрак — суп из муки, обед — тот же суп или мучная каша, ужин — снова мучной суп.

В частях, особенно в тех, которые находились во втором эшелоне, многие бойцы, как и горожане, болели элементарной дистрофией — истощением.

«На 1 декабря 1941 года в войсках Ленинградского фронта, действовавших на блокированной территории, болели тяжелой

формой дистрофии 6061 человек, на 1 января 1942 года количество больных возросло до 12 604 и на 1 февраля — до 13 719. За три месяца части потеряли более 11 тысяч командиров и рядовых бойцов, то есть фактически полную дивизию. С февраля 1942 года количество больных дистрофией начало постепенно сокращаться, и к лету случаи заболеваний уже почти не встречались»[8].

Крылатыми в городе стали слова старых рабочих Кировского завода: «Камни будем есть, а Ленинград не сдадим».

«Своим героическим примером ленинградцы говорят нам — нет выше дела, нет благороднее долга, чем отдать всю силу ума, весь пламень души, всего себя без остатка Родине», — писала 12 февраля 1942 года фронтовая газета «На страже Родины».

В этот период перед партийными и комсомольскими организациями была поставлена задача воспитывать у бойцов непоколебимую веру и правоту нашего дела и победу над врагом, высокую стойкость в обороне и постоянную боевую готовность.

Военный совет фронта требовал от политорганов вести свою работу так, чтобы наши люди постоянно стремилась вступить в схватку с врагом. И это должно быть не единичным явлением, а массовым.

Штаб и политотдел 42-й армии приложили немало усилий для организации широкого снайперского движения. Вскоре оно во всех частях стало массовым и эффективным. Мне часто вспоминается один эпизод. На огневой позиции выстроен минометный расчет. Политрук роты, круглолицый лейтенант, крепко пожимая руку взволнованному всеобщим вниманием бойцу, объявляет: «Рядовой Иван Петрович Гаврилов, выполняя боевую задачу по защите города Ленина, будучи на боевой охоте, сегодня убил фашистского зверя. По русскому обычаю поклонимся рядовому Ивану Петровичу от матери-Родины и от себя. Убив фашистского зверя, он сохранил жизнь своим товарищам-воинам, жизни наших матерей, отцов, жен и детей, приблизил час нашей победы». Нужно ли говорить, насколько волнующими стали такие поздравления для снайперов.

Советский патриотизм и лютая ненависть к гитлеровцам, пытавшимся в кольце блокады задушить Ленинград, стали главными побудительными причинами рождения снайперского движения в войсках фронта. Будущий Герой Советского Союза снайпер Ленинградского фронта сержант Владимир Николаевич Пчелинцев рассказывал в своей книге: «Ленинградцы страдали от холода и голода, их бомбили, у них не было воды, освещения. И вот в эти дни я получил маленькую посылочку из Ленинграда, в которой заботливой детской рукой среди других вещей был

уложен бублик. Прошло много лет, но каждый раз, когда я вспоминаю фронт, мне приходит на память этот бублик. В такие минуты перед моими глазами предстает худенький, голодный, посиневший от холода ленинградский мальчик, который тоненькими, прозрачными пальчиками кладет в посылку этот бублик… «дяденьке солдату… чтобы кушал бублик и крепче бил фашистов!!!».

Нет, теперь я не удивляюсь тому, что мог лежать на лютом холоде целые дни, выслеживая фашистскую мразь, которая пыталась отнять у наших детей счастливое детство.

Часто, направляясь на «охоту», я встречал своих многочисленных друзей. «На охоту?» — спрашивал кто-нибудь из них. И в их голосе чувствовалась товарищеская зависть. «Не забудь и за меня хлопнуть одного, а то я сегодня дежурю!»[9]

Зимой 1941/42 года снайперы стали самыми знатными людьми армии и фронта, а их движение благодаря широкой пропаганде, заботе командиров и политработников — поистине массовым. Много сделала армейская газета «На разгром врага» для переклички снайперов, в ходе которой они раскрывали секреты своего мастерства.

Письма известных истребителей гитлеровцев читались и перечитывались бойцами, горевшими желанием открыть свой счет мести. Патриотическому движению снайперов способствовали их слеты в полках, дивизиях, армиях.

Во время армейского слета снайперов мне довелось познакомиться со многими из них.

Вот Александр Калинин. Круглое, доброе русское лицо, прозрачные синие глаза. Военная форма сидит на нем мешковато. И не подумаешь, что перед тобой грозный снайпер и отважный разведчик. За первые полгода войны Калинин уничтожил 115 фашистов. Двадцать раз переходил линию фронта, около ста семи дней он провел в тылу врага.

С большим интересом слушал я выступление сержанта Владимира Николаевича Пчелинцева. Он рассказал, что еще до войны, особенно во время учебы на геофизическом факультете Горного института, увлекался стрелковым спортом. Поэтому, записавшись добровольцем в Красную Армию, он попросил снайперскую винтовку.

Свой боевой счет комсомолец Пчелинцев открыл 8 сентября 1941 года, а ко дню слета он уже уничтожил около 150 гитлеровцев. Когда в 11-й стрелковой бригаде была организована снайперская школа, командование во главе ее поставило сержанта В. Н. Пчелинцева. Теорию ученики знаменитого снайпера изучали в тылу, а практику проходили на передовой,

вместе с учителем уничтожая гитлеровцев.

Пчелинцев рассказал о своих поединках с 14 фашистскими снайперами и закончил выступление любимой поговоркой: «Русский богатырь единожды бьет, да метко кладет».

День за днем рос боевой счет бывшего архангельского лесоруба и охотника ефрейтора Ивана Вежливцева и его товарища Петра Голиченкова. За два месяца они уничтожили более 250 вражеских солдат и офицеров.

Сотни сверхметких стрелков не только истребляли гитлеровцев сами, но и обучали своему мастерству товарищей.

Конечно, не каждая снайперская пуля разила врага. Главное, что по всему переднему краю велся прицельный огонь. Каждую пулю, каждый снаряд воины стремились послать в цель — по врагу. И вскоре фашисты это хорошо усвоили. Наши истребители «научили их ползать», загнали в траншеи.

6 февраля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил высокое звание Героя Советского Союза десяти лучшим из лучших снайперам-истребителям. Вот их имена: старшина И. Д. Вежливцев, красноармеец П. И. Голиченков, заместитель политрука А. А. Калинин, лейтенант Н. А. Козлов, старший сержант С. П. Лоскутов, сержант В. Н. Пчелинцев, старший лейтенант Ф. Ф. Синявин, красноармеец Ф. А. Смолячков, лейтенант Ф. Ф. Фомин, младший лейтенант М. И. Яковлев.

130 лучших снайперов Ленинградского фронта были награждены орденами и медалями. 22 февраля 1942 года, выступая на фронтовом слете снайперов-истребителей, А. А. Жданов назвал их подлинными героями Великой Отечественной войны и поставил задачу перед командирами, комиссарами, политорганами и партийными организациями сделать снайперское движение массовым.

С каждым днем все ощутимее становились результаты снайперского движения. Пленный гитлеровец показывал: «Русские стреляют дьявольски метко, все попадания — в голову, меж глаз, в шею. В тихие дни русские снайперы выбивали из нашей роты по 6–10 человек».

В дневнике убитого фашистского ефрейтора сделана такая запись: «Основные потери наш батальон несет от огня артиллерии и от огня русских снайперов, которые сильно затрудняют работу саперов… За четыре месяца наша рота потеряла от их огня 119 человек».

Боевая слава ленинградских снайперов не забыта и в наши дни. Тот, кому представится возможность побывать в Государственном музее истории Ленинграда, несомненно заметит среди его экспонатов и этот — винтовку, к которой прикреплена

металлическая пластинка с надписью: «Снайперу-истребителю И. Добрику от члена Военного совета Ленинградского фронта А. Жданова. 22 февраля 1942 года». К тому времени отважный снайпер уничтожил 300 гитлеровцев.

Герой живет в своем родном селе Кудлаи, что в Немировском районе Винницкой области. После войны он работал плотником в колхозе, принимал активное участие в восстановлении общественного хозяйства. Теперь Иван Тимофеевич на пенсии. Но не сидит ветеран сложа руки. Его часто можно видеть в кругу учащихся сельской школы. Фронтовик помогает воспитывать их пламенными патриотами Родины.

* * *

В июне 1942 года под Ленинградом наступило относительное затишье. Активные боевые действия шли вдали от города — на волховских рубежах и в районе Демянска, где Волховский и Северо-Западный фронты сковывали крупные силы группы армий «Север».

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила предложение Военного совета фронта о нанесении удара по мгинско-синявинской группировке противника, где наши войска разделяла от войск Волховского фронта сравнительно узкая (шириной 14–16 километров) горловина: встречными ударами с востока и запада планировалось протаранить вражескую оборону и очистить от врага южное побережье Ладожского озера, то есть сделать то, чего не смогли добиться наши войска осенью 1941 года.

Наряду с задачей прорыва блокады имелось в виду сорвать подготовку гитлеровцев к новому штурму города.

Основная тяжесть в предстоящих боях ложилась на войска Волховского фронта. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков писал: «Героические войска Ленинградского фронта были истощены тяжелыми условиями жизни и сильно ослаблены длительной обороной. Им было не под силу взять на себя выполнение большой задачи, и Ставка старалась облегчить им участие в операции»[10].

Войска Ленинградского фронта должны были активными действиями сковать противостоящие силы противника, расположенные в шлиссельбургской горловине, оказать содействие Волховскому фронту артиллерией и авиацией.

Было решено провести частную операцию с ограниченными целями на правом фланге 42-й армии и в полосе обороны 55-й

армии. Меня пригласил к себе командующий 42-й армией генерал-лейтенант И. Ф. Николаев и сообщил, что из штаба фронта получена директива, в которой ставилась боевая задача: «42-я армия 21 июля 1942 года частями 109-й и 85-й стрелковых дивизий, поддержанных артиллерией армии, заняв исходное положение для наступления на правом фланге армии в районе Лигово, внезапным ударом овладевают опорными пунктами фашистов Старо-Паново и Урицк. Проведение данной операции и командование группой войск правого фланга 42-й армии возложить на заместителя командующего армией генерал-майора А. М. Андреева».

Должен отметить, что штаб фронта полностью поддержал замысел операции, в разработке которой мне довелось принимать активное участие. И это радовало. Всем нам, и бойцам и командирам, познавшим в тяжелых боях за город Ленина горечь неудач, голод и холод, хотелось нанести ощутимый удар по врагу, почувствовать радость победы.

В ночь с 21 на 22 июля 1942 года подразделения и части 109-й и 85-й стрелковых дивизий, составляющие первый эшелон оперативной группы 42-й армии, начали выдвижение к исходному рубежу, используя ходы сообщения и траншеи, с задачей за два часа до атаки первого эшелона занять исходное положение — первую траншею главной полосы обороны армии.

Точно в назначенное время ударил по врагу дивизион гвардейских реактивных минометов. Через несколько секунд после залпа в Урицке с сильным грохотом и огненно-ослепительным блеском начали рваться один за другим снаряды-ракеты. Дома в поселке затрясло как в лихорадке, улицы его были охвачены морем огня. Обезумевшие гитлеровские солдаты и офицеры панически метались по траншеям и между горевшими зданиями.

Одновременно с залпом «катюш» приданная и поддерживающая артиллерия произвела огневой налет, и наши первые эшелоны перешли в наступление. Стрелковые цепи с ходу овладели первой, а затем второй траншеей фашистов, левым флангом ворвались в опорный пункт противника — Старо-Паново и на окраину поселка Урицк.

Потребовалось 20–30 минут, чтобы гитлеровцы опомнились, начали оказывать упорное сопротивление нашим атакующим подразделениям. В течение дня они предприняли более десяти безуспешных контратак. Наши войска, овладев Старо-Пановом и северо-восточной окраиной Урицка, прочно удерживали захваченные рубежи.

Медленно наступали сумерки. Бой вспыхивал то на одном, то

на другом фланге. Гитлеровцы никак не могли смириться с потерей опорного пункта Старо-Паново и окраин Урицка и делали все, чтобы выбить нас оттуда.

К середине ночи после уточнения положения дел выяснилось, что наши части понесли значительные потери. Выбыло из строя немало командиров, большие потери у артиллеристов, сопровождавших пехотинцев. Разведчики доложили, что фашисты поспешно подтягивают танки и пехоту с других участков. Все это говорило о том, что утром 23 июля противник нанесет сильный контрудар.

Оценив сложившуюся обстановку и положение наших частей, штаб нашей группы войск принял все меры, чтобы укрепить управление и связь. Усилили противотанковую оборону несколькими орудиями дивизионных артиллерийских полков. Всю ночь саперы устанавливали противотанковые и противопехотные минные поля.

На ожидаемый с утра огневой удар и танковую контратаку врага следовало ответить упреждающим ударом авиации, танков и сосредоточенным артиллерийским огнем. Мы же авиации и танков не имели, не располагали и мощной артиллерийской поддержкой.

Выводы из оценки обстановки и положения наших войск были мною доложены командующему армией генерал-лейтенанту И. Ф. Николаеву. Я просил для удержания инициативы дополнительно усилить группу войск еще одним соединением. Но, видимо, обстановка не позволила сделать это, имела, думается, место и недооценка проводимой операции.

Гитлеровское командование использовало ночь для подтягивания резервов, особенно танков, а огневыми ударами и контратаками имевшихся наличных сил в течение ночи затрудняло закрепление занятых рубежей нашими войсками.

Утром 23 июля 1942 года последовали удары бомбардировочной авиации по Старо-Панову и северо-восточной окраине Урицка, артиллерийский и минометный обстрел. Имея впереди танки, фашисты с двух направлений атаковали наши части. Превосходство противника в личном составе и особенно в танках и авиации было абсолютным.

Несмотря на абсолютное превосходство противника в огневой и ударной силе, его первая атака была отбита, удалось удержать основные рубежи. Исключительно эффективную огневую поддержку нам оказали бесстрашные артиллеристы моряки-балтийцы. Мощные и точные огневые удары корабельной артиллерии имели решающее значение в отражении первого удара фашистов.

Не глядя на сильный огонь противника, саперы, презирая смерть, устанавливали все новые и новые противотанковые и противопехотные минные поля. Исключительное бесстрашие и героизм проявляли пехотинцы, артиллеристы, моряки, связисты.

Гитлеровцы вторично провели с наибольшим напряжением и плотностью авиационно-артиллерийскую подготовку. Обрушили тонны бомб и снарядов на наши части, которые в Старо-Панове и Урицке успели отрыть только прерывчатые и далеко не полного профиля окопы, а к середине дня, проведя повторную атаку танков и пехоты, вклинились в наши боевые порядки в центре поселка Урицк и в районе Старо-Паново, смяли левофланговые подразделения. В Урицке и далее на правом фланге к Финскому заливу наши подразделения продолжали вести бой за каждый фундамент дома и за каждую воронку.

Во время второго штурма фашистам удалось потеснить наши подразделения. Отдельные взводы, расчеты, несмотря на сильные огневые и танковые удары противника, остались на своих позициях, продолжая драться в окружении, отрезанными от своих батальонов и полков.

На командно-наблюдательном пункте оперативной группы в районе юго-восточнее станции Лигово тяжелое ранение получили начальник штаба и командующий артиллерией группы, я также был ранен, но продолжал руководить боем.

День уже клонился к исходу, но бой не затухал, он расширялся по фронту и особенно в глубину. В поселке Урицк, объятом пламенем, шла сильная стрельба, в огневой винтовочно-пулеметный и минометный бой вступили подразделения, части, прикрывавшие и жестко оборонявшие основной передний край главной полосы обороны армии. Бой развернулся на глубину от ранее занимаемого исходного положения до наступления наших частей до рубежа наибольшего нашего продвижения в глубину обороны врага.

К вечеру сведения от подразделений и частей поступали противоречивые, уточнять их было все труднее и труднее. Большинство командных пунктов оказались разбитыми бомбами и снарядами врага. Многие командиры были ранены, а некоторые погибли.

К утру 25 июля 1942 года наши подразделения и части получили приказ отойти на прежние исходные рубежи.

Активные действия войск блокированного Ленинграда явились своеобразной проверкой наступательных способностей дивизий и полков, подготовкой их перед решительными боями, которые должны были вскоре развернуться. В этих боях гитлеровцы понесли большие потери в живой силе и технике.

102-я Дальневосточная

В конце октября 1942 года я был вызван в Москву, где получил неожиданное, но весьма лестное для меня предложение — возглавить формируемое на Дальнем Востоке соединение из воинов-пограничников. Пограничные войска, в которые я был направлен по комсомольской путевке в 1924 году, навсегда остались близкими и дорогими. Свою воинскую службу я начинал в Смоленском полку ОГПУ. Отсюда был направлен на границу, прошел в фуражке с зеленым околышем по ступенькам разных должностей на заставах, в войсках НКВД. Окончил в 1939 году Военную академию имени М. В. Фрунзе и, как уже известно читателю, получил назначение начальником 5-го пограничного Сестрорецкого Краснознаменного отряда.

С нетерпением я ждал новой встречи с пограничниками, веря, что найду среди них надежных боевых товарищей, которые не подведут во время самых тяжелых испытаний. Казалось, поезд нестерпимо долго стоит на забитых эшелонами станциях: непрерывным потоком шли к фронту платформы с прикрытыми брезентом пушками, танками, другой техникой. Из теплушек выглядывали сосредоточенные лица бойцов и командиров.

По воле партии вся наша страна превратилась в единый гигантский военный лагерь, суровая уверенная жизнь которого свидетельствовала о скором переломе.

В Хабаровске меня встретил начальник погранвойск Дальневосточного округа генерал-майор Анатолий Александрович Никифоров. Он рассказал о подборе командных и политических кадров для нового соединения, о многих еще не решенных вопросах. Пока не хватало в полках артиллеристов, связистов, специалистов инженерно-саперной службы. Их по распоряжению Генерального штаба должны выделить нам из состава войск Дальневосточного фронта.

Командующий фронтом генерал армии И. Р. Апанасенко, которому я представился сразу после встречи с Никифоровым, принял меня не очень приветливо. Узнав, с какой целью я прибыл и где раньше воевал, Иосиф Родионович с нескрываемой горечью высказался по поводу неудач наших войск под Ленинградом.

— За что только награждают вас там, — скользнув взглядом по трем орденам Красного Знамени на моей гимнастерке, недовольно произнес он.

Я хорошо знал, что прославленный герой гражданской войны, бывший начдив Первой Конной рвется на фронт, все его помыслы там, где идут ожесточенные бои с гитлеровцами. Понятно и его

раздражение. И все же посчитал необходимым возразить, сказать, что на фронте случается, что у некоторых ордена за старые заслуги отбирают…

— Ладно, не обижайся, генерал, — вставая из-за резного массивного стола, сказал Апанасенко. Поведя могучими плечами, он неторопливо прошелся по ковровой дорожке к двери кабинета. Приоткрыв ее, приказал адъютанту, чтобы подали нам чаю.

Затем, усевшись напротив меня на жалобно скрипнувший стул, Иосиф Родионович долго расспрашивал о положении на Ленинградском фронте, и чувствовалось: искал ответы на давно не дававшие ему покоя вопросы.

Наконец, отодвинув пустой стакан, сказал:

— Знаю, зачем ты пришел. Проси для своей пограничной дивизии что хочешь. Лучших людей дадим. Для фронта ничего не жалко…

Жизнь нового соединения захватила меня всего, без остатка. Дальневосточная стрелковая дивизия войск НКВД комплектовалась из воинов и командиров Хабаровского и частично Приморского пограничных округов. От добровольцев попасть на фронт, как говорится, отбоя не было. К нам поступали сотни писем от воинов-пограничников с одной только просьбой: «Хочу на передовую, хочу бить врага!»

Соединение формировалось по штатам Наркомата обороны военного времени и получило наименование «Дальневосточная стрелковая дивизия войск НКВД».

Во главе дивизии и ее полков были поставлены опытные командиры и политработники. Начальником политотдела стал полковник Константин Васильевич Овчинников, заместителем командира дивизии был назначен полковник Кузьма Евдокимович Гребенник, а начальником штаба — полковник Даниил Васильевич Казакевич. Оба командира — участники боев с японскими самураями. На таких соратников можно было во всем положиться.

Для новой дивизии никто ничего не жалел. С дальневосточных складов бойцы и командиры получили добротные белые полушубки, валенки, полный комплект легкого стрелкового оружия. Тяжелое вооружение мы должны были получить позже, когда перебазировались в Пермскую область, где подразделения и полки усиленно занялись боевой учебой.

На заключительных тактических учениях с боевой стрельбой присутствовала авторитетная комиссия из Наркомата внутренних дел и Генерального штаба.

— Дивизия боеспособная, готова влиться в состав действующей армии, — сказал возглавлявший ее генерал. — Нам

остается только подписать соответствующий акт.

— Нет, не готова! — вынужден был я возразить председателю комиссии. — У нас совершенно нет транспорта, ни автомобильного, ни гужевого. Как же без него могут обойтись артиллерийские полки, медсанбат, общевойсковые командиры?

— Замечание резонное, — согласился председатель комиссии, делая пометку в блокноте. — Часть транспортных средств получите до отправки, а остальную обеспечим на станциях следования эшелонов.

Действительно, через несколько дней к нам стали прибывать табуны низкорослых лошадей, которых в то время называли «монголками». Потребности дивизии в транспортных средствах они обеспечили процентов на десять — пятнадцать. Ни обещанных автомобилей, ни артиллерийских тягачей мы так и не получили. Мы понимали, что на фронтах складывалась сложная обстановка. Был получен приказ срочно грузиться в поданные эшелоны и отправляться в путь.

В эти дни под Сталинградом началось наступление наших войск, в результате которого 330-тысячная группировка гитлеровских войск попала в кольцо окружения. Гигантская битва на Волге продолжалась до 2 февраля 1943 года.

5 февраля 1943 года приказом Ставки Верховного Главнокомандования наша дивизия была включена в состав Красной Армии, получив окончательное наименование «102-я Дальневосточная стрелковая дивизия».

Дивизия прибыла в Елец и приказом командующего Центральным фронтом генерал-полковника К. К. Рокоссовского с 15 февраля включена в состав 70-й армии, сформированной из войск НКВД СССР. Отсюда, от старинного русского города Елец, наше соединение начало свой боевой путь на Запад.

Мы получили боевое распоряжение о немедленном выступлении и сосредоточении юго-восточнее города Дмитровск-Орловский. Предстояло совершить форсированный марш более 200 километров.

Вспоминаются непрерывная пурга, бездорожье. Снежные заносы были так велики, что передвигаться могли только стрелковые подразделения. Бойцы и командиры тащили на себе боеприпасы, минометы, снаряды, полковые пушки и даже отдельные орудия дивизионной артиллерии. К тому же марш совершался по территории, лишь недавно освобожденной от противника, сожженной и разграбленной. Это создавало дополнительные трудности.

Местные жители охотно отдавали нам сани и часто сами вместе с нашими бойцами впрягались в них, помогали перевозить

боеприпасы от деревни к деревне.

Население освобожденных сел с любовью встречало части дивизии, размещало их на отдых в своих землянках, оказывало помощь больным и обмороженным. Эта душевная забота и пограничная закалка воинов оказались сильнее невзгод природы. 102-я Дальневосточная стрелковая дивизия, совершив в труднейших условиях форсированный марш, вышла к Дмитровск-Орловскому.

Вновь созданному Центральному фронту, в состав которого вошла 70-я армия, была поставлена задача развернуться северо-западнее Курска в готовности 15 февраля начать наступление на Севск, Унечу. Однако к этому времени войска фронта полностью выйти в районы сосредоточения не сумели. Наступление началось лишь 25 февраля. 70-я армия обеспечивала наступление 65-й и 2-й танковых армий со стороны Орла, развернувшись фронтом на север.

К исходу дня 7 марта вместе с передовыми подразделениями 30-го стрелкового полка я вошел в Брянцево, где располагался штаб 69-й стрелковой дивизии, части которой нам предстояло сменить. Меня провели в занесенную снегом хату к командиру этого соединения. Навстречу поднялся стройный, среднего роста полковник, лицо которого мне показалось знакомым. Зачесанные на пробор светлые волосы, крупные черты лица, голубые глаза, озорная улыбка… Ба! Да это же мой старый знакомый — Иван Александрович Кузовков, с которым вместе учились в Высшей пограничной школе, а затем и в академии имени Фрунзе. Мы обнялись.

— Андрей Матвеевич, жду тебя как бога. Сменяй скорей мое поредевшее войско в Плоском и Кучерлевне!

— Иван Александрович, у меня войско-то есть, да вот люди сутки не ели. Тылы отстали! Если можешь, помоги!

Полковник Кузовков приказал накормить личный состав 102-й дивизии из своих запасов.

После ужина Кузовков разложил на грубо сколоченном столе карту с нанесенной обстановкой. Завтра утром нам предстояло наступать, а противника, его оборону мы изучили пока только по карте. Через несколько часов подразделения 30-го и 16-го полков сменили 120-й и 303-й полки 69-й стрелковой дивизии.

Первые эшелоны 30-го стрелкового Хасанского полка полковника Василия Ивановича Матронина и 16-го стрелкового Уссурийского полка полковника Ивана Михайловича Павловича в ночь с 7 на 8 марта 1943 года, не имея авиационной и артиллерийской поддержки, получили приказ с ходу атаковать обороняющегося на заранее подготовленном рубеже противника.

Подступы к линии обороны врага пересекал ручей с глубокой болотистой поймой. Гитлеровцы успели хорошо оборудовать свои позиции. Они имели широко разветвленную сеть траншей с пулеметными точками и дзотами, проволочные заграждения и минные поля.

Но удар наших подразделений был стремительным и для фашистов неожиданным. Противник открыл сильный заградительный минометный и артиллерийский огонь, провел несколько контратак. Их также удалось отразить.

Несмотря на отчаянное сопротивление гитлеровцев, воины 30-го стрелкового Хасанского полка уверенно развивали наступление на плечах отброшенных подразделений фашистов, продвигались вперед и занимали наиболее выгодные позиции.

Успех был достигнут, требовалось его развить, закрепить. Между тем враг подтянул резервы, усилил огонь, его авиация наносила бомбовые удары, и на протяжении нескольких дней фашисты контратаковали подразделения Хасанского и Уссурийского полков. Однако там, где стояли пограничники-дальневосточники, гитлеровцы не прошли. Хасанцы и уссурийцы стойко удерживали захваченные рубежи.

К этому времени стало очевидным: элемент внезапности утрачен. Противник продолжал подтягивать свои резервы. Следовательно, без обеспечения дивизий боеприпасами, артиллерией, танками, авиацией и без взаимодействия с соседями продолжать наступление нельзя. Командование приняло решение прекратить наступление, поставило задачу прочно удерживать занятые рубежи, укреплять оборону в глубине, превратить занятые позиции в непреодолимую крепость.

Мартовские бои послужили нам суровой школой, в которой бойцы и командиры приобрели первые крупицы бесценного опыта войны. Эти бои показали недостаточность нашего мастерства при ведении боевых действий в сложных условиях. Командиры подразделений и частей не всегда оказывались на высоте при организации взаимодействия по задачам, рубежам и времени со штатными и приданными средствами усиления. Командиры только-только учились размещению, движению, вводу в бой и огневому обеспечению вторых эшелонов, батальонов и полков.

Кто знает противника — тот побеждает. Говорить об этой истине пограничникам нужды не было, они все это отлично знали. Бойцы, сержанты, командиры взводов и рот показали великолепные наблюдательность, глазомер, быстроту и точность ориентировки, особенно в ночном бою. Одним словом, они продемонстрировали высокую боевую школу пограничной службы.

Но этого нельзя было сказать в отношении штабов, частей и соединений. Разведывательные данные обрабатывались медленно, анализы и выводы делались поверхностные. Взаимная информация и взаимодействие между частями и штабами родов войск и соседями были организованы слабо, штабы нуждались в большей сколоченности. Командиры полков еще слабо опирались на свои штабы, мало работали с ними.

Как важно хорошо начать первый полевой бой: первая победа окрыляет, создает стимул для дальнейшего наступления. Для нас февральско-мартовские бои дивизии были тяжелыми. Передовые подразделения 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии сделали все, что могли. Личный состав соединения не потерял присутствия духа, показал исключительную выдержку, а это главное.

Так началась боевая история 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии. Историю творят люди. История нашей дивизии — это история мужества, самоотверженности, высокой политической зрелости, проявленных пограничниками Дальнего Востока в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

В ходе боев на подступах к городу Дмитровск-Орловский группа бойцов 40-го стрелкового Амурского полка продвинулась далеко вперед и была окружена фашистами.

Позже, когда дивизия заняла эту местность, выяснилось: пограничники сражались со значительно превосходящими силами гитлеровцев буквально до последнего, уничтожили более 30 фашистов. Вся группа погибла. В кармане гимнастерки рядового Елисеева нашли записку, написанную химическим карандашом. Буквы кое-где подплыли, но прочитать ее нам удалось. Вот что он писал:

«Дорогие товарищи. Иду в бой коммунистом. И клянусь, не посрамлю этого высокого звания. И если я погибну в бою, то считайте меня коммунистом.

Дорогие товарищи. Если я погибну за Родину, то сообщите моим родителям, что их сын честно сражался с врагом. По адресу: Курская область, Б.-Дворский р-н, с. Коняево, Елисееву Стефану (или Серафиму, разобрать было трудно) Никифоровичу».

А вот другая сторона листочка: «Смерть немецким оккупантам! Верьте, товарищи, победа будет за нами. Да здравствует наша героическая Красная Армия!

До свидания.

С пламенным приветом Елисеев».

Записка была передана в политотдел дивизии, она и ныне хранится в архиве.

В соответствии с боевым распоряжением штаба 70-й армии

наша дивизия перешла к обороне на подступах к городу Дмитровск-Орловский по рубежу (иск.) Брянцево, Ферезево, Хальзеево, (иск.) Муравчик, на левом фланге 70-й армии — северного фаса Курской дуги. Левее оборонялись соединения 65-й армии.

Боевой порядок дивизии — два эшелона. В первом эшелоне на правом фланге оборону занял 40-й стрелковый Амурский полк, которым командовал полковник Маркиян Петрович Погребняк. До прибытия в соединение он был заместителем начальника 63-го пограничного отряда. На левом фланге — 30-й стрелковый Хасанский полк, которым командовал полковник Матронин. Во втором эшелоне занял оборону 16-й стрелковый Уссурийский полк под командованием полковника Павловича.

Ширина участков обороны полков, их глубина и средства усиления определялись особенностями каждого направления, танкоопасностью и оперативной целесообразностью армейской обороны.

Основные силы дивизии были сосредоточены на участке 40-го стрелкового Амурского полка.

Одной из характерных особенностей построения обороны участков полков и в целом полосы обороны дивизии являлось глубокое эшелонирование, создание противотанковых опорных пунктов и узлов, широко разветвленной и глубоко врезанной в землю траншейной системы, наличие отсечных позиций и ходов сообщения по фронту и глубине. Участки полков и вся полоса обороны дивизии создавались прежде всего как противотанковые, с расчетом на отражение ударов крупных танковых частей противника.

Взвод, рота, батальон в любых условиях могли даже при полной изоляции вести длительный, напряженный бой. Все позиции надежно защищались с фронта, флангов и тыла, поддерживались огнем дивизионной и армейской артиллерии, которые маневром траектории огня способны были обеспечить массированное поражение целей на любом участке перед рубежом полосы обороны и в ее глубине.

В то же время части дивизии неоднократно вели бои за улучшение начертания переднего края, довольно часто отражали сильные атаки противника.

Бойцы, командиры, расчеты, подразделения, штабы, не теряя времени, выполняя задачи обороны, учились непосредственно на переднем крае, оттачивали боевую, личную полевую выучку, выучку расчета, отделения, взвода и роты. Вторые эшелоны батальонов, полков и дивизий непосредственно на своих рубежах отшлифовывали боевые действия в составе подразделения со

средствами усиления.

Позже, в период наступления, наши бойцы и командиры на собственном опыте убедились, что тому, кто получил хорошую полевую выучку в обороне, мастерски владеет своим оружием, законами полевого боя, никакой враг не страшен.

Во время обороны мы уделяли должное внимание расстановке, воспитанию и пополнению кадров командиров и политработников. Помнится, вернувшись из поездки в 30-й стрелковый Хасанский полк, начальник политотдела полковник Овчинников сказал мне:

— Матронин делает доброе дело: лично заботится о быстрой замене вышедших из строя командиров, политработников, парторгов и комсоргов. — Полистав блокнот, он добавил: — Только за последнее время назначены на должности 26 младших командиров, 17 специалистов, 5 командиров взвода, 2 командира роты. Надо подсказать другим командирам полков, чтобы не ждали кадры со стороны, растили их сами…

Я вспомнил этот разговор позднее, когда подписывал представление на присвоение звания Героя Советского Союза капитану А. Ф. Соловьеву. Он был одним из тех двух командиров рот, которых полковник Матронин выдвинул на вышестоящие должности. Анатолий Федорович Соловьев умело и грамотно командовал стрелковой ротой в боях за Дмитровск-Орловский, Новгород-Северский, Гомель, а затем вырос в прекрасного, известного боевым мастерством всей дивизии командира стрелкового батальона.

В период обороны мы хорошо научились вести разведывательные поиски, активизировали действия снайперов. Безусловно, в успехе этих видов боевых действий в дивизии сыграла большую положительную роль та выучка, какую наши бойцы и командиры получили за время прохождения службы на границе. Именно особенности пограничной службы: бесшумно ходить, маскироваться, чутко вслушиваться в звуки, идущие от противника, понимать, расшифровывать их характер и т. д. — помогли нам в обороне. Пограничники в массе своей умели метко стрелять, это послужило основой развития движения снайперов. Мастера меткого выстрела нашей дивизии держали гитлеровцев в постоянном напряжении.

Вероятно, именно потому первым Героем Советского Союза в соединении стал снайпер Иван Васильевич Важеркин.

Боевая биография Важеркина типична для бойцов 102-й стрелковой дивизии. Уроженец Рязанской области, он в 1938 году был призван в армию и до ноября 1942 года стоял на страже дальневосточных границ нашей Родины. В конце 1942 года

сержант Важеркин стал командиром отделения одного из подразделений 30-го Хасанского полка.

Снайпером он стал в самый начальный период боев, когда части дивизии старались стабилизировать линию обороны, выбирали с этой целью наиболее выгодные рубежи, отбивая их у немцев. За спиной у командира отделения сержанта Важеркина тогда была обыкновенная русская винтовка образца 1891/30 года. Но еще на заставе Важеркин научился отлично стрелять, знал трехлинейку до последнего винтика.

Однажды, продвигаясь вперед, его отделение было остановлено огнем противника. Важеркин укрыл своих бойцов в воронке. Немцы взяли пограничников под прицельный огонь.

Тогда командир отделения Важеркин скрытно выполз из воронки, стал наблюдать. Сержант быстро разобрался в обстановке, обнаружил снежный завал, из-за которого вели огонь из автоматов два гитлеровских солдата. Важеркин дослал патрон в патронник. Кто-то из наших красноармейцев завозился в воронке, и фашист тотчас высунулся из-за укрытия, открыл огонь. Важеркин сразу уничтожил его, а вскоре — и второго автоматчика.

Поздравив знаменитого снайпера с очередным успехом, я посоветовал ему выступить в дивизионной газете с рассказом о своем опыте уничтожения гитлеровцев с первого выстрела.

Вскоре такой материал был напечатан. «У меня появилась страсть к меткому выстрелу, — писал Важеркин. — Стал я более наблюдательным, выискивал и убивал фашистов там, где они применяли самую хитрую маскировку».

Снайперское движение в период обороны стало в частях дивизии массовым. В этом немалая заслуга и сержанта Важеркина. Он много сделал, воспитывая молодых снайперов. Старшина И. Кудряшов, открывший боевой счет в качестве напарника Важеркина, стал известным снайпером полка. В дивизии хорошо знали и таких снайперов, как Паушкин, Ширин, Пачин. Все они были тоже учениками Важеркина.

В период длительной обороны под Дмитровск-Орловским Важеркин трудился неустанно. Свои позиции он выбирал и готовил обычно по ночам. И не ограничивался одной, а делал, как правило, три позиции: одну, основную, отрывал в рост и тщательно маскировал, вторую делал запасной и третью — ложной. Одна из основных позиций служила ему довольно долго, он ее все время совершенствовал, а однажды нашел на поле боя щит от станкового пулемета, врыл его в бруствер окопа, замаскировал, сделал небольшую амбразуру и стрелял только через нее.

Не следует думать, что на переднем крае действовали только наши снайперы. В армии гитлеровской Германии было тоже немало снайперов, которые наносили нам потери. Сержант Важеркин не раз вел опасные поединки с вражескими снайперами, а его однополчане всегда с волнением ждали исхода этой борьбы. Иван Важеркин так насолил немцам, что они уже знали о его существовании и поставили задачу своему снайперу, вызванному из специальной школы, уничтожить пограничника.

Сержант Важеркин быстро понял это, стал действовать осторожнее.

Три дня сержант Важеркин охотился за немецким снайпером и не мог его засечь. На четвертый день шел проливной дождь, погода была неснайперская. Однако Важеркин ушел на огневую, а его товарищи сидели в землянке и ждали: неужели в такую погоду он сможет что-либо сделать? Не верилось. Уже после обеда за плащ-палаткой, которой был завешен вход в землянку, началась какая-то возня. Наконец появился Важеркин. Был весь мокрый и так перепачкан грязью, что его с трудом узнали.

— Ну как? — в один голос спросили бойцы.

Снайпер шагнул к печке, снял с плеча немецкий автомат и бросил на пол.

— Вот, — только и сказал он. — Автоматчика прикончил.

— А снайпера? — спросили бойцы.

— Сначала его, а через час автоматчика. Он прикрывал своего снайпера, потом… остался один. Я ему не дал уйти.

Одному Важеркину трудно было выполнить эту задачу. Тогда он оставил на основной позиции своего напарника старшину Кудряшова, а сам перебрался на запасную, которая была значительно левее. Кудряшов вел себя осторожно, но все же дал знать немцу о себе. Тот долго выжидал, видимо, решил убедиться в присутствии нашего снайпера и действовать только наверняка. Наконец он произвел выстрел. Тут-то и заметил его Важеркин. Гитлеровец, оказывается, оборудовал свою позицию на абсолютно ровном месте, там, где о ней и не подумаешь. Правее нее вросли в землю обломки лафета легкой пушки. И это сильно сбивало с толку Важеркина: ему казалось, что именно там, за этими обломками, устроился немецкий снайпер. Но оказалось, он зарылся в землю левее, а перед ним ничего не было, кроме помятой немецкой каски, вдавленной в землю. Дна в ней не было, и немец стрелял через дыру в каске, как через амбразуру. Огонь или дымок после выстрела заметить было почти невозможно. Но вот когда Важеркин стал следить за ним с запасной позиции, с фланга, он увидел этот предательский дымок и замер.

Ждать пришлось долго, но не напрасно. Фашист слегка

приподнялся и осторожно, еле заметным движением приподняв свою винтовку, стал целиться. Каска его, закамуфлированная, по цвету сливалась с землей. Только слегка желтела часть лица, которое Важеркин видел почти в профиль. Выстрел сержанта был безукоризненным. Автоматчик, прикрывавший своего снайпера, видимо, не разобрался, откуда была послана пуля, сидел долго в укрытии, не осмеливаясь показаться. Важеркин уж решил, что он будет лежать до темноты, но вражеский солдат оказался нетерпеливым. Он решил ползком убраться восвояси. Тут его и уничтожил Важеркин. А потом подполз к укрытию и забрал его автомат. Хотел еще доползти до позиции немецкого снайпера, чтобы забрать и его винтовку, но решил не рисковать: очень трудно было к нему подобраться через открытую местность. А в траншеях гитлеровцев уже поняли смысл молчания своего снайпера и держали его позицию под прицелом.

Большую помощь оказывали снайперы во время наступлений. Часто бывало так. Командир роты лейтенант Рябов вызывал к себе Важеркина, развертывал карту и показывал нужное место:

— Подготовь свою позицию и на рассвете, по сигналу атаки, уничтожь здесь расчет немецкого пулемета.

В обороне простояли долго, вся местность была изучена снайпером Важеркиным самым тщательным образом. Так что он быстро ориентировался и четко выполнял задачу.

Много раз Важеркину приходилось вести борьбу с наступавшими на наши позиции танками и самоходками врага. Он бил по смотровым щелям, а если удавалось, выбивал с брони боевых машин автоматчиков врага, очень эффективно помогал продвижению нашей пехоты вперед. Не один раз приходилось Важеркину заранее просачиваться с небольшой группой бойцов в тыл немцев и с началом боя специально охотиться за фашистскими офицерами, обезглавливать вражеские подразделения.

Сколько всего гитлеровцев уничтожил отважный снайпер Важеркин, сейчас сказать трудно, но в дивизионной газете я нашел цифру 148.

Постепенно в дивизии сложилась своеобразная важеркинская школа снайперов. О многих снайперах, его последователях, я уже рассказывал, хотелось бы назвать еще Ивана Гусева, Николая Бояркина, о которых не раз писали и в дивизионной, и в армейских газетах.

Впоследствии при управлении дивизии был создан снайперский взвод, командовал которым Важеркин.

Иван Важеркин отличился не только на чисто снайперском поприще. Он был известен и как отважный разведчик,

инициативный командир.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года сержанту Важеркину И. В. было первому среди бойцов и командиров 102-й стрелковой дивизии присвоено звание Героя Советского Союза.

Имя героя-пограничника, сына рязанских колхозников — старого русского солдата, участника первой мировой и гражданской войн Василия Панфиловича Важеркина и труженицы, неоднократно избиравшейся депутатом сельского Совета, Пелагеи Алексеевны Важеркиной — Ивана Важеркина украшает первые страницы боевой истории 102-й стрелковой дивизии.

Уже где-то перед концом войны сержант Важеркин был командирован на офицерские курсы.

Разведку принято называть «глаза и уши командира». Фраза эта примелькалась, может быть, кое-кому и надоела, но мы вновь пользуемся ею: уж очень точно она выражает сущность цели, ради которой разведчики ведут свои поиски. Когда нет хороших, точных данных о противнике, командир, его штаб, естественно, становятся если не окончательно слепыми, то, во всяком случае, плохо видящими.

Младший сержант Петр Флорович Петров, прослуживший в пограничных войсках более трех лет, был выдающимся разведчиком. Понятно, мастерами поиска становятся не сразу. Вначале бывало и так: группа шла без достаточной подготовки, без изучения той местности, на которой предполагалось взять «языка», без знания системы обороны противника и проваливалась.

Вспоминается такой случай. Поисковая группа из разведроты дивизии ночью вышла в поиск. Бойцы на переднем крае поговорили с командиром стрелкового подразделения, кое-что узнали у него и двинулись вперед. Все шло благополучно: группа захвата наметила цель, поднялась, стремительно бросилась к окопу, в котором сидел гитлеровец. До окопа оставалось метров 30, и вдруг бежавшие разведчики наскакивают на что-то упругое, какая-то невидимая сила отбрасывает их назад, на землю, они падают, раздается звон, шум, ничего никто не понимает, гитлеровцы открывают беспорядочную стрельбу, группа отходит, и не без потерь.

В чем же дело? Ничего таинственного в этой неудаче не было. Пошли без должной подготовки, и хотя разминировали местность, подползли близко к окопу и бросились вперед дружно, но из-за темноты не видели туго, как струна, натянутой проволоки, наскочили на нее и попадали. На проволоке были

навешаны консервные банки, всякие железки, они зазвенели, немцы открыли огонь — вот и весь секрет неуспеха.

А если бы понаблюдали, предварительно поползали бы перед передним краем гитлеровцев, увидели бы проволоку, а сделать необходимые проходы в ней совсем не сложно.

Младший сержант Петров много раз ходил в поиск старшим группы, и ни разу с ним не случалось казуса, похожего на тот, о котором рассказано выше. Только в обороне под Дмитровск-Орловским он охотился за «языком» не менее 30 раз.

О захвате своего первого «языка», которого группа взяла в начале марта, он рассказал мне после возвращения:

— Мы тщательно изучали противника на участке поиска, сделали проходы в минных полях, подняли, где нужно, проволоку. У немцев в том месте сплошной обороны не было, и ночью вдоль проволоки ходил, подпрыгивая от холода, часовой. Его и решили захватить. Поиск прошел без особых приключений, немца схватили сзади, заткнули ему рот, быстро связали «трофей» веревкой.

Трудновато было тащить гитлеровца, он оказался настоящим тяжеловесом. Положили его на плащ-палатку, под связанные руки пропустили веревку и потащили, как на санях, по снегу. Вначале пленный вел себя относительно спокойно, но, когда его подтянули под поднятую проволоку, он вдруг начал биться и зацепил за проволоку. Немцы обнаружили группу, открыли стрельбу, ранили «языка». Хорошо, что легко, а то бы пропал поиск.

Как известно, значение разведки резко усиливается перед наступлением: командиру надо точно знать силы и средства противника, построение обороны, его резервы и т. д.

Когда в конце июля 102-я стрелковая готовилась наступать на Курской дуге, по моему приказу Петров вышел на поиск с небольшой группой. Он уже знал передний край врага как свои пять пальцев.

Первую и вторую линии немецких окопов разведчики прошли незамеченными. Продвинулись в тыл, тщательно замаскировались в кустарничке.

Из своего укрытия разведчики видели траншеи и блиндажи немцев. Один из этих блиндажей привлек их внимание: в него входили в основном офицеры. «Наверно, там штаб какого-то подразделения», — предположил Петров. Когда уже стало темнеть, из блиндажа вышли несколько офицеров в сопровождении солдат и ушли. Около блиндажа все затихло. Два гитлеровца — один, судя по погонам, офицер, второй солдат — остались у блиндажа. Солдат вынес несколько аккуратных ящиков

и поставил их около тропинки, что вела в тыл. Потом гитлеровцы о чем-то говорили, сложилось впечатление — вроде они куда-то собирались. «А что, если фашисты готовятся к эвакуации?»

Сумерки еще не сгустились, когда разведчики решили действовать. Они тревожились, что немцы вот-вот могут уйти из этого блиндажа. Ведь не напрасно же они сложили какие-то ящики около тропинки.

Когда фашисты вошли в блиндаж, Петров тихо, как тень, двинулся к нему. Товарищи остались на месте в составе группы обеспечения. Разведчик вошел в блиндаж: там оказалось трое немцев. Солдат возился у двери и сначала, не поняв в чем дело, с недоумением посмотрел на Петрова, даже о чем-то спросил его. Разведчик молниеносно кинжалом убрал гитлеровца, второго пристрелил из автомата. С оставшимся разговор был коротким. Старший сержант засунул ему в рот кляп, связал руки и осмотрелся. Тут была явно штабная землянка, на столе лежал портфель и стояла пишущая машинка. Разведчик заглянул в портфель — там были какие-то документы. Он взял их вместе с машинкой. В это время начал зуммерить телефон. Петров обрезал провод, а аппарат прихватил с собой. Гитлеровцу дулом автомата приглашающе показал на выход. Тот без сопротивления пошел. Может, еще надеялся на встречу со своими. Но где там: его сразу подхватили товарищи Петрова. Разведчики вернулись без потерь. «Язык» оказался очень ценным: он был штабным офицером.

Петр Флорович Петров имел немало наград, но первому из разведчиков дивизии я вручил ему орден Красного Знамени.

Забегая вперед, хочу рассказать, как мне довелось встретиться уже со старшим сержантом Петровым еще раз глубокой осенью 1943 года на правом берегу реки Сож, южнее Гомеля. Разведчики только что вернулись из поиска, который нельзя было назвать удачным.

Несмотря на то что уже похолодало и ртутный столбик опустился до нуля, а может, и ниже, Петров был одет легко. Вернее, так аккуратно, что казалось, что легко. Голова его была повязана куском маскировочной трофейной плащ-палатки, и он, высокий, стройный, походил не то на бедуина, не то на кавказского горца.

— Ну как, — обратился я к нему, — все в порядке?

Петров попросил разрешения закурить. Получив разрешение, жадно затянувшись, неопределенно бросил:

— Всяко бывает, товарищ генерал.

Подошли его разведчики, тихо заговорили о только что закончившемся поиске. Оказывается, группа привела «языка», но потеряла двух бойцов. Потому так и ответил Петров. Правда, он и

вообще-то не отличался большой разговорчивостью.

Но больше увидеться нам не удалось. Дивизия вела тогда тяжелые и безуспешные бои за поселок с громким названием Стенька Разин. И даже не столько за поселок — его почти не было, — а за нашу землю. Группа разведчиков во главе со старшим сержантом Петровым вскоре опять ушла на поиск. На этот раз коммунист Петров был тяжело ранен в живот. Скончался он в медсанбате, куда доставили его товарищи, похоронен недалеко от села Куты, на левом берегу реки Сож…

Рассказывая о разведчиках дивизии, не могу не вспомнить о коммунисте старшине Данииле Федоровиче Натоптанном из 30-го Хасанского полка. До службы в 102-й дивизии он находился на границе с 1939 года. Под стать ему были и его товарищи по разведке комсомолец сержант Иван Николаевич Оборин, сержант Николай Федотович Лазарев и комсомолец сержант Вениамин Филиппович Рожнев. Все они в свое время служили на границе в одном и том же 75-м погранотряде. Дружба, начавшаяся на границе, еще больше окрепла в жарких схватках с гитлеровцами. И в каких только переделках не побывали разведчики, но всегда из них выходили с честью.

В ночь на 2 июня 1943 года командир полка выслал в засаду группу под командованием старшины Натоптанного. Около часу ночи разведчики неожиданно увидели нескольких пехотинцев противника. Немцы шли тихо справа от засады Натоптанного. Разведчики внимательно следили за ними. Гитлеровские солдаты подошли к нашему минному полю в лощине, сели там и просидели почти до рассвета. Что они делали, понять было трудно, но впечатление у разведчиков осталось такое: просто отсиживались, ничего не предпринимая.

После ухода гитлеровцев Натоптанный добрался до того места, где они находились, подозрительного там ничего не обнаружил, кроме забытого миноискателя.

Возвратившись в расположение части, Натоптанный доложил командованию о своих наблюдениях. Решили ночью опять направить группу на ту же позицию, а миноискатель заминировать.

Так и сделали.

Когда стемнело, бойцы из группы Натоптанного скрытно вышли на вчерашнее место, расположились по обе стороны от немецкого миноискателя, стали ожидать.

Ночью все повторилось: гитлеровцы вышли за линию своих окопов и опять направились вдоль лощины к миноискателю. Они подошли, уселись здесь и долго сидели, тихо болтая. Потом кто-то из них решил взять миноискатель. Раздался взрыв.

Одновременно с флангов открыли огонь автоматчики из группы Натоптанного. Гитлеровцы в панике бросились наутек. Оборин и Рожнов двоих из убегавших взяли в плен. Кроме того, фашисты оставили около миноискателя несколько трупов и тяжелораненого офицера. Его тоже забрали разведчики.

Когда началось наступление, группа Натоптанного действовала в конном строю. Однажды уже за Новгород-Северским конные разведчики прошли километров 15, противника не обнаружили. По дороге вдоль леса выдвинулись к ближайшему селу, крыши домов которого виднелись из-за деревьев. Конники спешились, укрыли коней в стороне от дороги, оставив с ними рядового Валько. К селу пробирались лощиной, двигались по ее краю, заросшему мелким кустарником. Достигнув огородов, по-пластунски поползли между гряд к сараю крайнего дома.

Добравшись до сарая, Натоптанный выглянул на улицу и увидел такую картину. Напротив через улицу у дома расположилась небольшая группа фашистов. Один из них сидел на скамейке около калитки и вязал пучок соломы, потом насадил его на шест. Готовились к поджогу села. Двое или трое вражеских солдат стояли и балагурили. Им предстояла «веселая» работа, они беспечно смеялись. Неожиданно один из немцев быстро пошел к дому, за сараем которого лежали разведчики. Гитлеровец по-хозяйски вбежал во двор, вошел в дом.

— Быстро к крыльцу, — приказал старшина Лежачеву и Оборину, — захватим немца.

Лежачев и Оборин подошли к дому вплотную, стали за углами.

Гитлеровец вышел, и они бросились к нему, но фашист успел упасть за крыльцо и открыл огонь. Началась пальба. Тут в село ворвались остальные разведчики. Того фашиста, что упал за крыльцо и поднял шум, прижал к земле сержант Лежачев. Гитлеровца взяли живым.

Так конные разведчики спасли от уничтожения большое село, взяли «языка».

Во время обороны под Дмитровск-Орловским мне не раз доводилось быть свидетелем славных боевых дел девушек, которые в нашей дивизии служили на разных должностях. Трудно им приходилось на войне. Но вот что примечательно: как правило, все они искали любую возможность, чтобы попасть на передовую, принять личное участие в схватках с врагом. И когда им это удавалось, проявляли в боях мужество и отвагу.

Вспоминается, как однажды я невольно стал свидетелем разговора санинструктора Тамары Зыряновой с командиром

разведроты.

— Товарищ капитан, возьмите меня в разведку, — упрашивала она.

— Никуда вы, Тамара, не пойдете, — с досадой отрезал капитан.

Девушка продолжала доказывать, что ей необходимо быть там, оказывать помощь раненым. Но капитан был неумолим…

И все же Тамара добилась разрешения командира идти с разведчиками. Девушка в заброшенной ячейке недалеко от проволочных заграждений организовала санитарный пост.

Жестокой была схватка наших разведчиков с гитлеровцами. Из фашистской траншеи доносились взрывы гранат, крики фашистов. Более 20 гитлеровцев нашли себе могилу в этой стычке.

Прегражда пути отхода нашей разведке, фашисты открыли артиллерийско-минометный огонь, и огневые султаны разрывов взметнулись там, где укрылась Зырянова. Но девушка не ушла со своего поста. Она до боли в глазах смотрела в ту сторону, откуда должны были приползти разведчики.

Первым появился раненый красноармеец Андреев. Тамара крепко схватила его за плечи и оттащила в ячейку. На раны бойца легли повязки. Под огнем врага Тамара оказала помощь также сержанту Красенкову и младшему лейтенанту Немцову.

Зырянова заметила, как медленно ползет под огнем врага тяжелораненый старший сержант Тюпин, и бросилась ему навстречу, хотя, казалось, не было возможности поднять головы под градом осколков. Девушка остановила кровотечение, перевязала раны. Жизнь разведчика была спасена. Так действовала в бою верная дочь Родины Тамара Зырянова, вскоре награжденная медалью «За отвагу».

А вот еще один эпизод из жизни военных медиков. На командном пункте стрелкового батальона, которым командовал капитан Николай Михалев, давно привыкли к однообразному диалогу между комбатом и военфельдшером Машей.

Командир стрелкового батальона капитан Николай Михалев приказал военфельдшеру Марии Левыкиной немедленно оставить боевые порядки наступающего подразделения и вернуться на передовой пункт медицинской помощи. Военфельдшер пыталась возражать:

— Почему возвращаться? Я хочу здесь оказывать помощь раненым…

— В следующий раз появитесь здесь — получите взыскание.

Левыкина с досадой махнула рукой и пошла обратно, к опустевшим окопам.

Вдруг военфельдшер услышала протяжный стон. Девушка остановилась, осмотрелась.

Раненый! Забравшись на бруствер, она оглядела недавнее поле боя. На почерневшем снегу, за клочьями колючей проволоки, лежал раненый боец. Недалеко от него еще рвались вражеские снаряды. Военфельдшер поползла вперед.

— Смотри-ка, медсестра на минное полю ползет, — заволновались проходившие по траншее бойцы.

— Назад! Назад! — кричали ей из окопа.

Но девушка продолжала ползти. Вдруг рука, увязшая в раскисшем снегу, наткнулась на что-то металлическое. Мина! Оглядевшись, она увидела поле, сплошь покрытое снежными бугорками. Их было очень много.

Раненый заметил на спине девушки сумку с красным крестом и слабым голосом позвал:

— Сестра, сестра…

— Сейчас, товарищ, потерпи! — крикнула ему Левыкина и, стараясь не думать о минах, поползла вперед. Раненый лежал как раз посредине минного поля. Во время атаки он, видимо, ступил в сторону от проделанного прохода и подорвался на мине. У бойца была раздроблена нога. Маша ловкими, привычными движениями разрезала ему штанину, перевязала ногу.

— Берись за шею, только не дави, — сказала она раненому и осторожно поползла обратно.

Девушка часто останавливалась, чтобы отдохнуть. А когда она уже недалеко от траншеи остановилась в последний раз, боец вздохнул с облегчением и тихо сказал:

— Спасибо, сестра. Рахман тебе.

Это был молодой плечистый боец-казах из соседней части.

Мужество и отвага военфельдшера Маши Левыкиной были отмечены высокой правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

После войны бывший командир батальона и отважная военфельдшер вместе сели на студенческую скамью. Ныне Мария Васильевна и Николай Алексеевич Михалевы работают в Москве, в Министерстве сельского хозяйства СССР.

Большую работу в те дни выполняли военные переводчицы Ольга Грабарь и Галина Рожкова. Выбираясь на нейтральную полосу, они часто под вражеским огнем вели радиопередачи для немецких солдат. Ольга Грабарь участвовала в двух поисках разведчиков 40-го стрелкового Амурского полка по захвату «языков», была ранена. Сейчас мужественная фронтовичка живет в Москве, работает в Институте молекулярной биологии Академии наук СССР. Ольга Игоревна — доктор биологических

наук.

* * *

Курская битва началась 5 июля 1943 года в 5 часов 30 минут. Гитлеровские войска наносили свой удар из района южнее Орла в направлении на Ольховатку и Поныри на фронте до 40 километров против соединений 13-й армии и примыкавших к ней флангов 48-й и 70-й армий, то есть в основание северного фаса Курской дуги.

Наша 70-я армия занимала западную часть северного фаса дуги. Одновременно гитлеровцы наносили удар из района Белгорода в основание южного фаса дуги в направлении Обоянь и Корочи. Гитлеровские военачальники намеревались отрезать Курский выступ, а нам по их планам предстояло быть окруженными.

Немецко-фашистские войска наступали правее полосы обороны нашей дивизии. В течение первых дней Курской битвы гитлеровцы нанесли по позициям 102-й стрелковой дивизии несколько огневых ударов и провели разведку боем.

Но для всех нас было ясно, что приближается день активных боевых действий и нашего соединения.

Как известно, наступление гитлеровцев провалилось, наши войска перешли в контрнаступление и оно развивалось успешно. В эти дни мы находились в томительном ожидании приказа командующего 70-й армией генерал-лейтенанта И. В. Галанина о наступлении.

27 июля приказ наконец был получен, дивизия, обороняя 30-м стрелковым Хасанским полком полосу Брянцево, Хальзеево, двумя полками — 16-м стрелковым Уссурийским и 40-м стрелковым Амурским — нанесла удар на села Ржавчик и Муравчик в общем направлении на Игнатеево, почти строго на север. За три дня боев полки, преодолевая сильное огневое сопротивление врага и его многочисленные контратаки, полностью разгромили укрепленный узел сопротивления и овладели важными в тактическом отношении тремя высотами и населенными пунктами Муравчик, Красная Стрелица, Средний Лог, Мартыновский лес.

Полоса обороны гитлеровцев тянулась с запада на восток. Мы же начали наступать строго на север. Выйдя к селу Игнатеево, дивизия прорвала оборону немцев на всю ее глубину и, повернув на запад, стала с боями как бы сматывать ее с востока на запад, продвигаясь к северо-восточной окраине города Дмитровск-

Орловский.

Впереди наших подразделений, прорывающих долговременную оборону врага, были коммунисты и комсомольцы.

Запомнилось донесение заместителя командира по политической части 40-го Амурского полка, датированное 5 августа 1943 года, о том, как парторг батальона старший лейтенант Иван Потапкин во время боя находился в боевых порядках среди бойцов, личным примером увлекая их вперед, помогал парторгам рот оформлять документы вступающим в партию, организовать партийно-политическую работу в бою.

За этими скупыми и, казалось бы, обыденными строчками — глубокий смысл. Политработник сумел найти свое место в бою. Он не только активно проводил партийно-организаторскую работу на поле боя, но личным примером увлекал бойцов на выполнение боевой задачи. А это очень важно: в нужный момент быть впереди, стать душой воинского коллектива.

Шел бой за Красную Стрелицу. Взвод комсомольца лейтенанта Стадниченко был остановлен сильным огнем с южной окраины села. Наступать дальше — потерять людей. Юный лейтенант немного растерялся. Но вот в боевых порядках взвода рядом с лейтенантом появился парторг батальона старший лейтенант Потапкин. Само появление парторга, вожака батальонных коммунистов, приободрило и командира взвода, и его бойцов.

Оценив обстановку и поняв состояние лейтенанта Стадниченко, парторг между прочим, как бы раздумывая вслух, говорит:

— А если попробовать справа… Обойти? Перебежками к саду?

Лейтенанту и самому приходила в голову такая мысль, но он отказался от нее: в саду, подумал он, как раз много немцев, так как за деревьями можно надежно укрыться. Но сад был расположен с северо-восточной стороны села, а не по фронту обороны на юг, вот чего не учел лейтенант.

Стадниченко посылает двух бойцов, те ползком пробираются к саду, выясняют все. В саду только огневые позиции минометов. В минометных расчетах по пять-шесть гитлеровцев. Взвод лейтенанта Стадниченко, используя складки местности, скрытно сосредоточивается около сада. Потом бросок — расчеты уничтожены или пленены, минометы становятся трофеями.

Парторг Потапкин посоветовал побыстрее ударить из трофейных минометов по позициям гитлеровцев, расположенным в южной части села Красная Стрелица. Лейтенант Стадниченко

так и поступил, ошарашенные немцы моментально убрались из села. Красная Стрелица была очищена от врага.

Когда батальон вел бой за село Игнатеево, бывшее последним узлом сопротивления врага в глубине его обороны, то первым на окраину населенного пункта просочилось отделение сержанта Краюшкина. Парторг на листке из блокнота написал об этом и передал по цепи. Бойцы других отделений стали смелее просачиваться вслед за сержантом. Гитлеровцы поднялись в контратаку. Ручной пулеметчик коммунист Пантюхов подпустил их метров на 30–25 и открыл губительный огонь, уничтожив более 20 солдат противника. Потапкин и об этом написал на листке, передал по цепи. Другие пулеметчики тоже стали проявлять больше выдержки, подпускали немцев и уничтожали их с коротких дистанций. Сообщения по цепи о подвигах лучших воинов придавали новые силы наступающим бойцам, помогли им разгромить врага и занять Игнатеево.

Во время боев за высоту 259,4, прикрывавшую село Афанасьевское, продвижению батальона мешали пулеметчик и автоматчик врага, засевшие в подбитом танке. Командир батальона коммунист майор Мухачев остановил батальон. Надо было подавить огневые точки, избежать лишних потерь. Кого послать? «Сержанта Комиссаренко и красноармейца Вышина», — подсказал заместитель комбата по политической части старший лейтенант Гришин.

Боевого комсорга Комиссаренко в батальоне все любовно звали просто Костей. Большинство бойцов уважали его за веселый нрав, молодость и отчаянную комсомольскую лихость. Знали его еще и по погранотряду. Он и там, на Дальнем Востоке, в одном из подразделений был комсоргом.

Вместе с Комиссаренко и Вышиным пополз и парторг Потапкин. Мухачев и Гришин переглянулись: вроде и без него обошлось бы. Но раз пошел, значит, так будет надежнее. Мучительно потянулись минуты ожидания. Но вот один за другим раздались несколько разрывов гранат. Батальон пошел вперед, из подбитого танка уже не было слышно ни одного выстрела.

Я хорошо помню старшего лейтенанта Ивана Потапкина, невысокого, худощавого, на вид хрупкого офицера. Но он был настоящим парторгом, коммунистом с большой буквы. Необычайно скромный, никогда ни на кого не повышавший голоса, он пользовался глубочайшим уважением всего личного состава не только батальона, но и всего полка. Чего там полка! Его многие знали и любили в дивизии. Он был удивительно обаятельным человеком и даже поэтом. Опровергая тезис о том,

что, «когда грохочут пушки, молчат музы», Иван Потапкин в минуты затишья успевал писать в дивизионную газету не только статьи, в которых щедро делился со всеми опытом партийно-политической работы своим и подчиненных, но и стихи.

Конечно, он не был профессиональным поэтом. Но в своих искренних стихах стремился передать боевым товарищам огромное чувство любви к Родине, радость победы.

В первые же дни наступления мы еще раз убедились, насколько коварен, беспощаден враг, убедились в том, что он готов воздействовать на наших бойцов любыми средствами, лишь бы получить необходимые ему сведения.

3 августа 1943 года комсомолец младший лейтенант Борис Симонов, возглавлявший стрелковый взвод 16-го Уссурийского полка, получил задачу занять высоту 254,8, прикрывавшую подступы к селу Александровское, и удерживать ее до подхода основных сил. Со взводом Симонова пошел в бой за высоту и комсорг батальона лейтенант Затюпа.

Искусным маневром взвод выбил из траншеи врага, занял высоту.

Гитлеровцы, понимая важность ее, решили во что бы то ни стало восстановить положение, на горстку бойцов обрушили шквальный артиллерийско-минометный огонь. За ночь фашисты семь раз контратаковали высоту. Вся земля здесь была перепахана артогнем. Взвод держался. К рассвету 4 августа в живых остались только лейтенант Затюпа, младший лейтенант Борис Симонов и сержант комсомолец Константин Егоров. Но и они были изранены.

Когда рассвело, гитлеровцы предприняли восьмую контратаку. Защитники высоты продолжали бой, но вскоре на высоте стало тихо. Когда на следующий день батальон выбил с высоты фашистов, там нашли три обожженных трупа. Опознать младшего лейтенанта Симонова, лейтенанта Затюпу и сержанта Егорова удалось с трудом. Специальной комиссией было установлено: всех троих, тяжело раненных, в бессознательном состоянии, гитлеровцы захватили в плен. Они привели их в чувство и пытались получить сведения о наших войсках. Советские воины молчали. Тогда рассвирепевшие фашистские выродки стали их пытать. Симонову и Затюпе гитлеровцы отрезали уши, потом выкололи глаза. Герои молчали.

Фашисты принялись за Егорова. Тот отказался говорить. Они надели ему на шею ременную петлю и, протащив по траншее, задушили.

После этого палачи вновь взялись за Симонова и Затюпу. Те молчали. Гитлеровцы облили всех троих бензином и сожгли.

В любой обстановке, как бы ни была она сложна и тяжела, коммунисты и комсомольцы оставались верными воинскому долгу, присяге.

В полосе наступления дивизии было немало населенных пунктов и много всяких высоток и высот. Гитлеровцы каждое село заблаговременно превратили в узлы обороны, используя дома и сараи. Каждая высотка — это один или иногда и два дота и многочисленные огневые точки. И вот за надолго оставшимся в памяти всех бойцов, командиров и политработников дивизии селом Муравчик появилась печально известная нам высота 260,2.

Перед высотой когда-то росла рожь, она кое-где уцелела. Но полоса этой полувыбитой ржи кончалась метров за 200 до высоты. Не пройдешь, не проползешь незамеченным. Гитлеровцы пристреляли здесь буквально каждый сантиметр. А день уже был на исходе. К комбату Мухачеву подошел комсорг Костя Комиссаренко:

— Товарищ майор, разрешите мне с комсомольцами выбить с высоты немцев.

— Как же ты это сделаешь? Местность перед высотой чиста, как стол, с наступлением темноты они все время освещают ее ракетами. Ничего не выйдет.

— Комсомольцы сделают, товарищ майор, — убеждал Комиссаренко.

План был таким: комсорг с небольшой группой бойцов через Мартыновский лес ночью выйдет в тыл гитлеровцам, неожиданно атакует. Воспользовавшись атакой с тыла, батальон должен ворваться на высоту. Договорились о сигналах.

Смельчаки под командой старшего сержанта Константина Комиссаренко прошли за ночь километров восемь по лесу да с километр проползли к высоте. К рассвету они были в тылу у немцев, у подножия высотки. Стремительно ворвались комсомольцы в траншею гитлеровцев, уничтожили расчеты трех тяжелых пулеметов, у фашистов началась страшная паника. А тут пошли в атаку с фронта бойцы батальона. Высота была взята.

Во время боев под Дмитровск-Орловским старший сержант Комиссаренко несколько раз собирал на поле боя бойцов, оставшихся без командиров, сколачивал из них группы и водил в бой. Он заменял, когда было нужно, погибших командиров взвода и даже роты.

Константину Игнатьевичу Комиссаренко не удалось дойти до города Дмитровск-Орловский, он пал смертью героя на его подступах…

Личный состав 1-го батальона вдохновлял и увлекал в бой сам командир — коммунист майор Мухачев.

Это был человек исключительной храбрости, неутомимый организатор, волевой офицер. Награжденный орденом Красного Знамени еще за бои в обороне, в наступлении оа дрался самоотверженно, проявляя большое тактическое мастерство.

40-й стрелковый Амурский полк наступал на правом фланге дивизии. Батальон под командованием майора Мухачева первым вошел в село Игнатеево. Его соседи — справа третий батальон, а слева второй — не отставали. Но их роты, продвигавшиеся локоть в локоть с батальоном Мухачева, остались без командиров. Мухачев подчинил их себе, направлял в бой эти подразделения там, где можно было достичь наибольшего успеха. Сломив сопротивление врага у какой-либо высоты или населенного пункта, он быстро выходил к немцам на фланги, заставлял их откатываться: враг боялся охватов с флангов, а почуяв возможность окружения, поспешно отходил.

За бои по освобождению Дмитровск-Орловского майору Мухачеву первым среди комбатов вручили от имени Президиума Верховного Совета СССР орден Ленина.

Много теплых слов можно было бы сказать в адрес начальника политотдела дивизии полковника Константина Васильевича Овчинникова.

Невысокого роста, с крупной головой, увенчанной копной вьющихся черных волос, прорезанных прядью седины, с простым русским лицом, освещенным живыми глазами, Константин Васильевич умел располагать людей к себе, быть их настоящим товарищем. А во время боев он всегда был на передовой, там, где труднее.

Начальника политотдела отличало всегда великолепное знание обстановки, умение разобраться в ней, найти наиболее правильное решение на бой. Стиль его работы — воспитание конкретного человека — командира взвода или отделения, наблюдателя, наводчика, сапера, пулеметчика, санитара, повара.

Таким был и стиль работы всех работников политотдела: офицеров Коробова, Селиванова, Рукавишникова, Элькина и других.

Константин Васильевич Овчинников пришел к нам в дивизию в первые дни ее формирования, имея за плечами огромный жизненный опыт. Начав службу в пограничных войсках красноармейцем, он выдвинулся до политработника крупного масштаба.

Овчинников требовал от каждого работника политических органов и партийных организаций в каждом рядовом, сержанте, офицере искать зерно доброго, положительного и развивать его, все ставить на службу нашей главной цели тех дней — разгрому

врага. Эта кропотливая, Постоянная работа способствовала формированию у личного состава дивизии настойчивости, упорства в обеспечении выполнения поставленных боевых задач, давала свои плоды.

* * *

После освобождения села Игнатеево, оценив обстановку, 5 августа я ввел в бой 30-й стрелковый Хасанский полк с задачей из Хальзеево двумя батальонами нанести удар в направлении высоты 267,7 и поселков Успенский и Воздвиженский. В течение дня приказ был выполнен. Противник неоднократно переходил в контратаки, но все его усилия разбивались об упорную, стойкую оборону выдвинутого вперед батальона майора Горева, умело и грамотно руководившего боем.

Находясь на НП полка, я стал свидетелем такого боевого эпизода. При очередном огневом налете противника вышла из строя телефонная связь одного из батальонов с полком. На устранение обрыва кабеля вышел связист красноармеец Иван Шапторов. Он был ранен в ногу и спину, но нашел и исправил повреждение. В медсанбат связист не ушел, попросил оказать ему медицинскую помощь на месте. Вскоре опять нарушилась связь. Шапторов пополз вдоль линии, нашел порыв и восстановил связь. Лишь после этого отважного связиста отправили в медсанбат, где через несколько дней за совершенный подвиг был вручен ему орден Красного Знамени.

12 августа 1943 года в 2 часа ночи внезапным и одновременным ударом с востока и северо-востока части дивизии, взаимодействуя с частями 18-го стрелкового корпуса, штурмовавшего город с южной и юго-западной окраин, ворвались в Дмитровск-Орловский и к рассвету полностью очистили его от гитлеровских захватчиков.

Это был первый город, в освобождении которого принимала участие наша дивизия. Понятно, сам по себе такой факт много значил для всего личного состава дивизии. Но тяжелые бои за освобождение города по-особому памятны мне не только поэтому. Они памятны неукротимым наступательным порывом бойцов, командиров и политработников.

Эти бои для всех нас, начиная от офицеров штаба и политотдела, кончая каждым красноармейцем, были серьезной школой полевого боя. Взламывая оборону врага, густо насыщенную огневыми средствами и долговременными укреплениями, наши части и подразделения научились

тактическому искусству обходить их, блокировать, а когда того требовала обстановка, то и штурмовать с тыла мелкими группами. Действуя непосредственно в боевых порядках, артиллеристы овладели трудным искусством поддерживать пехоту огнем и колесами. Офицеры штабов научились быстро доводить боевые задачи до части, подразделения и самое главное — общевойсковые и артиллерийские начальники стали лучше решать вопросы взаимодействия.

* * *

Вскоре после освобождения города Дмитровск-Орловский 102-я Дальневосточная стрелковая дивизия распоряжением командующего Центральным фронтом была выведена из состава 70-й армии и переподчинена 48-й армии. 22 августа 1943 года она перебрасывается в район Починок Олешок Орловской области.

В последних числах августа 1943 года войска Центрального фронта продолжали успешно наступать в юго-западном направлении. Впереди были реки Десна, Сож, Днепр, которые предстояло форсировать.

Наша дивизия получала новую боевую задачу. Мне было приказано получить ее в штабе армии.

Отдав предварительное распоряжение частям дивизии в соответствии с полученными указаниями штаба Центрального фронта о продолжении наступления в юго-западном направлении, я с начальником политотдела дивизии полковником Овчинниковым выехал ночью в отмеченный на карте населенный пункт.

Почти всю ночь пришлось искать штаб армии. Нашли на рассвете. Нас сразу принял член Военного совета армии генерал Николай Александрович Истомин.

Среднего роста, лет сорока пяти, круглолицый, Николай Александрович принял нас радушно, беседа проходила в непринужденной обстановке за стаканом чая. Генерал очень подробно расспросил о нуждах дивизии, о приобретенном в боях опыте, о кадрах. Мы доложили, что взводами, ротами командуют кадровые командиры с пятилетним стажем службы в офицерских должностях, окончившие военные училища и имеющие боевой опыт.

Во время беседы член Военного совета рассказал, что Ставка Верховного Главнокомандования придает особое значение форсированию Десны с ходу в короткие сроки. Командующий 48-

й армией генерал-лейтенант П. Л. Романенко возложил выполнение этой задачи в первую очередь на 102-ю Дальневосточную стрелковую дивизию. Надо после принятия решения поставить задачу частям на форсирование, спланировать форсирование, изготовить переправочные средства и решить многие другие вопросы. В заключение беседы член Военного совета пообещал в ближайшие дни побывать в дивизии, познакомиться с бойцами, командирами и политработниками.

Более конкретные указания были получены нами в штабе армии.

С хорошим настроением уезжали мы оттуда, думали о том, как лучше выполнить главную задачу — форсировать Десну с ходу.

* * *

С 26 по 31 августа 1943 года дивизия вела здесь бои по прорыву гитлеровской обороны, глубина которой составляла около десяти километров. В этих боях пограничникам пришлось иметь дело с многочисленными танками и самоходно-артиллерийскими установками противника.

Первые встречи наших бойцов с танками врага произошли еще на подступах к Дмитровск-Орловскому. После того как 16-й стрелковый Уссурийский полк занял село Александровское, гитлеровцы пошли в контратаку, поддерживаемые танками. Наши бойцы были вооружены гранатами и противотанковыми ружьями.

Один из немецких танков шел прямо на окопы отделения сержанта Ильи Перцова. Бойцы замерли: им еще не приходилось встречаться с танками. Сержант Илья Перцов не растерялся, подал команду приготовиться открыть огонь по пехоте врага, бегущей вслед за танком. Сам же он лег за противотанковое ружье и ждал, когда танк подставит борт. Перцов знал: бить по лобовой броне — успеха не добьешься.

Когда танк стал разворачиваться влево, сержант открыл огонь, целясь по ведомым и опорным колесам танка. Перцов знал, что за ними находятся бензобаки. Одновременно с Перцовым открыли огонь и стрелки отделения, целясь по смотровым и подбашенным щелям, надеясь ослепить танк или заклинить башню.

Танк повернул башню и открыл огонь по окопу Перцова. Первый снаряд пролетел мимо, разорвался за окопом. Илья Перцов был точнее, он успел сделать три выстрела, и трудно сказать, какой из них был наиболее точным. Да это и не важно.

Важнее другое: танк вдруг вспыхнул, башенный люк его открылся и гитлеровцы начали спрыгивать на землю. Тут же они попали под пули наших стрелков.

Успех Перцова стал известен всему личному составу дивизии. Вслед за ним с таким же успехом из ПТР сожгли несколько танков бронебойщики подразделения лейтенанта Мельника, причем и сам лейтенант подбил из ПТР один танк.

Большую роль в борьбе с танками сыграла и наша артиллерия. Так, расчет старшего сержанта Павла Синицына в первых числах августа прямой наводкой подбил самоходное орудие врага типа «фердинанд».

В боях на подступах к Десне у гитлеровцев было много танков, борьба с ними нередко носила драматический характер. Так, в конце августа, когда прорыв обороны гитлеровцев близился к концу, подразделения 16-го стрелкового полка подошли к большому селу. Разведданные, имевшиеся у командования части, свидетельствовали о сильной обороне вокруг этого населенного пункта. С ходу взять село было невозможно, наши подразделения стали быстро окапываться, артиллеристы энергично принялись за оборудование огневых позиций. На другой день батарея, в которую входил расчет Павла Синицына, была атакована немецкими танками. Всего их надвигалось на батарею восемь штук. Батарея приготовилась к бою. Артиллеристы терпеливо ждали подхода танков, решив бить наверняка.

Гитлеровцы тоже из пушек не стреляли, а только изредка били из пулеметов по местам, казавшимся им подозрительными. Наконец они подошли на 350–400 метров. Раздалась долгожданная команда:

— По фашистским танкам, огонь!

Загремели выстрелы. В свою очередь танки, продолжая медленно идти вперед, открыли прицельный пушечно-пулеметный огонь по огневым позициям наших артиллеристов. Из дыма разрывов и облаков подымавшейся пыли вынырнули две машины, которые явно намеревались проутюжить огневую позицию расчета старшего сержанта Синицына.

Артиллеристы сработали отлично: один из танков окутало облако дыма, он загорелся, вслед за ним и второй танк вздрогнул, остановился. Расчет подбил затем и третий.

Гитлеровцы откатились.

Наступила пауза, можно передохнуть. Но фашисты по лесу обошли огневые позиции артиллеристов и попытались окружить их. Они появились и с флангов и с тыла.

Артиллеристы заняли круговую оборону. Вражеские солдаты, несмотря на сильный огонь наших бойцов из автоматов и

винтовок, приближались все ближе к огневым позициям. Тогда старший сержант Синицын приказал выкатить орудие на прямую наводку, наводчик сержант Малышев припал к прицелу, и они открыли огонь. Снаряд за снарядом посылал по врагу Синицын, ряды атакующих редели, но они упорно продолжали наступать. Были ранены Малышев и второй номер Каштанов, ранило самого Синицына. Но артиллеристы продолжали вести огонь.

Наконец немцы откатились. Но скоро вновь появились танки. Сейчас они шли еще осторожнее. Но был предельно осмотрителен и Синицын. Он решил бить только наверняка, и, как только немецкий танк появился в прицеле, прогремел выстрел. Боевая машина остановилась.

Был в тот день один такой момент, когда гитлеровцы очутились в нескольких метрах от орудия Синицына, готовясь захватить его. Но старший сержант Синицын, комбат лейтенант Сетниченко, сержант Леонид Пушкин успели откатить орудие из-под носа у фашистов и, неожиданно ударив по ним, уничтожили нападавших. А потом снова вернулись на свою огневую позицию и продолжали бой…

Дружно ударили и другие расчеты — враг был остановлен.

В тот день с 4.00 до 21.00 гитлеровцы шесть раз предпринимали атаки, два раза пытались окружить наши подразделения, но у них ничего из этой затеи не вышло. Наши воины уже многому научились, они перестали бояться окружения, за плечами был опыт боев под Дмитровск-Орловским. В середине дня к артиллеристам подошло подкрепление. Воевать стало веселей.

* * *

И вот, преследуя противника, части нашей дивизии в первых числах сентября 1943 года передовыми отрядами подошли к правому берегу реки Десна. Мы наступали тогда на левом фланге оперативного построения войск 48-й армии, имея боевую задачу во взаимодействии с правофланговыми соединениями 65-й армии форсировать Десну и овладеть городом Новгород-Северским. Бой начался без паузы.

Город расположен на возвышенности крутого правого берега Десны. Противник заранее подготовил этот рубеж, используя господствующее положение своего берега, развернув густую сеть траншей, дзотов, наблюдательных пунктов и хорошо организовав минометный и артиллерийский огонь. Все это делало оборонительный рубеж труднодоступным. К тому же он

прикрывался рекой, ширина которой доходила до 160–170 метров.

Наша дивизия получила боевую задачу северо-западнее населенных пунктов Островушка и Погребки с ходу форсировать Десну и, наступая в направлении монастыря с северо-востока, во взаимодействии с другими соединениями овладеть городом.

Как известно читателю, 102-я дивизия с марта 1943 года беспрерывно находилась в первом эшелоне оперативного построения войск 70-й армии, а затем — 48-й армии, вела напряженные оборонительные и наступательные бои. Несмотря на это, моральное состояние дивизии было хорошим, оно подкреплялось приобретенным боевым опытом. Но у нас почти не было опыта форсирования водных преград с ходу. Необходимо было преодолеть трудности с переправочными средствами. Бойцы-пограничники успешно вышли из положения. В подразделениях еще до подхода к реке готовили переправочное имущество (лодки-плоскодонки, паромы, собирали бочки, канаты и проволоку). Вторые эшелоны батальонов, полков, наступая за боевыми порядками первого эшелона, тренировались в преодолении встреченных на пути отдельных речушек, озер. Возводили переправы, отрабатывали подход к урезу реки, погрузку, действия во время переправы, бой на противоположном берегу, огневое взаимодействие с артиллерией, захват противоположного берега и укрепление флангов.

Тем временем приближение водной преграды чувствовалось уже по тому, что сопротивление противника усиливалось. Более дерзкими и настойчивыми стали контратаки врага, с исключительным упорством, даже располагая ограниченными силами, гитлеровцы цеплялись за каждый населенный пункт и узел дорог. Южнее все сильнее и сильнее доносился шум боя. Там соединения 65-й армии, нашего соседа слева, громили противника. Они вырвались несколько вперед.

С наступлением темноты противник нанес несколько сильных огневых ударов по наступающим подразделениям нашей дивизии. Мы понимали, что это один из признаков подготовки врага к ночному отводу своих главных сил на новый рубеж. Этим новым рубежом мог стать только правый берег Десны. Наши разведывательные группы радировали о движении противника к переправам.

Вторые эшелоны 30-го стрелкового Хасанского и 40-го стрелкового Амурского полков получили задачу, действуя в качестве передовых отрядов, не ввязываясь в бой и обходя противника, к утру выйти к реке северо-восточнее города Новгород-Северский, использовать подручные средства и с ходу

форсировать реку, овладеть районом монастыря.

Я получил информацию из штаба армии, что 18-й стрелковый корпус вел ожесточенный бой на подступах к вражеской переправе у поселка Свердловск, что южнее Новгород-Северского.

К утру 8 сентября 1943 года передовые отряды 40-го и 30-го стрелковых полков, упреждая отходящего противника, вышли к реке северо-восточнее города. Головная рота 40-го стрелкового полка, использовав подручные средства, форсировала Десну и закрепилась на противоположном крутом берегу напротив монастыря.

Переправа остальных эшелонов передового отряда была затруднена сильнейшим пулеметным и минометным огнем противника. Подразделения передового отряда 30-го стрелкового полка овладели небольшим островом посреди реки. Мостовые переправы противник уничтожил.

К тому времени к реке подходили главные силы дивизии.

30-й стрелковый полк начал демонстративно днем и ночью готовить переправу на правый берег, отвлекая на себя огонь и внимание гитлеровцев. 16-й стрелковый полк левым флангом, используя успех соседа слева, зацепился за кирпичный завод на правом берегу. Командир полка по ночам с присущей пограничникам скрытностью усиливал свои подразделения, сосредоточенные напротив монастыря.

В ночь с 11 на 12 сентября 1943 года одновременно сильным огневым налетом все три полка дивизии на широком фронте форсировали реку. Наиболее удачно действовали амурцы. Накопленные под обрывом крутого берега стрелковые подразделения, усиленные расчетами полковых орудий, штурмом овладели монастырем. В захвате этого опорного узла велика роль хасанцев и уссурийцев, которые своими активными действиями — первые с острова, вторые от кирпичного завода — приняли на себя весь огневой удар противника и, несмотря на ожесточенное его сопротивление, вышли к южным и юго-западным стенам монастыря.

Более трех суток продолжался бой на правом берегу Десны и на окраинах Новгород-Северского.

Части дивизии, несмотря на ожесточенные атаки врага, не только удержали кирпичный завод и монастырь, но и вели боевые действия на улицах города. В это время в короткие сроки инженерно-саперные подразделения подготовили и ввели в действие переправу, по которой были переброшены главные силы дивизии. Южнее и юго-западнее города успешно развивали наступление соединения 65-й армии. Их выход во фланг и тыл противника заставил его поспешно отойти. 16 сентября 1943 года

город был освобожден.

В этих боях вновь отличился батальон майора Мухачева. Первыми на правый берег переправились несколько автоматчиков и бойцов с ручными пулеметами. Они бесшумно выгрузились и заняли небольшой плацдарм, готовые прикрыть огнем переправу основных сил батальона, которые устремились к правому берегу. Гитлеровцы заметили бойцов батальона. Но, вероятно, предполагали, что высадилась небольшая группа. И смело, густыми цепями, пошли в атаку. Их остановили огнем из автоматов и ручных пулеметов.

Через некоторое время до двух рот гитлеровцев возобновили атаку. Майор Мухачев улыбаясь сказал пулеметчикам:

— Ребята, на вас сейчас смотрит вся Европа. Поняли? Те уже давно все поняли.

Гитлеровцы подошли близко, и батальон открыл по ним огонь из пулеметов и автоматов. Немцы откатились недалеко в лощину и залегли. Комбату было ясно: сейчас они опомнятся, подойдет еще подкрепление — и вновь контратака.

К майору Мухачеву был вызван корректировщик минометчиков старший сержант Петрик.

— Видишь, Петрик, в лощине немцы копошатся? Дай огоньку.

И Петрик дал. А майор поднял всех переправившихся и повел в атаку. Батальон проскочил лощину, пробился к месту сосредоточения под обрывистым берегом напротив монастыря.

Отличился во время форсирования Десны и штурма Новгород-Северского снайпер Иван Важеркин. Он первым из воинов 30-го стрелкового полка со своим отделением форсировал реку. Имеющиеся подручные средства его отделение тихо спустило на воду и направилось к правому берегу. Когда была преодолена большая половина реки, немцы заметили бойцов старшего сержанта Важеркина. Открыли огонь. Но все же отделение успело вовремя высадиться на берег и закрепиться там.

Между тем на правый берег быстро переправился весь батальон.

Контратаки немцев нарастали, они вели их превосходящими силами. Скоро был ранен командир взвода, и старший сержант Важеркин заменил его. На рассвете выбыл из строя и командир роты. Важеркин принял командование ротой на себя, поднял роту в атаку и первым ворвался на одну из улиц города.

Уличный бой требует особых навыков, умения разобраться в обстановке. К чести Ивана Васильевича Важеркина надо сказать: он умело руководил боем подразделения в городе, его рота успешно продвигалась вперед, причем и в этой ситуации старший сержант, не забывая о своей снайперской специальности,

уничтожил трех фашистских офицеров.

В шестом часу утра рота под командованием старшего сержанта Важеркина вышла к железнодорожной станции. В седьмом часу утра город был освобожден окончательно, а рота Важеркина, продолжая свой путь на запад, с боями прошла под его командованием еще 170 километров, освободила от немецких оккупантов 16 населенных пунктов, 6 из которых были взяты после ожесточенных боев.

На другой день у личного состава всех частей и подразделений дивизии было праздничное настроение: приказом Верховного Главнокомандующего от 16 сентября 1943 года 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии было присвоено наименование Новгород-Северской. С того дня она стала именоваться 102-й стрелковой Дальневосточной, Новгород-Северской дивизией.

Весть об этом успехе очень быстро достигла и Дальнего Востока. Трудящиеся Хабаровского края горячо поздравляли всех красноармейцев, сержантов и офицеров с победой над врагом под стенами древнего русского города Новгород-Северский.

В другой телеграмме из Москвы с этой победой поздравили нас красноармейцы, сержанты, офицеры и генералы войск НКВД. Приказ Верховного Главнокомандующего и поздравительные телеграммы зачитывались на всех митингах, которые были проведены по частям и подразделениям.

В те памятные дни я получил от Всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина высокую награду Родины и письмо, которое до сих пор бережно храню в своем архиве.

«Генерал-майору Андрееву Андрею Матвеевичу.

Не имея возможности лично вручить Вам орден Суворова II степени, которым Вы награждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 года, посылаю Вам его с настоящим письмом.

Поздравляю Вас с заслуженной высокой наградой и шлю пожелание дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности».

Получая свой первый полководческий орден, я с благодарностью думал о своих боевых соратниках, ибо эта награда в равной степени оценивала и их воинское мастерство.

Успешно руководить дивизией в боях нельзя без слаженных действий штаба, надежных заместителей. И в обороне и в наступлении я постоянно опирался на помощь своего заместителя полковника Кузьмы Евдокимовича Гребенника, ветерана пограничных войск. Волевой офицер, умелый организатор, он много сделал для 102-й стрелковой Дальневосточной, Новгород-Северской дивизии.

Но та мысль о необходимости выдвижения офицеров дивизии на более высокие должности, которую высказал член Военного совета 48-й армии генерал Истомин в беседе со мной и начальником политотдела полковником Овчинниковым, после боя за Новгород-Северский стала воплощаться в соответствующие приказы, и полковник Гребенник был назначен командиром одной из дивизий нашей армии.

Забегая вперед, скажу, что гвардейская дивизия под командованием Кузьмы Евдокимовича Гребенника отлично воевала, особенно отличилась при форсировании реки Вест-Одер. Генералу Гребеннику в мае 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прекрасную жизнь прожил мой боевой товарищ Кузьма Евдокимович Гребенник — сын донецкого шахтера-подрывника. В годы гражданской войны он получил винтовку и направление в Красную Армию вместе с партийным билетом. После разгрома Врангеля молодой коммунист на долгие годы связал свою судьбу с пограничными войсками. В 1938 году японская военщина предприняла военную авантюру у озера Хасан на участке Посьетского пограничного отряда, которым командовал полковник Гребенник. Там, в Уссурийской тайге, у сопок Безымянной и Заозерной, где советские пограничники стойко и мужественно отразили натиск врага, среди бойцов в зеленых фуражках родились Герои Советского Союза: старший лейтенант Г. Батаршин, лейтенанты А. Махалин, В. Виневитин, П. Терешкин, И. Чернопятко. Полковник К. Е. Гребенник за умелое руководство боевыми действиями был удостоен ордена Красного Знамени. Такая же награда украсила и Боевое Знамя пограничного отряда.

Завершив войну командиром 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дважды Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого дивизии, генерал Гребенник вернулся на службу в пограничные войска и долгое время командовал войсками пограничных округов. Уйдя на пенсию, до последних дней своей замечательной жизни генерал-лейтенант Гребенник трудился в Украинском республиканском Комитете народного контроля.

Кузьма Евдокимович стал родоначальником династии воинов-пограничников. Его сын Владимир, младшим лейтенантом воевавший с отцом на Одере, ныне генерал-майор, начальник штаба пограничного округа. Внуки — Сергей и Игорь — офицеры пограничных войск, достойно продолжают и приумножают боевую славу деда-фронтовика.

Повышения по службе ждали и других моих сослуживцев. Начальник штаба дивизии полковник Даниил Васильевич

Казакевич также стал командиром дивизии, которая отличилась в боях под Бобруйском. Даниилу Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

40-м стрелковым Амурским полком умело руководил полковник Маркиян Петрович Погребняк. В январе 1944 года командование назначило полковника Погребняка командиром его родной 102-й стрелковой Дальневосточной, Новгород-Северской дивизии. Маркиян Петрович успешно командовал ею до конца войны.

16-й стрелковый Уссурийский полк возглавлял замечательный человек, отличный воин полковник Иван Михайлович Павлович. Он всегда находился на самых трудных участках, в самой гуще боя. Во время, наступления на бобруйском направлении, будучи заместителем командира дивизии, он погиб в бою. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вспоминается форсированный марш от Ельца до района под Дмитровск-Орловским. Бездорожье, метель. То мороз, то оттепель. Автомобильного транспорта нет, конный в очень ограниченном количестве. Но дивизия шла вперед. В авангарде — 30-й стрелковый Хасанский полк. Вел его и на марше, и в первый бой один из старейших пограничников-дальневосточников, бывший начальник окружной школы младшего состава пограничного округа полковник Василий Иванович Матронин.

Под командованием полковника Матронина бойцы проявляли исключительную стойкость в оборонительных боях на Курской дуге, быстроту и натиск в наступлении. Особенно успешно сражались хасанцы в ожесточенных боях во время форсирования Десны и штурма города Новгород-Северский.

Между тем наша армия продолжала наступление на гомельском направлении и вскоре подошла к реке Сож. Форсирование Десны многому нас научило, части 102-й на реке Сож действовали стремительно и четко и в ночь с 7 на 8 октября форсировали ее, захватив плацдарм на подступах к Гомелю, немного южнее его. До 24 ноября дивизия держала активную оборону на широком фронте, закрепляясь на плацдарме, все время продолжала бои за его расширение.

С 10 по 30 ноября 1943 года 102-я стрелковая дивизия участвовала в Гомельско-Речицкой операции войск Белорусского фронта. Противник, создав на этом участке фронта мощную оборону, удачно используя лесисто-болотистую местность, упорно сопротивлялся. К 20 ноября соединение с тяжелыми боями продвинулось на глубину до 70 километров, а в ночь с 24 на 25 ноября 1943 года двумя полками завязало бои на ближних подступах к Гомелю. Днем 25 ноября 30-й стрелковый полк

ворвался на западную окраину Гомеля, занял железнодорожную станцию. 26 ноября части дивизии во взаимодействии с другими соединениями освободили город.

В приказе Верховного Главнокомандующего в числе особо отличившихся была названа и 102-я стрелковая Дальневосточная, Новгород-Северская дивизия. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1943 года наше соединение было награждено орденом Красного Знамени.

В эти праздничные для родной дивизии дни мне пришлось прощаться с боевыми товарищами. В начале декабря я был назначен командиром 29-го стрелкового корпуса 48-й армии. Новое назначение, безусловно, было приятным, радовало и то, что 102-я стрелковая входила в состав корпуса, и мне еще не раз довелось встречаться с ее бойцами и командирами, вписавшими в последующих боях новые яркие страницы в ее героическую историю.

После взятия Гомеля дивизия получила приказ совершить марш, выйти в междуречье Днепра и Березины в район населенного пункта Мормаль. До 9 марта 1944 года дивизия провела здесь ряд успешных боев, которые в этом районе отличались большим напряжением, красноармейцы и офицеры совершили немало героических подвигов. Особенно памятен мне подвиг младшего сержанта Андрея Короткова.

Во время наступления в глубине обороны гитлеровцев одна из батарей заняла огневые позиции на очень выгодной высоте. Наводчик орудия младший сержант Коротков, расчищая дорогу пехотинцам, во время боя за эту высоту подбил два тяжелых танка, уничтожил три ручных пулемета врага, прямым попаданием в амбразуру заставил замолчать дзот.

Но высота имела большое тактическое значение, и немцы не хотели ее терять. На следующий день утром они решили восстановить положение и пошли в контратаку, поддерживаемую танками. Впереди шел тяжелый танк «тигр», а вслед за ним несколько средних танков.

Первым открыл огонь по танкам орудийный расчет старшего сержанта Коробаева. На него шли три немецких танка, в том числе «тигр».

Танки шли на позицию Коробаева, подставив свои борта орудию Короткова. Тот понимал, что расчет Коробаева вот-вот очутится в тяжелом положении, но нужно было выиграть время, чтобы ударить наверняка. Когда первый танк был от него не дальше 300 метров, Коротков открыл огонь. Первый же снаряд угодил в цель, и «тигр» вспыхнул. Но второй танк продолжал двигаться к орудию Короткова, ведя огонь с ходу. Казалось, что

пройдет еще мгновение, и огневая позиция Коробаева будет проутюжена его гусеницами, но Коротков сумел метким выстрелом подбить и второй танк, а третий поспешно ретировался.

Гитлеровские танкисты разобрались в обстановке и, видимо, решили окружить орудие Короткова. Они открыли сильный огонь по огневой позиции Короткова и атаковали его высоту с разных направлений.

Первый поднявшийся на высотку немецкий танк Коротков расстрелял в упор. В это время отважного артиллериста контузило. Товарищи его были уже ранены или погибли. Младший сержант остался один. Он нашел в себе силы для продолжения боя. Сам разворачивал орудие, наводил и стрелял. Уничтожил еще два танка. А всего в том памятном бою он уничтожил пять гитлеровских бронированных машин.

Хотелось бы сказать несколько слов о дальнейшем боевом пути 102-й стрелковой дивизии. До середины июня 1944 года она успешно держала оборону в междуречье Днепра и Березины. После перегруппировки и тщательной подготовки с 24 по 29 июня она участвовала в Бобруйской наступательной операции правого крыла 1-го Белорусского фронта, в ходе которой вместе с другими соединениями форсировала реку Друть, западнее города Рогачев, прорвала сильную, глубоко эшелонированную оборону врага и стала успешно развивать наступление.

За отвагу и мужество при форсировании Друти и прорыве сильно укрепленной долговременной обороны на бобруйском направлении высокого звания Героя Советского Союза были удостоены старший лейтенант Василий Гильямович Булатов, старший лейтенант Иван Васильевич Гермашев, капитан Анатолий Федорович Соловьев, гвардии младший лейтенант Виктор Андреевич Трубин, рядовой Сергей Петрович Анищенко.

Успешные действия 102-й стрелковой Дальневосточной, Новгород-Северской Краснознаменной дивизии в ходе Бобруйской наступательной операции Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 июля 1944 года были отмечены орденом Суворова II степени.

Воины-пограничники Дальнего Востока, начав свой боевой путь в Великой Отечественной войне на подступах к городу Дмитровск-Орловский, закончили его на берегах залива Фришес-Хафф в Восточной Пруссии, западнее Кенигсберга.

За участие в боях по ликвидации восточно-прусской группировки гитлеровцев 102-я дивизия Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 апреля 1945 года награждена орденом Ленина и стала именоваться 102-й стрелковой

Дальневосточной, Новгород-Северской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова дивизией.

Время боевой зрелости

Перебирая в памяти события Великой Отечественной войны, я каждый раз, словно заново, с волнением вспоминаю весну и лето 1944 года. Именно тогда, в дни и ночи подготовки и осуществления операции «Багратион», в которой довелось участвовать и соединениям 29-го стрелкового корпуса, которым я командовал, ярко раскрылся творческий подход советских офицеров, генералов к решению ответственнейших задач в сложной, быстроменяющейся обстановке.

Стремясь во что бы то ни стало удержать Белоруссию, противник создал здесь многополосную, глубоко эшелонированную оборону. Общая глубина оборонительных полос и рубежей достигала 250–270 километров. Особенностью обороны немецко-фашистских войск являлось то, что при отсутствии крупных резервов гитлеровское командование расположило свои армии в один эшелон и они в основном занимали тактическую зону обороны. Наиболее сильные группировки командование вермахта создало на флангах в районе Витебска и Бобруйска и в центре — восточнее Орши и Могилева. С точки зрения противника, эти направления являлись наиболее выгодными для наступления советских войск.

По приказу командующего 48-й армией генерал-лейтенанта П. Л. Романенко наш 29-й стрелковый корпус, оставив 73-ю стрелковую дивизию на ранее занимаемых позициях Жлобин, Мормаль, силами 102-й и 217-й стрелковых дивизий скрытно, двигаясь только ночью с соблюдением всех мер маскировки, совершил марш на север в район юго-восточнее Рогачева. Штабам фронта и армий удалось в полном объеме выполнить перегруппировку огромной массы войск в условиях строгой секретности. Сосредоточение войск проводилось, как правило, ночью, без освещения дорог. Во многих местах готовились ложные переправы. На второстепенных участках имитировалось сосредоточение артиллерии. Только на участке нашей 48-й армии южнее Рогачева было выставлено более 200 макетов ложных артиллерийских и минометных батарей.

Не только меня, но и всех командиров дивизий, полков, прибывших в район сосредоточения, прежде всего интересовала система обороны противника на участке будущего прорыва. Штабы фронта и армии и здесь заранее разработали необходимые меры обеспечения секретности готовящейся операции, конкретно определив количество и состав рекогносцировочных групп, время и место их работы, форму одежды офицеров и генералов.

Пробравшись на передний край в солдатской шинели и потертой шапке-ушанке, я, как говорится, собственными глазами старался пощупать вражескую оборону. Она совершенствовалась гитлеровцами с осени 1943 года и представляла собой разветвленную сеть инженерных сооружений с хорошо продуманной системой артиллерийского и минометного огня, которая позволяла надежно прикрывать все выходы из Рогачева, пойму реки Друть, отделяющую наши позиции от гитлеровских. Основу обороны узлов и опорных пунктов противника составили закопанные в землю танки, штурмовые орудия, дзоты. Чем больше наносилось на рабочую карту условных обозначений сил и средств врага, тем напряженней становилась в соединениях корпуса работа по подготовке к наступлению.

В двадцатых числах июня в 102-й стрелковой дивизии, находившейся во втором эшелоне армии, на специально подобранной местности были проведены батальонные и полковые учения по форсированию Друти и прорыву глубоко эшелонированной обороны гитлеровцев. Особенно организованно и поучительно учения прошли в 30-м стрелковом Хасанском полку. На них присутствовал командарм генерал-лейтенант Романенко. Он дал высокую оценку подготовке личного состава полка к предстоящим боевым действиям.

За пять дней до наступления на лесной поляне примерно в пяти километрах северо-восточнее Рогачева у исполненного в крупном масштабе рельефного плана местности, выдержанного в границах, занимаемых правофланговой ударной группировкой 1-го Белорусского фронта, собрался руководящий состав 48-й армии, командиры корпусов. Вскоре сюда прибыли в сопровождении командующего фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского представители Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генералы Н. Д. Яковлев, А. А. Новиков, И. Т. Пересыпкин, а также другие генералы и офицеры — представители видов и родов Красной Армии.

На занятии сразу установилась непринужденная обстановка, чему во многом способствовал спокойный, всесторонне аргументированный доклад командарма генерала Романенко, а затем доклад командующего артиллерией армии генерала Тимтиевича о замысле, решении и порядке выполнения поставленной боевой задачи.

Мне и раньше приходилось присутствовать на подобных занятиях по подготовке и организации наступательных операций армии и фронта, но никогда в докладах, вопросах, задаваемых старшими военачальниками, их советах я не чувствовал такой

исключительной уверенности в успехе, такой деловитости. Здесь, несомненно, не могло не сказаться то обстоятельство, что при планировании Белорусской операции Ставка Верховного Главнокомандования большое внимание уделила всестороннему обеспечению войск.

«По предварительным расчетам Генштаба, — напишет позднее в своих мемуарах Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — для обеспечения операции «Багратион» в войска надлежало направить до 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража»[11].

Настал черед и для докладов командиров корпусов. Волнение, которое я вначале испытывал, постепенно прошло. Да иначе и быть не могло. Вместе с другими командирами я прочно «врос» в обстановку предстоящей операции, что называется, мог с закрытыми глазами сориентироваться на любом участке обороны гитлеровцев. Мой доклад, как говорили после, прозвучал нормально.

— Способен ли корпус выполнить боевую задачу? — чуть прищурившись, пытливо спросил Г. К. Жуков.

— 29-й стрелковый корпус боевую задачу выполнит, — ответил я и, не переведя дыхания, высказал то наболевшее, что не давало мне покоя ни в рекогносцировках на переднем крае, ни в штабе, где на картах все четче и четче обозначалось состояние противоборствующих сил. — Товарищ Маршал Советского Союза, — продолжал я, — учитывая характер обороны противника, трудности, связанные с преодолением реки Друть, с ее широкой и болотистой поймой, желательно в интересах тактической внезапности и наименьшей затраты времени на первый бросок в ходе атаки иметь более разветвленную систему ходов сообщения и как можно ближе выдвинуть исходный рубеж для наступления. Для этого потребуется дополнительно до двух суток.

— Ваше желание будет учтено, — спокойно ответил Георгий Константинович.

И тут я уже выложил самое сокровенное:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Левый фланг 29-го стрелкового корпуса открыт. Огневого и тактического взаимодействия с соседом слева нет. Гитлеровцы за своим правым флангом имеют общий и танковые резервы и возможность снимать свои войска с неатакованных участков. В междуречье Днепр — Березина в направлении Мормаль, Бобруйск активные наступательные действия наших войск не предусматриваются. 73-я стрелковая дивизия, занимающая оборону на всем этом рубеже,

в силах только обозначить наличие наших войск. Противник опорные пункты укрепил не только фронтально, но и на обратных скатах. Мы ожидаем сильные частные и общие контратаки гитлеровцев из района Жлобина по нашему открытому левому флангу. Прошу 29-й стрелковый корпус усилить одной легкой артиллерийской бригадой, истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой и танкосамоходным полком.

Жуков повернулся к сидящим рядом генералам.

— Товарищ Яковлев, мы имеем такие возможности?

Яковлев ответил:

— Просьба заслуживает внимания. Найдем.

Георгий Константинович весело сказал:

— Вот вам из моего кармана две артиллерийские бригады и танкосамоходный полк. Боевая задача корпуса должна быть выполнена.

Позднее, когда высокое начальство уехало, генерал Романенко, укоризненно покачав головой, сказал мне:

— И все же, товарищ Андреев, вам не следовало просить дополнительные средства усиления. Получив их, вы взяли на себя еще большую ответственность.

— Товарищ командующий, — доложил я, — вы же знаете, что моя просьба строилась на строгом расчете сил, с которым согласился штаб армии. А что касается ответственности, то ее легче нести, имея в бою средства усиления, чем воюя без них.

Командарм ничего не ответил мне, полагая, очевидно, что для завершения разговора еще найдется время и место.

23 июня 1944 года началась Белорусская операция, одна из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны. В наступление перешли войска 1-го Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. На нашем участке фронта пушки пока молчали.

В соединениях, скрытно выдвинувшихся в исходные районы для наступления, велась активная партийно-политическая работа. Опорой командиров и политработников становились ротные и равнозначные им партийные организации, количество которых накануне операции выросло вдвое. Агитаторы и пропагандисты умело использовали временную особенность Белорусской наступательной операции — она разворачивалась в трехлетнюю годовщину начала Великой Отечественной войны. Это давало возможность более целеустремленно мобилизовать войска на выполнение боевых задач на основе глубокого разъяснения личному составу военно-политических итогов трех лет войны.

С нетерпением ждали бойцы и командиры нашего корпуса, всего 1-го Белорусского фронта сигнала для наступления.

…Медленно, словно нехотя, занимался рассвет 24 июня 1944 года. Все четче просматривались очертания холмов, где протянулись вражеские траншеи. Уже готовы проходы в минных полях. Будто сжатая пружина держит в напряжении полки и дивизии, каждого бойца. Не спится, видно, и гитлеровцам. Наши ночные бомбардировщики уже несколько раз появлялись над их позициями, засыпая траншеи гранатами и небольшими бомбами.

В четыре часа утра вздрогнула, застонала земля. Одновременно, сливаясь в единый огневой поток, ударили сотни наших орудий и минометов. Два часа пять минут длилась артиллерийская подготовка!

Еще бушевал огневой ураган, а передний край обороны врага уже затянула пелена пыли и дыма. Штурмовые батальоны стремительным броском преодолели заболоченную пойму Друти, следуя вплотную за огневым валом, ворвались в первую траншею гитлеровцев.

Хорошо поработали батарейцы! От первой вражеской траншеи практически ничего не осталось. Она была почти полностью разрушена, огневые точки уничтожены. Используя успех штурмовых батальонов, командиры стрелковых полков первого эшелона ввели в бой свои главные силы. Им удалось успешно преодолеть вторую траншею гитлеровцев, но перед третьей противник сосредоточенным огнем и частыми контратаками сумел остановить наступающие подразделения.

Потребовалось более двух часов для уточнения огневой системы третьей траншеи противника, перегруппировки орудий непосредственного сопровождения нашей пехоты. В это время гитлеровцы контратаковали открытый левый фланг 102-й стрелковой дивизии. Отбросить их на исходные позиции удалось лишь с помощью артиллерийского истребительного полка, действовавшего во взаимодействии с танкосамоходным полком. Вот когда пригодились корпусу дополнительные средства усиления!

В порядке самокритики следует сказать, что в наших силах было не допустить мощной контратаки противника. Для этого требовалось лучше организовать наблюдение и более оперативно получать информацию из передовых подразделений. Некоторые усиленные стрелковые роты и батальоны сумели не только ворваться в третью траншею обороны гитлеровцев, но и прорвались в их тылы. А закрепить и развить их успех мы не сумели.

В ходе наступления советские воины проявляли высокое боевое мастерство и массовый героизм. Преодолевая упорное сопротивление врага, 30-й стрелковый Хасанский полк к исходу

24 июня вышел к восточной окраине совхоза-техникума Краснобрежненский, где сумел закрепиться на занятых рубежах. 25 июня после артподготовки полк штурмом овладел центральной усадьбой совхоза-техникума, превращенного гитлеровцами в мощный опорный пункт. С боями продвигаясь в направлении Бобруйска, хасанцы захватили полевые склады немцев с продовольствием и боеприпасами, взяли много пленных. Инициативно и отважно действовали в этих боях воины стрелкового батальона под командованием капитана Павловского.

Группа бойцов, возглавляемая старшим сержантом И. Гермашовым, в течение шести суток удерживала плацдарм, захваченный на берегу Друти. Получив затем задачу атаковать противника, закрепившеюся на господствующей над местностью высоте, Гермашов установил, что гитлеровцы имеют на высоте два тяжелых пулемета, четыре ручных, а на флангах расположились группы автоматчиков. Гермашов вывел своих бойцов ночью в тыл гитлеровскому гарнизону и оттуда неожиданно атаковал врага. Опасаясь окружения, противник оставил высоту и спешно отступил к дороге. Прибывший на захваченную высоту капитан Павловский назначил старшего сержанта Гермашова командиром стрелковой роты и приказал ему начать преследование отступающего противника.

Впоследствии за успешное форсирование Друти и за отвагу и мужество в боях за Бобруйск Ивану Васильевичу Гермашову вместе с четырьмя другими однополчанами присвоили звание Героя Советского Союза.

В течение второго дня наступления соединениям корпуса удалось вклиниться в оборону противника всего на 7–8 километров, то есть взломать ее главную полосу. В чем же дело? Наш удар по главной полосе обороны гитлеровцев по темпу наступления частей и подразделений через болотистую пойму Друти был явно замедленный, плохо маневрировали мы силами и средствами по фронту, действовали слишком прямолинейно. Противник мощным огнем сдерживал наши главные силы, а контратаками отбрасывал вклинившиеся в его оборонительные порядки наши наступающие подразделения. И все же, развивая достигнутые частные успехи, командиры дивизий к исходу дня приложили максимум усилий, чтобы закрепиться на захваченных рубежах.

В ночь на третий день наступления на пути соединений корпуса встала естественная преграда — река Добосна. Гитлеровское командование, укрепив ее берега и взорвав переправы, возлагало большие надежды на этот рубеж обороны.

Но враг на этот раз просчитался. Соединения 29-го стрелкового корпуса, введя в бой вторые эшелоны, сразу в пяти местах на широком фронте с ходу форсировали Добосну и к исходу 26 июня овладели опорными узлами сопротивления на ее правом берегу.

Не имея достаточно сил и средств сдерживать натиск советских войск, гитлеровцы начали беспорядочное отступление к Бобруйску. Побывав в 102-й стрелковой Дальневосточной дивизии, я смог лично убедиться, каким огромным наступательным порывом охвачены наши воины. В боях за Бобруйск, где решалась судьба окруженной 40-тысячной группировки гитлеровцев, отличились все полки дивизии. Невозможно назвать всех героев, приумноживших славу соединения. Запомнилась встреча с командиром артиллерийской батареи старшим лейтенантом Борисом Овецким. Только в одном бою его подчиненные уничтожили два бронетранспортера, четыре пулемета и до роты гитлеровцев.

— У нас все еще впереди, — смущаясь говорил офицер, принимая поздравления сослуживцев по случаю вручения ему ордена Отечественной войны I степени.

Смело смотрел в будущее отважный артиллерист. В боях под Барановичами его батарея вела огонь прямой наводкой по танкам противника и самоходным орудиям. Овецкий лично уничтожил два «фердинанда» и был удостоен ордена Красного Знамени. Сейчас ветеран Великой Отечественной войны Борис Моисеевич Овецкий живет и работает в городе Хмельницкий. Часто он выступает перед молодежью с рассказами про «атаки яростные те…».

На четвертые сутки непрерывных боев передовые части корпуса подошли к юго-западной окраине Бобруйска, где активно действовали воины 1-го гвардейского танкового Донского корпуса. Вскоре я в лесу встретился с его командиром генералом Пановым. Крепким было его рукопожатие.

— Очень рад боевой встрече, — сказал Панов. — Имею приказ наступать в направлении Негорелое, ударом с запада отрезать минскую группировку гитлеровцев. Минский котел будет побольше бобруйского. Прикройте нас с юго-запада, пока мы обойдем лес и болото. Время не ждет…

Время — суровый критерий на войне, от которого часто зависит окончательная победа над врагом. Ликвидация окруженной группировки противника в районах Витебска и Бобруйска началась без паузы в наступлении с нанесения концентрических ударов в целях дробления вражеских войск на небольшие группы и уничтожения их по частям.

Велик был наступательный порыв советских воинов, несущих

освобождение многострадальной белорусской земле от фашистского рабства. Зверства фашистов вызывали благородный гнев, звали к отмщению. В Бобруйске наши бойцы побывали в лагере смерти, размещенном гитлеровцами в одном из соборов. Стремительное наступление наших войск избавило от уничтожения более тысячи советских военнопленных, содержавшихся здесь в нечеловеческих условиях.

Суровой была расплата фашистов за совершенные злодеяния. Чтобы сорвать прорыв противника из бобруйского котла, в воздух было поднято 526 самолетов 16-й воздушной армии, которые в течение полутора часов наносили массированный удар по скоплениям вражеских войск. Готовившиеся к прорыву из окружения гитлеровские войска были рассеяны и частью уничтожены.

В ночь на 28 июня 1944 года соединения и части 29-го стрелкового корпуса переправлялись на правый берег Березины и, использовав успех 1-го гвардейского танкового Донского корпуса, не останавливаясь, с боями прошли через западную окраину Бобруйска в направлении городов Пуховичи, Барановичи.

Как известно, Белорусская наступательная операция была завершена 29 августа. К этому времени войска 1-го Белорусского фронта продолжали успешно продвигаться на запад и 3 сентября 1944 года своим правым крылом, где находились 48-я и 65-я армии, подходили к левому берегу реки Нарев. 29-й стрелковый корпус действовал на правом фланге 48-й армии.

Боевой порядок корпуса строился в два эшелона. В первом находились 102-я и 217-я стрелковые дивизии, во втором — 73-я стрелковая дивизия, обеспечивающая правый фланг главных сил армии.

Соединениям корпуса была поставлена задача с ходу форсировать реку Нарев и овладеть плацдармом южнее Ружан. День клонился к вечеру. Передовым подразделениям оставалось пройти до водной преграды 10–12 километров, когда в штаб корпуса поступило тревожное сообщение от командира 102-й стрелковой дивизии М. П. Погребняка.

— Встретил упорное сопротивление противника, — докладывал по телефону полковник. — Наблюдаю выдвижение группы танков, выходящих на открытый правый фланг дивизии и следующих в юго-восточном направлении на Трынов. Противотанковым резервом уступом справа прикрываю фланг и тыл дивизии.

Следующий доклад Погребняка не принес облегчения: гитлеровцам удалось потеснить правофланговый 40-й стрелковый Амурский полк. Кроме того, небольшие группы вражеских танков

прорвались в тыл корпуса.

В это же время по боевым порядкам 102-й стрелковой дивизии нанесли одновременный удар авиация и артиллерия противника, поднялась в контратаку пехота. Правофланговые части полковника Погребняка отошли на промежуточный рубеж, загнув свой правый фланг уступом назад и к югу. Усилилось сопротивление гитлеровцев и перед фронтом 217-й стрелковой дивизии. Таким образом, в полосе наступления 29-го стрелкового корпуса, действовавшего на армейском и фронтовом стыке, начала складываться острая, напряженная обстановка.

Затихли разговоры в бревенчатой избе, где над картой склонился начальник штаба корпуса полковник С. Н. Красноярский. Молча следили за его работой начальник политотдела полковник Митин, командующий артиллерией полковник Мерлин и другие офицеры. Я прекрасно понимал: все они ждут от меня оценки сложившегося положения, а затем и соответствующего решения. Но прежде чем принять его, было над чем поразмышлять. Настало то мгновение, когда потребовались весь опыт, знания, мастерство, приобретенные в боях и помноженные на веру в силу и надежность подчиненных войск.

Условные обозначения на карте, словно магнитом, притягивали взгляд. Противник танковыми подразделениями вклинился в армейский и фронтовой стык, угрожает тылам корпуса и армии. Это создает реальную угрозу успешному проведению армейской и даже фронтовой операций по форсированию с ходу реки Нарев. Выход из сложившегося положения, казалось бы, прост: следует второй эшелон корпуса — 73-ю стрелковую дивизию — немедленно использовать для активных действий по обеспечению безопасности правого фланга корпуса, армейского и фронтового стыка. Такое решение академически правильно. Скорее всего, на него и рассчитывает мой оппонент в гитлеровском штабе. Между тем фронтовой опыт подсказывает: нельзя наносить фронтально встречный удар стрелковым соединением против развернутой и активно действующей танковой группировки. Во встречном бою с танками стрелковые полки неизбежно понесут крупные потери, а свежая боеспособная дивизия, нацеленная для захвата плацдарма через водную преграду, будет использована в стороне от направления главного удара. Не этого ли добиваются гитлеровцы?

Начальник разведотдела корпуса прав, высказывая мнение, что танковый удар противника на исходе дня без пехоты — удар не с решительными намерениями. Скорее всего, он преследует цель сбить темп нашего наступления, дать возможность своим главным силам, ведущим бой восточнее реки Нарев,

переправиться на правый берег и занять там прочную оборону.

В создавшейся обстановке следовало принимать решение, которое позволило бы вырвать инициативу у врага. Сделать это можно, создав превосходство в силах на наиболее уязвимом участке его обороны. Рано или поздно именно сюда будет приковано все внимание противника, сюда будут направлены его ударные подразделения со второстепенных направлений.

Вызвав на связь командира 73-й стрелковой дивизии полковника В. И. Матронина, я приказал ему в 17 часов 30 минут 3 сентября 1944 года ввести в бой свое соединение из-за левого фланга 217-й стрелковой дивизии в стыке с 399-й стрелковой дивизией 42-го стрелкового корпуса нашей армии и к утру 4 сентября с ходу форсировать реку Нарев, захватив плацдарм на правом берегу в районе Бжузе-Мале, Влосьцяньск, а левофланговым подразделением овладеть переправой гитлеровцев в районе Острыкуля. В приказе указывалось, что дивизия совершает марш-маневр двумя колонными путями, имея в авангарде усиленный артиллерией стрелковый полк с переправочным парком. Полковнику Матронину предоставлялась полная самостоятельность маневра в границах наступления корпуса и соседа слева, с тем чтобы иметь возможность без боя обходить опорные пункты и узлы сопротивления противника.

Пока я отдавал приказ Матронину, на штабной карте все яснее вырисовывалась возрастающая угроза правому флангу корпуса. Просочившись в полосе 102-й стрелковой дивизии, отдельные танковые подразделения противника вышли на наши тыловые коммуникации.

За окнами штабной избы сгустились сумерки. Часа через три после ввода в бой дивизии Матронина, которая, почти не встречая сопротивления гитлеровцев, начала успешно продвигаться вперед, позвонил командующий армией генерал-полковник Романенко.

— Как используется второй эшелон корпуса? — спросил он.

Я обстоятельно доложил, что согласно ранее утвержденному штабом армии решению 73-я стрелковая дивизия введена в бой на левом фланге корпуса с задачей, развивая успех левофланговых частей корпуса и соседа слева, ударом в направлении Кобылин, Борки, Михайово-Старе к утру 4 сентября выйти к реке Нарев, с ходу форсировать ее и овладеть плацдармом на восточной излучине реки, южнее Ружан.

— Гитлеровцы отбросили ваш правый фланг, — строго сказал Романенко. — Их танки в тылу корпуса и угрожают армейским тылам. Второй эшелон корпуса немедленно использовать для уничтожения прорвавшихся в наш тыл сил противника…

Голос командарма хорошо слышен офицерам управления корпуса. Начальник штаба осторожным движением поправил и без того безукоризненно ровный ряд цветных карандашей. Пройдясь пальцами по вороту гимнастерки, командующий артиллерией словно проверил: все ли пуговицы у него на месте. Нависшую тишину нарушают приглушенные расстоянием взрывы снарядов на упрятанном в темноте сентябрьской ночи правом фланге корпуса.

Приказываю вызвать на связь командира 73-й стрелковой дивизии.

Летят в эфир позывные. Проходит пять, десять минут. Матронин на связь не выходит, зато отзывается командир авангардного 413-го стрелкового полка подполковник И. И. Кузнецов. Он докладывает: боевая задача выполняется успешно…

Снова связист протягивает мне трубку телефонного аппарата со словами: «Командующий на проводе».

Стараясь быть кратким, докладываю, что с командиром 73-й стрелковой дивизии связи нет, хотя авангардный полк успешно выполняет ранее поставленную задачу.

— Вы не выполнили мой приказ, — чеканит слова Романенко. — К тому же потеряли управление войсками. О вашей недисциплинированности докладываю командующему войсками фронта. Передаю ему трубку.

— Товарищ Андреев! — с мягкой укоризной произнес К. К. Рокоссовский. — Вы ослабили свой правый фланг, Создали нам дополнительные трудности. К вам приедет комиссия. Вместе разберетесь.

Прошло уже немало времени, как второй эшелон корпуса вошел в соприкосновение с противником. Связи с полковником Матрониным и его штабом по-прежнему нет. На правом фланге корпуса в полосе 102-й стрелковой дивизии бой постепенно угасает. До утра прекратилась активность и прорвавшихся в наш тыл танковых подразделений врага. Временное, тревожное затишье.

В дверях избы показался генерал и группа офицеров из штаба фронта. Прибыла обещанная командующим комиссия.

Извинившись перед прибывшим генералом за свой срочный отъезд, я сказал, что на все вопросы, интересующие комиссию, смогут ответить начальник штаба полковник Красноярский и начальник политотдела полковник Митин. Для работы комиссии предложил использовать отведенную мне соседнюю комнату.

Полковник Красноярский с офицерами управления корпуса вышли на крыльцо проводить меня.

— Выезжаю в 73-ю стрелковую дивизию, — коротко ответил я

на вопрос начальника штаба. — Возьму с собой несколько офицеров. Нужно приложить все усилия, чтобы дивизия форсировала к утру Нарев и захватила плацдарм. Тогда нам никакие комиссии не страшны. Просите из резерва армии полк противотанковой артиллерии для усиления фланга 102-й стрелковой дивизии.

Полковник Красноярский с пониманием кивнул.

— И последнее, — сказал я на прощание. — 3-ю пушечную артиллерийскую бригаду держите ближе к левому флангу корпуса в готовности огнем поддержать 73-ю стрелковую дивизию в бою за плацдарм.

Наша оперативная группа тронулась в путь. Состояла она кроме офицеров управления штаба корпуса из взвода автоматчиков и саперов, связистов с двумя радиостанциями для связи со штабами армии и корпуса, САУ-76 и трофейного «тигра». После двух часов пути по разбитому проселку со множеством объездов сделали первую короткую остановку. Рация Матронина по-прежнему безмолвствовала. Зато подполковник Кузнецов доложил, что 413-й стрелковый полк, действующий в авангарде дивизии, успешно продвигается к реке.

Вскоре мы встретили бойцов из 339-й стрелковой дивизии 42-го стрелкового корпуса, удобно расположившихся в оставленных гитлеровцами траншеях. Подошедший к нашим машинам офицер доложил, что несколько часов назад мимо прошли стрелковые части с артиллерией. Не Матронина ли? На этот раз молчала и его рация, и рация Кузнецова. Успокаивало только одно обстоятельство: до Нарева оставалось не более пяти километров. Скоро все можно увидеть своими глазами. Зато полковник Красноярский на связь вышел без промедления. Он сообщил, что танковые подразделения противника на фланге 102-й стрелковой дивизии периодически ведут пушечный огонь, но тактической активности не проявляют. В свою очередь я проинформировал штаб корпуса (а следовательно, и работающую там комиссию из штаба фронта), что главные силы 73-й стрелковой дивизии около двух часов тому назад прошли линию передовых подразделений в полосе 42-го стрелкового корпуса примерно в 2–3 километрах левее разгранлинии. Авангардный полк Кузнецова по всем расчетам должен уже выйти к Нареву.

Не прошло и получаса после остановки, как машины нашей оперативной группы засекла четверка вражеских штурмовиков. На рассвете мы оказались первой крупной целью, и фашистские летчики уделили ей завидное внимание. Пожалуй, впервые за всю войну я радовался вражеской бомбежке. Ведь не случайно авиация противника появилась здесь, у Нарева, а не там, где

наметился успех прорвавшихся на наш правый фланг танковых подразделений. Распыляя ударные силы, враг, видимо, начал терять инициативу.

После бомбежки и штурмовки, обошедшейся для нашей оперативной группы без потерь, мы повернули на юг и двинулись по лесной просеке. По всем приметам угадывалось, что по ней совсем недавно прошли войска. Включены рации. Все молчат.

— Вперед! — скомандовал я, предварительно сориентировавшись по карте на местности. Совсем рядом должны быть отдельные домики Михайово-Старе. Туманная дымка поплыла нам навстречу. Река — рядом! Наша головная машина неожиданно выскочила из соснового леса на крутой, густо поросший кустарником берег реки Нарев. От замаскированного окопа к нам направился офицер в сопровождении двух автоматчиков.

Бывают и на войне светлые минуты! Оказалось, что мы вышли к наблюдательному пункту 413-го стрелкового полка подполковника Кузнецова. То, что я услышал от него, превзошло все ожидания: 1-й стрелковый батальон капитана Николая Михалева еще до рассвета переправлен на западный берег на подручных средствах. Готовы паромы для переправы приданной полку артиллерии, а главное, только сейчас, когда плацдарм уже захвачен, начались первые стычки с обнаружившими батальон гитлеровцами.

Подполковник Кузнецов вместе с артиллеристами собрался на плацдарм. Одобрив его решение, я приказал надежно закрепиться на захваченном берегу, особое внимание уделить правому флангу, где со стороны Ружан можно ждать контратаку крупных сил гитлеровцев.

Через тридцать минут подполковник Кузнецов вышел на связь:

— Мой НП на западном берегу. Веду бой по расширению плацдарма в сторону флангов и глубину.

Гитлеровцы, судя по участившимся артиллерийским и минометным налетам, всполошились не на шутку. Привели первых пленных, доставленных с западного берега. Они оказались гитлеровцами из тыловых частей, находившихся в Ружанах.

— Появление русских на западном берегу было для всех неожиданным, — рассказывал немецкий офицер, бережно поддерживая раненую, наскоро перевязанную руку. — Нас утром подняли по тревоге и на машинах перебросили в этот район с задачей очистить берег…

А вот появился и командир 73-й стрелковой дивизии В. И. Матронин. Я крепко отчитал его за отсутствие связи со штабом

корпуса, но полковник смотрел на меня весело и тут же представил командира легкого переправочного мостового парка, словно подчеркнув этим, что задачи, возложенные на дивизию, выполнены точно и в срок.

Не успели мы с Матрониным обговорить все вопросы, связанные с переброской на плацдарм главных сил дивизии, как меня на связь вызвал командующий армией.

— Доложите обстановку, — потребовал Романенко.

Соблюдая принятые предосторожности для открытых переговоров, я сообщил, что 73-я стрелковая дивизия главными силами форсирует Нарев и прочно овладела плацдармом.

— Откуда у вас такие данные? — усомнился командарм. — Проверьте и доложите реальную обстановку. Ваш сосед слева ночью встретил организованное сопротивление противника, и его попытки форсировать реку успеха не имели.

Я ответил, что проверять ничего не нужно, ибо я лично наблюдаю действия подчиненных войск и в данный момент отправляю полковника Матронина на западный берег для управления боем.

После небольшой паузы я вновь услышал мягкий голос К. К. Рокоссовского.

— Доволен вашими действиями, — сказал командующий фронтом. — Что вам сейчас мешает, товарищ Андреев?

— Присланная вами для расследования комиссия, — не без озорства ответил я.

— Комиссия мною отзывается, — произнес Константин Константинович. — Ваш правый фланг усилен резервами армии и фронта. Главные силы корпуса направьте на расширение и укрепление плацдарма, занятого Матрониным. Повторяю: это главная задача корпуса.

«Вот и все, — с облегчением подумал я, отдавая телефонную трубку связисту. — Теперь будем воевать». И мне на секунду представился мой оппонент в гитлеровском штабе, склонившийся сейчас над картой, бесстрастно отразившей сюрпризы минувшей ночи. Ему было над чем поразмышлять…

После Великой Отечественной войны мне довелось командовать общевойсковой армией, войсками военного округа. На маневрах и учениях неоднократно отрабатывались задачи ввода в бой вторых эшелонов войск в сложной тактической обстановке. Естественно, в каждом конкретном случае генералами и офицерами предлагались различные решения, в том числе и оригинальные. Но все они базировались на богатейшем фронтовом опыте и были проникнуты стремлением вырвать инициативу из рук противника, упредить его действия

собственным маневром, активностью. С гордостью смотрел я на молодых командиров соединений, командовавших во время войны ротами и батальонами. Их искусство управления войсками в современном бою, помноженное на боевой опыт военачальников старшего поколения, — грозная и неодолимая сила для любого врага.

Как только гитлеровцы установили, что советские войска южнее Ружан переправились на западный берег реки Нарев и захватили плацдарм, они спешно начали отводить свои части с левого берега, оставив в покое правый фланг 29-го стрелкового корпуса. Соответственно на плацдарме 73-я стрелковая дивизия стала встречать все большее сопротивление противника. Начались тяжелые затяжные бои, усиливался артиллерийский обстрел переправ и подходов к ним. В полдень 150-мм снарядами накрыло мой передовой командный пункт. Стрельба велась по площадям, вслепую, но дважды за день побывать под бомбежкой и под обстрелом артиллерии, согласитесь, не очень приятно. За несколько минут до налета я собирался ехать к переправе, но замешкался. Ожидавшую меня машину тяжелый снаряд разнес вдребезги. При этом погиб ординарец, с которым я не разлучался еще со времен боев на финской границе. Для меня это была тяжелая потеря.

Мощной танковой атакой, поддержанной крупными силами пехоты, после полудня 4 сентября гитлеровцам удалось было потеснить правофланговые подразделения 73-й стрелковой дивизии. В это время прямо с переправы на этот горячий участок выдвинулась рота артиллерийско-самоходного полка. Мощные САУ-122 сразу подожгли несколько немецких танков. С выходом на огневой рубеж 2-й роты самоходных установок гитлеровцы дрогнули. Их контратака была отбита.

Борьба за прорыв наревского рубежа, открывавшего дорогу непосредственно в пределы Германии, велась в эти дни по всему 1-му Белорусскому фронту. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский пишет в своей книге «Солдатский долг»: «Выход 65-й армии на Нарев ускорил продвижение и 70-й армии, наступавшей в общем направлении на Соколув, Радзымин, Модлин (севернее Варшавы), и 48-й армии, которая наконец тоже форсировала Нарев в районе Рожан и тоже захватила плацдарм»[12].

С помощью средств усиления, щедро выделенных из армейского и фронтового резервов, ночью 5 сентября 1944 года удалось значительно усилить противотанковую, артиллерийскую, инженерную оборону плацдарма. По емкости из тактического он превратился в оперативный и впоследствии сыграл важную роль в

январской наступательной операции 2-го Белорусского фронта, организованной Ставкой Верховного Главнокомандования по разгрому фашистских войск в Восточной Пруссии.

Напряженными боями отличался второй день обороны плацдарма 5 сентября 1944 года. Стойко и мужественно защищали его наши воины. Из войск непрерывным потоком поступали донесения о массовом героизме бойцов и командиров. Одновременно штабом и политотделом корпуса велась большая работа по подготовке к награждению наиболее отличившихся в боях по форсированию Нарева и на захваченном плацдарме. С большим удовлетворением подписал я представления к присвоению звания Героя Советского Союза командиру 73-й стрелковой дивизии полковнику Василию Ивановичу Матронину и командиру 413-го стрелкового полка подполковнику Ивану Ивановичу Кузнецову. Выполняя приказ старшего начальника, они показали зрелое боевое мастерство, командирское умение своевременно перехватить инициативу у противника, упредить его действия маневром и активностью.

Был подписан последний наградной лист, когда в распахнутую дверь блиндажа хлынул свет нового дня. Я еще не знал, что он уготовил новые изменения в моей фронтовой судьбе.

Утром 6 сентября 1944 года, когда на плацдарме вновь разгорелся ожесточенный бой, на командный пункт прибыл генерал-лейтенант Фоканов. Он вручил мне предписание штаба 48-й армии, в котором на основании приказа командующего 1-м Белорусским фронтом мне было приказано сдать должность командира 29-го стрелкового корпуса генералу Фоканову и срочно убыть в распоряжение командующего 8-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Чуйкова.

В чем же дело? Неужели командование осталось недовольно моими последними действиями и «сработали» выводы, сделанные отозванной было комиссией штаба фронта? Чтобы выяснить ситуацию, решил позвонить члену Военного совета армии генералу Истомину, с которым по-прежнему был в хороших отношениях.

— Николай Александрович! — с обидой сказал я. — Непонятна поспешность с моей заменой. Вам хорошо известно, что части корпуса выполнили боевую задачу: форсировали Нарев и овладели плацдармом. Главное еще не выполнено. Закрепить и расширить плацдарм. А вы меня…

Истомин не дал мне выговориться до конца.

— Андрей Матвеевич! Напрасно вы волнуетесь, Военный совет армии не имеет к вам никаких претензий, а истинную причину перемещения по службе объяснит сейчас начальник

штаба армии.

— Товарищ Андреев! — услышал я голос начальника штаба армии генерала Ивана Семеновича Глебова. — У нас запросили опытного командира корпуса для гвардейской армии, мы рекомендовали вас. Жалко расставаться, но и приятно — полевая армия усиливает гвардию!

* * *

Через сутки на «виллисе» с водителем и адъютантом, оставив позади Острув-Мазовецки, мы отправились на магнушевский плацдарм. Командующий 8-й гвардейской армией генерал-полковник В. И. Чуйков принял меня радушно. Подробно, пытливо расспросил о прохождении службы. Особенно поинтересовался, где, когда и в каких наступательных боях и операциях участвовал, как организовывал взлом корпусом главной оборонительной полосы, ввод вторых эшелонов и резервов. Проявил интерес Василий Иванович к полученным мною правительственным наградам. Это и понятно: они всегда были свидетельством боевых дел.

Генерал-полковник кратко, но очень убедительно рассказал о боевых делах 8-й гвардейской армии и особенно остановился на смелых и дерзких действиях соединений 4-го гвардейского корпуса, в командование которым мне надлежало вступить. С любовью и уверенностью говорил о 47-й гвардейской дивизии и ее командире гвардии генерал-майоре В. М. Шугаеве и 57-й гвардейской стрелковой дивизии и ее командире гвардии полковнике П. И. Зализюке. Эти дивизии занимали в 4-м гвардейском корпусе место первого штурмового эшелона. Не было случаев, чтобы они не взламывали главной полосы обороны гитлеровцев. Особое мастерство в использовании частного успеха и смелость ведения боя в глубине обороны противника даже при открытых флангах проявляли офицеры и бойцы 47-й гвардейской стрелковой дивизии. 35-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковника Г. Б. Смолина эти качества также присущи, но у нее есть особый почерк — умело, собранно, неожиданно для противника входить в бой и стремительно развивать успех первого эшелона.

— Товарищ Андреев, — сказал в заключение Чуйков, — Военный совет армии проявляет особое доверие к личному составу 4-го гвардейского стрелкового корпуса, он всегда стоит в первом эшелоне на главном, решающем направлении. Мы хотим не только сохранить эти боевые наступательные качества, но и

усилить их. Закрепляйте и оттачивайте их.

Первая встреча с легендарным героем Сталинграда оставила глубокое впечатление. Смелость и решительность, мужество и героизм, высокое искусство в руководстве войсками, непреклонная воля в достижении поставленной цели, уверенность в победе — вот характерные качества, которыми обладал один из выдающихся советских командармов.

Генерал Чуйков хорошо знал личный состав, особенно в звене батальон — полк — дивизия, и не только знал, но и умел использовать его сильные стороны. Позднее я узнал еще одну черту характера командарма. Порою он бывал строг и даже резок. Но его строгость, резкость справедливы, а справедливость не обижает и не унижает — мобилизует.

Когда я работал над книгой своих воспоминаний, то не раз задумывался о неумолимости времени. 23 марта 1982 года тысячи волгоградцев пришли на Мамаев курган, где состоялись похороны прославленного героя Великой Отечественной войны, члена Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова. Нельзя было без душевной боли слушать выступления на траурном митинге Маршала Советского Союза В. Г. Куликова, первого секретаря Волгоградского обкома КПСС Л. С. Куличенко, генералов армии А. Т. Алтунина и П. Н. Лащенко, но особенно взволновало меня слово представителя молодого поколения нашей страны.

— Я — металлург, представитель самой мирной профессии, родился и вырос в солдатской семье, — сказал депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда сталевар завода «Красный Октябрь» А. Н. Поздняков. — В годы войны здесь, у стен Сталинграда, погиб мой отец, воин Красной Армии. Отсюда начал свой ратный путь старший брат. В моей памяти, в памяти моих сверстников имя Василия Ивановича Чуйкова неразрывно связано с именами самых близких и дорогих мне людей. Об их мужестве и героизме напоминают немые свидетели Сталинградского сражения, седой Мамаев курган и изувеченное здание заводской лаборатории на территории родного «Красного Октября». Сколько бы ни прошло времени, сколько бы ни сменилось поколений, но останутся вечной священная память о Сталинградской победе и светлый образ бессмертных защитников города на Волге…

В гвардейской армии я долго не задержался. В начале двадцатых чисел ноября 1944 года Василий Иванович снова пригласил меня на беседу. Разговаривали долго. Особый интерес

был проявлен им к моему мнению о возможных направлениях армейского удара и участках прорыва. Мы детально обсудили каждое направление и каждый возможный участок взлома главной полосы обороны и заглянули не только в тактическую, но и в оперативную глубину. Беседа подходила к концу.

— Генерал Андреев! — вздохнув, сказал командарм. — Вам известно, что мы готовимся к наступлению? Успех наступательной операции во многом обеспечивают командные кадры. Вас я знаю по докладам и письменным боевым характеристикам. А самая действенная характеристика — совместно проведенный бой. С генералом Глазуновым мы провели несколько наступательных операций, и довольно хорошо. В сложной боевой обстановке друг друга понимали. Я не стал возражать против вашего назначения первым заместителем командующего 47-й армией нашего фронта. Не стану скрывать, это вызвано тем, что бывший командир 4-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Глазунов закончил курс лечения и возвратился в армию. Андрей Матвеевич! — тепло прощаясь, сказал Чуйков. — Признателен вам за работу по укреплению боевой готовности частей и соединений корпуса и полезную беседу. Мы с вами стоим на одной из главных дорог завершающего периода Великой Отечественной войны, желаю вам больших успехов, до новой встречи.

* * *

И снова я еду на «виллисе». Люблин, штаб 1-го Белорусского фронта. 19 ноября 1944 года. Очень тепло, как одного из старых сослуживцев, принял меня член Военного совета фронта генерал-лейтенант Телегин. Будучи слушателем Высшей пограничной школы, на лекциях и семинарских занятиях, руководимых старшим преподавателем К. Ф. Телегиным, я познавал курс партийно-политической работы в особой пограничной и боевой обстановке.

Тогда, в начале тридцатых годов, полковой комиссар К. Ф. Телегин был начальником политического отдела Казахстанского пограничного округа, а я командиром стрелкового батальона 13-го мотострелкового полка войск НКВД в Алма-Ате. Он проявил большую заботу о направлении меня на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. И вот мы снова встретились.

Разговор с генералом Телегиным я начал с официальной просьбы:

— Товарищ член Военного совета, прошу направить меня на

должность, которую занимал ранее. Школу заместителя командующего армией я прошел в 1942 году на Ленинградском фронте.

Телегин с пониманием отнесся к моему желанию.

— Андрей Матвеевич! — сказал он. — В командование 1-м Белорусским фронтом вступил Маршал Советского Союза Жуков, 48-я армия, в которой вы ранее командовали 29-м стрелковым корпусом, вышла из состава нашего фронта и вошла в распоряжение 2-го Белорусского фронта. Приступайте пока к работе в соответствии с решением Военного совета фронта первым заместителем командующего 47-й армией. А о вашей просьбе доложу товарищу Жукову.

Не прошло и месяца, как мое желание было удовлетворено. Приказом командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова я был назначен командиром 125-го стрелкового корпуса 47-й армии. В корпус входили 60, 76 и 175-я стрелковые дивизии.

Интересна боевая история этих соединений, созданных в разные годы, но успевших в ожесточенных боях с гитлеровцами покрыть свои знамена неувядаемой славой.

6 июля 1941 года в Ленинском, ныне Октябрьском, районе Москвы формировалась 1-я дивизия народного ополчения, в которую вступило свыше 10 тысяч добровольцев из числа рабочих и служащих, интеллигенции района. Дивизия 9 июля 1941 года была выведена в Толстопальцево, где пополнилась батальонами народных ополченцев Сокольнического района столицы, Орехово-Зуевского и Ленинского районов Московской области.

Запись добровольцев народного ополчения проходила в обстановке исключительного патриотического подъема. В боевой строй становились люди пожилые и молодежь. Коммунисты, комсомольцы и беспартийные. Рабочие и служащие, преподаватели, студенты, научные работники. Записывались отцы вместе с сыновьями, бывшие участники гражданской войны и люди, никогда не бывавшие ни на войне, ни вообще в армии.

Не всех желающих можно было отпустить на фронт, ибо тыл нужно было обеспечить необходимой рабочей силой, квалифицированными работниками.

Во время записи добровольцев в Ленинском районе Москвы был такой эпизод. Пришел вступать в народное ополчение академик Келлер. Когда после длительной беседы ему все же было отказано в зачислении в народное ополчение и разъяснено, что он как ученый больше пользы для фронта принесет своей работой в тылу, Келлер заявил: «В таком случае возьмите для нужд фронта хотя бы мою автомашину». Эта просьба академика

была удовлетворена.

На Ленинградском фронте в районе Невской Дубровки мне довелось командовать 4-й дивизией народного ополчения, ставшей впоследствии кадровым соединением Красной Армии — 86-й стрелковой дивизией. Я хорошо знал, с каким патриотическим подъемом шли в бой и побеждали врага народные ополченцы.

Новое соединение, получившее наименование 1-й дивизии Ленинского района, вошло в состав 33-й армии, где с сентября 1941 года было переименовано в 60-ю стрелковую дивизию и с тех пор прошло славный боевой путь. На Боевом Знамени дивизии засверкали ордена Красного Знамени и Суворова II степени. Она получила почетные наименования Севской и Варшавской. Командовал дивизией генерал-майор Виктор Георгиевич Чернов, участник гражданской войны, навсегда связавший свою судьбу с Красной Армией. Будучи по характеру человеком исключительно сдержанным, неторопливым в принятии ответственных решений, комдив отличался умением растить у подчиненных ему офицеров такие замечательные качества, как самостоятельность, умение четко управлять подразделениями и частями в ходе наступательных боев.

Входившая в состав корпуса 76-я стрелковая дивизия была сформирована в мае 1943 года на базе 87-й отдельной стрелковой бригады. В том же году, действуя в составе войск Западного фронта, дивизия отличилась в боях при освобождении Ельни и удостоилась почетного наименования Ельнинская. Позднее за овладение важным опорным пунктом гитлеровцев и крупным железнодорожным узлом — городом Ковель ее Боевое Знамя украсил орден Красного Знамени. Командовал соединением в ту пору, когда я принял 125-й стрелковый корпус, полковник А. Н. Гервасиев.

В марте 1943 года начала боевой путь сформированная в Свердловской области 175-я стрелковая Уральская дивизия, принявшая участие в Курской битве, успешно действовавшая в составе войск 1-го Белорусского фронта и получившая после операции «Багратион» почетное наименование Ковельской. На заключительном этапе Великой Отечественной войны дивизию возглавлял генерал-майор Захар Петрович Выдриган, о совместной боевой работе с которым у меня сохранились самые добрые воспоминания.

От Вислы до Одера

В результате успешных наступательных операций, проведенных летом 1944 года на центральном участке советско-германского фронта, наши войска разгромили крупные стратегические группировки врага, подошли к Восточной Пруссии на рубеж рек Нарев и Вдела. Придавая большое значение завершению освобождения Польши, советское Верховное Главнокомандование сосредоточило здесь крупную группировку войск.

Фашистское командование заблаговременно готовилось к отражению наступления советских войск. На территории Польши между Вислой и Одером насчитывалось семь оборонительных рубежей на глубину до 500 километров.

Стоял сумрачный декабрь 1944 года, неяркое, затуманенное солнце освещало снега, опаленные взрывами бомб и снарядов.

Войска 1-го Белорусского фронта готовили Варшавско-Познанскую операцию (составную часть Висло-Одерской операции). Главный удар наносился с магнушевского плацдарма, второй — с пулавского. Вспомогательный удар, севернее Варшавы, наносили войска нашей 47-й армии. Здесь же наступала 2-я дивизия 1-й армии Войска Польского, которой командовал генерал-майор Я. Роткевич. В первых числах января командующий 47-й армией генерал-майор Франц Иосифович Перхорович собрал на совещание командиров соединений, начальников политотделов соединений и другой руководящий состав.

Он сообщил, что 47-я армия переходит в наступление на второй день операции с задачей прорвать оборону гитлеровцев на четырехкилометровом участке севернее Варшавы, ликвидировать вражеский плацдарм в междуречье Вислы и Западного Буга, с ходу форсировать Вислу юго-восточнее Модлина и, развивая удар на запад вдоль левого берега реки на Лешно, обойти столицу Польши с северо-запада.

В Обращении Военного совета 1-го Белорусского фронта напоминалось о том, что целью предстоящего наступления является окончательное освобождение многострадальной Польши от немецко-фашистской тирании, что плечом к плечу с войсками Красной Армии за честь и свободу своей родины будут, как и прежде, мужественно сражаться польские воины, в том числе вновь сформированные соединения Войска Польского…

* * *

Вот и забрезжил хмурый рассвет 15 января 1945 года. Командование корпуса встретило его на наблюдательном пункте, выдвинутом в непосредственную близость к боевым порядкам. Командиры соединений также уже находились на своих наблюдательных пунктах. В 9.30 15 января 1945 года на вражеские позиции обрушилась огневая буря.

Боги войны поработали отлично. Большое спасибо батарейцам, командующему артиллерией 125-го стрелкового корпуса полковнику Николаю Александровичу Михееву — их огонь расчистил нам путь вперед.

Однако в глубине вражеской обороны наша артиллерия, конечно, не могла подавить все огневые точки гитлеровцев. Перед второй позицией противника бойцы правофлангового батальона 60-й стрелковой дивизии были вынуждены залечь под пулеметным и минометным огнем гитлеровцев. Особенно досаждал станковый пулемет кинжального действия, находившийся в хорошо замаскированном дзоте на обратном скате высоты.

С наблюдательного пункта корпуса в стереотрубу мне было хорошо видно, как один из бойцов, прижимаясь к земле, лавируя между разрывами мин и снарядов, пополз к пулеметному гнезду фашистов, метнул гранату, но неудачно. Пулемет продолжал стрелять. Боец бросил вторую, третью — недолет. Тогда, поднявшись во весь рост, боец бросился на амбразуру дзота и закрыл ее своим телом.

Правофланговая рота поднялась и пошла вперед, смяла врага и вместе со всем батальоном вышла на третью оборонительную позицию гитлеровцев. Несколько бойцов задержались у дзота, бережно сняли изрешеченное пулями тело героя с амбразуры. Я приказал выяснить фамилию героя. Это был комсомолец рядовой Василий Яковлев, бывший воин 1-й дивизии народного ополчения столицы нашей Родины Москвы, повторивший героический подвиг гвардии рядового Александра Матросова. В годы Великой Отечественной войны мы узнали о многих героических подвигах матросовцев, людей, беспредельно любящих Родину и свой народ, глубоко убежденных в правоте дела нашей ленинской партии, идеях коммунизма.

Без героизма ратного, трудового не мыслится советский человек. Воспитание любви к Родине, стойкости, мужества не мыслится без активной партийно-политической работы в войсках. Накануне предстоящих ожесточенных боев политорганы соединений рекомендовали во всех частях организовывать

встречи бывалых бойцов с солдатами, прибывающими в подразделения из числа молодого пополнения.

На этих встречах перед новичками выступали Герои Советского Союза, воины-орденоносцы. Представляя заочно новым однополчанам сержанта Николая Мордакина, политработник капитан А. Щелоков тепло отозвался о нем как о бывалом воине, опытном младшем командире, закалившемся в огне сражений. Четыре благодарственных грамоты получил Николай Мордакин от Верховного Главнокомандующего за свои боевые дела. Орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» наградила его Родина. Где бы ни был сержант, где бы ни воевал, всегда шел впереди, увлекая за собой бойцов отделения, показывая им пример доблести и мужества.

Политработник рассказал об одном из боевых дней Николая Мордакина.

* * *

…Ранним утром, когда землю заволакивал плотный туман, 7-я стрелковая рота получила приказ на наступление. Предстояло по тонкому льду форсировать Вислу, на западном берегу с ходу взять сильно укрепленную высоту противника, прикрывавшую важную дорогу к Варшаве.

Проходя по сырой извилистой траншее у уреза реки и проверяя готовность отделения к бою, Мордакин интересовался настроением каждого бойца. Бросок через реку, да такую, как Висла, и удар по высоте — две задачи, решить которые как одну может лишь сильный духом солдат.

Почти с каждым бойцом успел поговорить Николай Мордакин за эти несколько минут перед боем. И когда в серый туман скользнула зеленая ракета — сигнал наступления, отделение Мордакина, несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника, первым, с ходу форсировав реку, ринулось вперед, к высоте. Звуки боя сливались в один все нарастающий гул. Еще усилие, еще несколько метров, и вот она — немецкая траншея. Николай Мордакин прыгнул в нее одним из первых и на повороте в блиндаже завязал перестрелку с группой контратакующих гитлеровцев.

Труден в дыму и тумане траншейный бой. Много ловкости и находчивости требует он от бойца. Но Николаю Мордакину со своими орлами не впервые воевать в ходах сообщения, маскируясь за поворотами, вскакивая на брустверы и снова прыгая в траншею, он бил гитлеровцев гранатами и очередями из

автомата, увлекая за собой отделение. Когда было уничтожено несколько огневых точек, бой переместился во вторую, а затем в третью траншею. Отделение Мордакина преследовало гитлеровцев, но вскоре натолкнулось на отчаянное сопротивление врага. Пулеметный и минометный огонь противника преградил дорогу советским бойцам, заставил их залечь почти у самой третьей траншеи. Лежа на снегу под огнем врага, Мордакин оглянулся по сторонам и увидел своих бойцов. Все они были с ним. Противник перешел в контратаку.

— Огонь, хлопцы! Залпом по врагу — огонь!

Команда сержанта взбодрила бойцов, затрещали пулеметы и автоматы. В это время с визгом начали рваться мины и снаряды — это наши минометчики и артиллеристы ударили по контратакующему противнику. Тогда прозвучала новая команда:

— Вперед!

И откуда только взялись силы! Отделение поднялось в полный рост и на контратаку ответило атакой, с криком «ура» ворвалось в немецкую траншею. Это была третья, ключевая, траншея высоты. Немцы не выдержали натиска наших бойцов и отступили. Потом они с дикой яростью снова бросились в контратаку, но было уже поздно. Отделение сержанта Мордакина встретило врага мощным огнем стрелкового оружия. Когда на сопку подоспело подкрепление, Николай Мордакин был ранен. Почувствовав, как что-то ударило его в грудь, пробежал еще несколько шагов. Упал на мокрую землю и затих, потеряв сознание.

Очнулся он от прикосновения рук санитара. Его грудь была уже перебинтована, и бойцы хотели положить Николая на плащ-палатку, чтобы доставить в тыл.

— Погодите, — твердо сказал Мордакин, — я пойду сам.

Прижав руку к ране, он медленно пошел по полю, часто оглядываясь назад… Бой начинал затихать. Николай Мордакин остановился, окинул взором товарищей и, махнув им рукой, произнес:

— Счастливый путь, дорогие мои. Жаль покидать вас, но я еще вернусь. Обязательно вернусь…

* * *

— Со дня на день ждем мы возвращения в боевой строй Николая Мордакина, — заканчивая свое выступление перед молодыми бойцами, сказал капитан Щелоков. — Ждем, чтобы сердечно поздравить его с присвоением за форсирование Вислы

звания Героя Советского Союза, ждем, чтобы и дальше вместе бить врага.

Дело в том, что за проявленное воинское мастерство, мужество и героизм при форсировании с ходу Вислы северо-западнее Варшавы 24 красноармейцам, сержантам, офицерам, генералам, в том числе и командиру стрелкового отделения сержанту Николаю Мордакину, командиру 60-й стрелковой Севско-Варшавской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии генерал-майору Виктору Георгиевичу Чернову было присвоено звание Героя Советского Союза. С волнением я прочитал в Указе Президиума Верховного Совета СССР и свою фамилию. Радостным и неповторимым был тот день.

Однако вернемся к событиям 15 января. Прорвав оборону гитлеровцев сначала на участке шириной до пяти километров, части и соединения 47-й армии к исходу дня расширили прорыв до 15 километров по фронту и продвинулись до 12 километров в глубину. На следующий день наступление продолжалось в еще более высоком темпе.

Немецко-фашистские войска не смогли устоять против стремительного удара войск 47-й армии и взаимодействующей с ней 2-й польской пехотной дивизии генерал-майора Я. Раткевича.

Оборонявшаяся в междуречье Вислы и Западного Буга 73-я немецкая пехотная дивизия с частями усиления была разгромлена.

Не приостанавливая стремительного наступления, стрелковые части вместе с артиллерийскими подразделениями сопровождения вышли к реке. Перед войсками 125-го стрелкового корпуса в изрытых траншеями, поросших лозняком берегах лежала Висла — широкая, покрытая голубовато-серым льдом, на котором местами намело сугробы, а кое-где вздыбились торосы. Вокруг рвались снаряды, поднимая глыбы мерзлой земли и льда, круша траншеи и блиндажи; отгоняемые нашими «ястребками», «юнкерсы» все-таки бомбили боевые порядки частей корпуса.

Лед на реке оказался непрочным. Инженерная разведка подтвердила: людей выдержит, но артиллерия, а тем более танки не пройдут. Наступать без танков не привыкать. Но как без пушек? Как с наименьшими потерями выполнить боевую задачу, сохранить самое ценное — людей? Было над чем призадуматься. Подчиненные очень хорошо понимают затруднения старшего начальника, особенно в период острой, сложной и скоротечной боевой обстановки. Они с большим предвидением и тактом предлагают наиболее действенные решения. На НП корпуса побывал командир 60-й стрелковой дивизии генерал-майор Виктор Георгиевич Чернов. Он доложил, что дивизия во

взаимодействии с соседями и частями усиления разгромила в междуречье гитлеровцев и готова к форсированию Вислы с ходу. Комдив представил мне двух командиров артиллерийских дивизионов 969-го артиллерийского Пражского полка майоров Валентина Александровича Усанова и Владимира Васильевича Мыльникова.

— Хорошо, когда молодые офицеры предвидят замысел и развитие боя, — сказал генерал Чернов. — Прошу прослушать артиллеристов!

— Товарищ генерал, — заметно волнуясь, начал майор Мыльников. — В период подготовки дивизии к наступлению артиллеристы 3-го дивизиона, особенно старшины батарей, предвидели, что предстоит с ходу форсировать Вислу по неокрепшему льду. В тылу под их руководством бойцы артиллерийских расчетов собрали хворост, солому. Из них изготовили маты, свернули их в рулоны.

Командир 2-го артиллерийского дивизиона майор Усанов продолжил:

— Наши расчеты, усиленные стрелками, товарищ генерал, готовы к форсированию Вислы. Хворостяно-соломенные маты, уложенные на лед, польем водичкой, их морозцем схватит, дополнительно усилим собранными плащ-палатками, трофейными шинелями, брошенными гитлеровцами, а саперы для надежности помогут досками. Получится узкая, но надежная ледяная дорожка.

Что это была за дорожка, никто не расскажет лучше бойца, прошагавшего по ней под огнем. Всю ночь вражеские артиллеристы обстреливали наш берег. Погода выдалась — хуже некуда. К утру пошел снег, полыхнул студеный ветер. Над рекой закружила метелица, сплошная стена снежной пыли как бы повисла в воздухе.

Получен приказ — форсировать Вислу. Командир орудия сержант Демидов собрал расчет. Спросил:

— Сож, Днепр форсировали, Буг форсировали, а Вислу возьмем?

— И ее перейдем, товарищ сержант! — ответили бойцы.

Молчал только красноармеец Михаил Кияшко, боец среднего роста, с черными усами и густыми широкими бровями. Считался он расторопным заряжающим, храбрым артиллеристом. От других отличался только своей молчаливостью. Его земляк красноармеец Кирилл Калмык знал думы батарейца: родное село немцы спалили, родных угнали в неволю. Вот он и думает, какой заряд за все это гитлеровцам влепить в отместку.

И вот начался штурм левого берега реки. Пехота цепью

спустилась на лед. Орудие не отставало от нее ни на шаг. Бойцы, взявшись за колеса, лафет и ствол, тянули его по ледяной дорожке, часто останавливаясь, чтобы прямой наводкой расстреливать появившуюся огневую точку. Противник встретил наступающих шквалом огня. Пехота залегла. Мины прошивали лед. Острые, как стекло, осколки секли лица бойцов. Выбыли из строя командир расчета и наводчик. У орудия остался один Михаил Кияшко. Он метался от раненых к орудию, стрелял один, а потом подхватил орудие за станину и вместе со стрелками потянул к западному берегу, где засели гитлеровцы. Метель залепляла ему глаза, мины рвались рядом, пулеметные очереди свистели над головой. Но он забыл обо всем, шел в полный рост, упираясь сапогами в лед, тянул со стрелками орудие к берегу. И достиг цели.

Развернув пушку, заряжающий увидел серую цепь гитлеровцев, движущуюся на него. Кияшко прицелился и дернул за шнур. Раздался выстрел, послышались громкие крики, но Михаил уже не слышал их. Жгучая боль пронзила все тело, и он упал у лафета, царапая руками мерзлую землю. В тот же миг он увидел, как по дороге, проложенной им, наступали боевые товарищи. Фигуры их вырастали из снежной пелены. Мощное «ура» понеслось над рекой, недалеко от берега, за который только что гремел бой.

В представлении на награждение красноармейца Михаила Федоровича Кияшко, номера орудия батареи 45-мм пушек, командир 1285-го стрелкового Пражского полка подполковник Осыко писал: «Товарищ Кияшко 16 января 1945 года в бою при форсировании реки Висла в районе местечка Новы Двур на территории Польши проявил мужество, стойкость и героизм… нанес большие потери в живой силе и вывел из строя 6 огневых точек противника, мешавших продвижению нашей пехоты, тем самым способствовал выполнению боевой задачи командования».

По-отцовски любил и хорошо знал своих подчиненных подполковник Осыко. Это от него узнал я о подвиге Кияшко, а затем и о боевых делах красноармейца Николая Свиридова.

С первых же дней пребывания в полку Николай Свиридов все свои силы посвятил боевой учебе. Узнав устройство миномета, в перерывах между боями он взялся за топографию, изучил огневое дело. Скоро смекалистого рядового назначили командиром минометного расчета и присвоили звание младшего сержанта. В первом же бою его расчет уничтожил огневую точку гитлеровцев. Это был первый боевой успех, которому истинно радовались бойцы, как сданному экзамену на солдатскую зрелость.

От апрельских боев 1944 года до января 1945 года Николай

Свиридов прошел большой путь. Он участвовал в боях в Польше, где особенно памятны для него, ставшего к этому времени сержантом и вступившего в комсомол, бои на Висле.

…Наступил вечер, мела метель. Под методическим обстрелом фашистов бойцы готовились к преодолению реки. Перед рассветом, когда бдительность гитлеровцев была притуплена, командир минометной роты тихо передал по цепи:

— Приготовиться к броску.

Затем, так же как и первая команда, по цепи было передано:

— Вперед!

Бойцы рванулись через Вислу вслед за стрелками. Неся минометы и боезапас на себе, первым из подразделения бежал расчет Свиридова.

Фашисты открыли минометный и артиллерийский заградительный огонь, в воздухе закружилась свинцовая метель, некоторые бойцы падали и не поднимались, а берег был все ближе и ближе…

— Земля! — крикнул сержант Свиридов.

— Земля! — подхватили бойцы.

Минометчики расчета Свиридова собрали миномет за несколько десятков секунд, и мины с визгом полетели на врага.

Бои за расширение плацдарма длились несколько часов. Гитлеровцы семь раз ходили в яростные контратаки. Они во что бы то ни стало старались сбросить наших воинов в реку, но, чем яростнее контратаковали фашисты, тем мужественнее дрались наши бойцы. Командуя минометным расчетом, Свиридов вел точный огонь по врагу. Когда гитлеровцы вплотную подходили к огневой позиции, минометчики забрасывали их гранатами, уничтожали автоматным огнем. Несколько десятков гитлеровцев истребил и сержант Свиридов.

«В бою все средства хороши, — говорил сержант молодым бойцам, — и автомат, и граната, и миномет. Пусть ползет на тебя гад, а ты не бойся, бей его смелее и всегда победишь».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Свиридову Николаю Алексеевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Вместе со всей страной узнала о присвоении сыну высокого звания и Ольга Емельяновна Свиридова, мать Николая, проживающая в деревне Гнилушки, в колхозе «Красный сигнал» Нижне-Ведужского района Воронежской области. А вскоре в расчете читали ее письмо на фронт, в котором были и такие строчки: «Спасибо тебе, Николай. Вырос ты достойным сыном моим и достойным сыном Отечества…»

Подписывая наградные листы на отличившихся в боях за Варшаву бойцов и командиров, я с удовлетворением встретил среди них документы, направленные из 963-го артиллерийского полка 60-й стрелковой дивизии, с фамилиями офицеров, которых перед началом боев представил мне на НП корпуса генерал В. Г. Чернов.

Командиры 2-го и 3-го дивизионов майоры В. А. Усанов и В. В. Мыльников, организовав переправу по ледяной дорожке орудий своих подразделений, 16 января 1945 года первыми вместе со штурмовыми батальонами 1285-го и 1281-го стрелковых полков 60-й стрелковой дивизии под сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника форсировали Вислу. Дивизионная артиллерия влилась в боевые порядки пехоты на левом берегу реки Висла.

Противник бросил в бой танки. Огонь наших артиллерийских дивизионов был так эффективен, что все попытки гитлеровцев контратаковать срывались. Плацдарм удержали, расширили. За проявленную инициативу при организации форсирования Вислы, мужество, отвагу и стойкость по удержанию и расширению плацдарма на западном берегу реки Висла майорам Владимиру Васильевичу Мыльникову и Валентину Александровичу Усанову присвоено звание Героя Советского Союза.

А сейчас возвращаюсь к событиям под польской столицей. 17 января 1945 года наши войска во взаимодействии с 1-й армией Войска Польского освободили Варшаву.

За овладение столицей Польши — важнейшим стратегическим узлом обороны гитлеровцев на Висле — 60-й стрелковой дивизии и 76-й стрелковой дивизии 125-го стрелкового корпуса присвоено наименование Варшавских. Приказом Верховного Главнокомандующего личному составу 125-го стрелкового корпуса объявлена благодарность.

Роль 47-й армии в освобождении Варшавы очень велика. Не случайно в приказе Верховного Главнокомандующего от 17 января 1945 года в списке войск, отличившихся в боях за город, первой стоит 47-я армия.

Как видит читатель, мастерски проведенный короткий удар из междуречья слился с большим, нанесенным на главном направлении. С этого часа весь фронт выровнялся в одну линию. Войска маршала Жукова вышли на оперативный простор.

Наконец-то Германия…

Выйдя на оперативный простор, 125-й стрелковый корпус продолжал стремительное наступление. За 17 дней января 1945 года части корпуса с боями прошли 325 километров. Для характеристики темпов наступления достаточно указать, что среднесуточно мы продвигались с боями вперед на 19 километров. На исходе 28 января 1945 года перешли германо-польскую государственную границу в районе Пискау.

— Наконец-то Германия! — взволнованно говорили бойцы и командиры. — Значит, скоро конец войне.

В те дни в армейской газете было напечатано письмо красноармейца Борецкого землякам на Днепропетровщину:

«Трудно передать радость и гордость, которыми полны наши сердца. Уже несколько дней мы воюем в самом логове фашистского зверя, на немецкой земле. Уже в двух приказах товарищ Сталин благодарил нас за победы на германской территории. В этих боях я из своего бронебойного ружья уничтожил два вражеских пулемета и одну автомашину с боеприпасами».

Каждый боец всем своим сердцем чувствовал величие тех дней исторического наступления. Советские воины шли через населенные пункты фашистской Германии, твердой поступью приближались к Берлину.

Более трех лет мы мечтали об этих днях. И когда вели тяжелые оборонительные бои под Ленинградом, Москвой, Сталинградом и на Кавказе, оставляя политую кровью лучших наших боевых друзей родную землю, нас не покидала надежда — наступит день, когда мы придем в Германию. Теперь этот час пробил.

* * *

После прорыва обороны противника в междуречье Буга, Нарева и Вислы 15 января 1945 года и выхода частей 47-й армии на левый берег реки Висла и освобождения 17 января 1945 года столицы Польши Варшавы противник боями арьергардов на промежуточных рубежах пытался задержать наше наступление, с тем чтобы после перегруппировки оказать решительное сопротивление на заранее подготовленной оборонительной полосе вдоль бывшей германо-польской границы.

Главная оборонительная полоса была подготовлена на линии

Штольп (Слупск), Дёйч-Кроне (Валч), Шнейдемюль (Пила), Глогау (Глогув) и далее по реке Одер.

Укрепления в районах Дёйч-Кроне, Шнейдемюль, Нёйштеттин (Шецинск) являлись основными узлами сопротивления современного типа, которые модернизировались в 1939–1942 годах и были оборудованы пулеметными и орудийными дотами фланкирующего действия.

Через две недели после начала наступления соединения 125-го стрелкового корпуса подошли к этой оборонительной полосе и со 2 февраля завязали упорные бои по прорыву сильно укрепленных позиций противника на подступах к важнейшему узлу коммуникаций и сильному опорному пункту обороны немцев в Померании городу Дёйч-Кроне. Бои носили исключительно напряженный характер. Дёйч-Кроне предстал перед нами опоясанный сплошными траншеями, противотанковыми рвами. На подступах к нему — большое количество дотов и других долговременных сооружений. Каменные здания с массивными стенами старой постройки гитлеровцы приспособили к прочной обороне. В стенах домов пробили бойницы для обстрела улиц, подвалы домов, особенно угловых, оборудовали как убежища и одновременно для ведения настильного огня приспособили подвальные окна и специально пробитые продолговатые бойницы. В промежутках между зданиями и за ними отрыли одиночные и групповые окопы. В боях на подступах к городу и в самом городе противник широко применял фаустпатроны, кроме того, наиболее важные направления прикрывал орудиями прямой наводки и танками.

После внимательного и детального изучения вражеской обороны, системы огня, инженерных заграждений, группировки артиллерии, обменявшись мнениями с командирами 76-й стрелковой дивизии полковником А. Н. Гервасиевым и 175-й стрелковой дивизии полковником З. П. Выдриганом и поддерживающим соединения 125-го стрелкового корпуса командиром 30-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады гвардии полковником Жигаревым, решил: частью сил 76-й и 175-й стрелковых дивизий при поддержке 30-й гвардейской пушечной бригады сковать оборону противника, проходящую по восточному укрепленному рубежу, с фронта; главными силами дивизий обойти гитлеровцев, оборонявших город, с севера 76-й и с юга 175-й и ударом с запада, с тыла противника, ворваться в город Дёйч-Кроне.

9 февраля 1945 года 76-я стрелковая дивизия на своем правом фланге главными силами перешла в наступление. Сломив сопротивление гитлеровцев, 207-й и 93-й стрелковые полки

овладели населенными пунктами Клаусдорфер Хаммер, Клаусдорф и к утру 10 февраля 1945 года вышли: 207-й стрелковый полк (командир майор Василий Ильич Якушев) — к северной, а 93-й стрелковый полк (командир подполковник Петр Михайлович Махров) — к западной окраине города. Судьба окруженного гарнизона Дёйч-Кроне была, по существу, решена. Разгорелись ожесточенные уличные бои.

Бывший командир 76-й стрелковой дивизии, ныне генерал-лейтенант, Гервасиев вспоминает такой эпизод. Из двух дотов, расположенных в промежутке между озерами Здбично и Смольно и надежно прикрывающих участок шириною не более трехсот метров, один мы знали, как подавить. Подорвать другой добровольно изъявил желание коммунист сержант Камаев Кульджек вместе со своим боевым другом бойцом-сапером, фамилию которого установить, к великому сожалению, мне так и не удалось.

10 февраля, под утро, едва забрезжил рассвет, два отчаянных смельчака пошли на выполнение ответственной и не менее опасной задачи. К доту решили подойти с тыловой стороны. На пути озеро. Ледяная вода по пояс. С грузом взрывчатки они преодолели озеро. Сотни метров с затаенным дыханием, ползком подкрадывались к цели, и, когда на мгновение останавливались, чтобы перевести дыхание, вслушаться в затаенную тишину, сердце в груди так учащенно билось, что стук его, казалось, слышен был в отдалении. Наконец добрались до огневой точки незамеченными. Немцы беспробудно спали на утренней зорьке. Вот и амбразура. Заряд взрывчатки подложен. Сильный взрыв, и в воздух полетели обломки бетона и металла.

Взрыв явился и сигналом открытия огня из орудия по другому доту. Посылая снаряд за снарядом по амбразуре, орудие надолго заставило огневую точку замолчать, по крайней мере на время, пока стрелковые роты не прорвались к первой траншее, а к доту не подоспела штурмовая группа и не взорвала его. В ходе боя блокировано и взорвано еще несколько долговременных огневых точек… Старший сержант Кульджек Камаев прошел славный боевой путь. Сын солнечного Туркменистана, боец Камаев высоко нес звание коммуниста, непрерывно повышал свое боевое мастерство. Он гнал немцев от Смоленщины, очищал от них советскую Белоруссию, гнал гитлеровцев по полям Польши, добивал проклятый фашистский сброд на территории самой Германии. Славными боевыми подвигами поднимал честь Знамени своей части Камаев. Многие правительственные награды украсили грудь отважного советского воина.

Слушая рассказ боевого соратника, связанный с боями за

Дёйч-Кроне, я не могу не сказать о том, что в соединениях 125-го стрелкового корпуса плечом к плечу героически сражались воины многих национальностей нашей Родины. Далеко от родной земли они были крепко спаяны в одну боевую семью. На них на всех поровну делились и тяжелая военная доля, и любовь советского народа.

В начале 1945 года начальник политотдела корпуса Алексей Ильич Колунов показал мне не совсем обычное письмо.

«Дорогие товарищи! — говорилось в нем. — Я, Сядам Ниязова, звеньевая колхоза имени Свердлова Ашхабадского района Туркменской ССР, собрала все свои сбережения и внесла их в фонд Красной Армии. По моей просьбе на мои деньги куплена пушка № 760094 и направлена в ваше подразделение, где служит мой брат Гаттиман Халмурадов. Когда вы получите мой подарок, прошу вас, наши славные артиллеристы, вместе со всей Красной Армией добейте моей пушкой раненого немецкого зверя и водрузите Знамя Победы над Берлином.

Нас разделяют тысячи километров, но мы всегда с вами, дорогие наши освободители.

Мы трудимся в тылу самоотверженно, не покладая рук, и дадим вам все, что нужно, для окончательной победы над немецкими оккупантами.

Ждем вас на Родину с победой!»

Просьба колхозницы Сядам Ниязовой была удовлетворена. Приобретенная на ее средства 76-мм пушка поступила в 80-й артиллерийский Краснознаменный полк 76-й стрелковой дивизии, где ее брат старший сержант Гаттиман Халмурадов служил наводчиком в 1-й батарее.

Командующий артиллерией 47-й армии генерал-лейтенант Годин, заместитель начальника политического отдела 47-й армии полковник Клековкин перед строем полка после зачитки приказа по дивизии, в котором отмечалась большая забота советских людей о Красной Армии, единство фронта и тыла и патриотизм советского народа, передали пушку старшему сержанту Халмурадову.

— Принимая эту пушку, купленную для меня сестрой, — взволнованно сказал воин, — я заверяю, что буду бить беспощадно из нее фашистского зверя, пусть знают немецкие захватчики нашу силу. Пусть это орудие множит славу русской артиллерии, славу нашего советского народа.

Командир 80-го артиллерийского Краснознаменного полка майор Спиридон Дмитриевич Постолака зачитал ответ сестре Сядам Ниязовой.

«Весь личный состав части, где служит ваш брат, —

говорилось в письме, — присутствовал при вручении пушки. И все мы, бойцы, сержанты и офицеры, посылаем Вам, Сядам Ниязова, наше фронтовое спасибо за заботу о Вооруженных Силах нашей страны. Только в нашей социалистической стране, в стране, созданной великим гением человечества Владимиром Ильичем Лениным, в стране, где все народы живут радостно и счастливо, весь наш народ участвует в защите своего любимого Отечества.

Недавно один из наших офицеров товарищ Сейтаков получил письмо Председателя Президиума Верховного Совета Туркменской республики товарища Бердыева. Из этого письма мы узнали, как много сделали трудящиеся нашей братской республики Туркменистана для того, чтобы укрепить боеспособность славной Красной Армии. Благодарим Вас за ваш самоотверженный труд на благо нашей любимой матери-Родины.

Ваш брат Гаттиман Халмурадов — один из лучших и храбрейших воинов нашей части, за воинские умение и мужество он награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Последние проведенные нами бои были особенно ожесточенными. Немецко-фашистские бандиты, чуя свою близкую гибель, сопротивлялись с отчаянием обреченных. И в этих боях расчет орудия старшего сержанта Эсэнова Ходжакули, в котором служит Ваш брат, старался всеми силами нанести врагу возможно больший урон. Только в одном из боев расчет сокрушил две пушки, три миномета, два станковых пулемета, одну зенитную пушку, три автомашины и, отбивая контратаки противника, уничтожил до 30 немецких солдат и офицеров».

Ожесточенные бои, о которых сообщалось в письме в Туркмению, развернулись за Дёйч-Кроне. Славно поработали здесь артиллеристы!

Разрушая огнем прямой наводкой оборонительные сооружения врага, уничтожая его живую силу и технику, 80-й артиллерийский полк 76-й стрелковой дивизии внес достойный вклад в нашу победу, стал Краснознаменным.

11 февраля 1945 года соединения 125-го стрелкового корпуса 47-й армии, сломив упорное сопротивление фашистов, овладели важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом городом Дёйч-Кроне.

Высокие награды Родины получили и многие части корпуса: 93-й стрелковый полк — орден Красного Знамени; 207-й стрелковый полк — орден Суворова III степени; 216-й стрелковый полк — орден Кутузова III степени. Частям 125-го стрелкового корпуса, 76-й стрелковой Ельнинско-Варшавской Краснознаменной, ордена Суворова и 175-й стрелковой Уральско-

Ковельской Краснознаменной дивизиям и ее бойцам, офицерам и генералам Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

Тем временем в 60 километрах юго-восточнее в окруженном Шнейдемюле с 1 февраля ожесточенно сопротивлялась 12-тысячная группировка гитлеровцев, стремившаяся сковать как можно больше наших сил.

На исходе 11 февраля 1945 года командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков приказал мне с полевым управлением корпуса принять штурмующую город-крепость боевую группу войск у заместителя командующего нашей армией генерал-майора И. К. Кузьмина и в течение двух суток разгромить шнейдемюльскую группировку противника.

12 февраля 1945 года управление 125-го стрелкового корпуса приняло боевую группу.

Крепость Шнейдемюль расположена среди лесных массивов, которые с севера, северо-востока и востока охватывают ее в радиусе до 10–15 километров, а на севере более 50 километров.

Внешний оборонительный обвод крепости опирался на систему озер, окружавших город с востока полукольцом. Часть западного фаса на внешнем обводе прикрывалась болотом. Внутренний обвод западного фаса опирался на гребень безымянных высот, которые господствовали над близлежащей местностью. Оборона гитлеровцев в Шнейдемюле характеризовалась особой жестокостью и была рассчитана на длительное сопротивление ее гарнизона.

С восточной стороны город имел три обвода: внутренний, основной и внешний; западная часть города — два обвода: внешний и внутренний. Каждый обвод — линия траншей и в ряде мест противотанковых рвов, всевозможных противотанковых препятствий и минных заграждений. Кроме того, основной обвод на восточном секторе был усилен дотами, полукапонирами и капонирами. Кирхи и крупные строения использовались как опорные пункты. В стенах домов были пробиты бойницы для обстрела улиц и особенно перекрестков.

Шнейдемюльский гарнизон располагал большим количеством боевой техники, богатыми складами продовольствия и боеприпасов и хорошо оборудованными аэродромами. Общая численность всех частей и подразделений в городе достигала более 12 тысяч человек. Дисциплина поддерживалась всеми способами, принятыми в фашистской армии.

28 января 1945 года командовавший обороной в Померании Гиммлер лично прибыл в Шнейдемюль и поставил гарнизону

задачу защищать крепость до последнего солдата. Регулярно, каждую ночь, на транспортных самолетах в город доставлялось все необходимое и эвакуировались раненые. Все имевшиеся части и подразделения командование крепости свело в два отряда. Первый сводный отряд под командованием полковника Бонина оборонял внешний обвод города. Основной и внутренний обводы оборонялись вторым сводным отрядом, возглавляемым комендантом крепости оберштурмбанфюрером Решлингером.

К 8.00 12 февраля 1945 года управление 125-го стрелкового корпуса приняло в свое подчинение части и соединения, блокировавшие крепость Шнейдемюль.

Для решения поставленной задачи и выполнения приказа командующего 1-м Белорусским фронтом следовало прежде найти причины неуспеха боевых действий армейской оперативной группы с 3 по 11 февраля 1945 года. Тщательно проведенная разведка обороны противника, рекогносцировка переднего края командира корпуса с командирами частей, соединений и командирами частей усиления выявила не только сильные, но и слабые участки обороны города-крепости.

С выходом наших частей на безымянные высоты город мог насквозь простреливаться. С захватом железнодорожной станции и мастерских удержать часть Шнейдемюля, находившуюся на западном берегу реки Кюддов, становилось невозможным. На рекогносцировке это отлично уяснили себе командиры стрелковых полков и командиры частей усиления. На местности командирам дивизий были указаны основные объекты, подлежащие захвату в первую очередь. Их падение делало бессмысленным и невозможным дальнейшее сопротивление всего гарнизона в целом.

Там же было решено наблюдательные пункты подразделений и частей из подвальных помещений переместить так, чтобы командиры постоянно видели перед собой поле боя и атакуемые объекты, могли оперативно принимать необходимые решения. Я приказал все пушечные батареи и по две гаубичные батареи от каждого артполка поставить на прямую наводку, все ДШК и станковые пулеметы свести в батареи и установить на чердаках домов или на окнах вторых-третьих этажей зданий.

Проведя рекогносцировку и отдав предварительные боевые распоряжения, вместе с оперативной группой штаба корпуса прибыл на командный пункт командира 60-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Г. Чернова. С комдивом и офицерами штаба дивизии состоялся деловой обмен мнениями по вопросам, связанным с выполнением боевой задачи по ликвидации шнейдемюльской группировки гитлеровцев.

— Виктор Георгиевич, — задал я вопрос генералу, — ваша дивизия более десяти суток ведет бои в данном районе. Чем вы объясняете такую длительную задержку в разгроме противника в районе Шнейдемюля?

Подойдя к расстеленной на столе карте, командир дивизии взял остро заточенный красный карандаш и, пользуясь им как указкой, без предисловий начал четко докладывать:

— Шнейдемюль — крепость с долговременными сооружениями. Наиболее сильна инженерными сооружениями на восточной стороне. С северо-запада менее укреплена. Противник мастерски построил и организовал оборону. Грамотно подобрал и оборудовал опорные пункты в кварталах, на улицах, площадях. Создал много ложных опорных пунктов-ловушек, их главная задача направить наши огневые удары на второстепенные направления и втянуть наступающих в огневые мешки между кварталами и площадями.

— Сейчас, как никогда, важна концентрация сил и огневых средств, — поделился я с генералом своими мыслями. — В уличных боях в городе-крепости, такой, как Шнейдемюль, требуется не сдавливать противника к центру города, а овладевать по частям ключевыми объектами, раскалывать оборону, нарушая взаимодействие между укрепленными объектами и узлами сопротивления.

Затем мы заговорили о том, насколько действенно, устойчиво и оперативно управление боем во всех звеньях боевых порядков нашей боевой группы.

— Мы с вами, Виктор Георгиевич, — не удержался я от укора, — сейчас сидим и беседуем в глубоком подвале. Это убежище, а не наблюдательный пункт для оперативного действенного управления боем. В городском бою и особенно в бою за город-крепость надо управлять с верхних точек, чтобы самому видеть основной ключевой объект обороны врага, бой наших штурмовых групп, от успешных действий которых раскалывается оборона и рушится огневое и ударное взаимодействие, организованное гитлеровцами.

Неприятно мне было напоминать об этом боевому генералу, но не только ему предстояло перестроить работу на новый лад. В уличных боях наши штурмовые группы должны локтем и душой чувствовать своего командира, и тогда он никогда не опоздает поддержать и развить частный успех штурмовой группы в общий.

— Какие ближайшие планы гитлеровцев? Где их основная группировка? Где их ключевые опорные точки? Где и на каких направлениях они проявляют особое упорство? Что по данным вопросам доложили общевойсковые, артиллерийские и

инженерные разведчики? — сменив тему разговора, допытывался я у командира дивизии.

— По данным наших разведчиков, основная группировка противника в районах северной и северо-восточной окраин города, — отвечал генерал. — Здесь гитлеровцы проявляют особое упорство в удержании своих позиций.

После потери противником Дёйч-Кроне оперативно-тактическое значение Шнейдемюля перестало быть для вражеского командования первостепенным, — задумчиво сказал Виктор Георгиевич. — Разрушающе действует на моральное состояние пропаганда, которую активно ведут наши политработники. Как следствие — появление перебежчиков.

Долго сидели мы с Виктором Георгиевичем за картой, прорабатывая за себя и за противника различные варианты боевых действий, вплоть до попытки вражеского гарнизона вырваться из окружения.

Под вечер к нам присоединился прибывший из боевых порядков подразделений начальник политотдела 60-й стрелковой дивизии подполковник С. А. Погорелый. Поделившись впечатлениями от своих встреч с бойцами и командирами, Погорелый полистал свой потрепанный блокнот и назвал несколько весьма любопытных цифр. Оказывается, с 14 января 1945 года, то есть за неполный месяц боевых действий, в партийные организации 60-й стрелковой дивизии поступило 127 заявлений от бойцов и командиров, желавших стать большевиками. За этот период было принято в члены ВКП(б) 49 и в кандидаты 67 человек. Как правило, все заявления обсуждались в ротных и батарейных организациях, там, где они воевали. Характерно, что, за исключением нескольких отдельных дел, все заявления рассматривались в первичных парторганизациях не позднее второго дня после их поступления.

Политический отдел 60-й стрелковой дивизии главный упор в работе сделал на прием в партию и комсомол в стрелковых частях. В результате этого 75 % принятых в члены ВКП(б) и 80 % в кандидаты являются бойцами и офицерами, находящимися в звене рота — батальон.

Стремительное продвижение частей потребовало значительной оперативности и четкости в работе партийной комиссии. Свои заседания она проводила только в частях. Секретарь партийной комиссии, общаясь с первичными организациями, знал, где и сколько дел есть на прием. После этого он извещал членов партийной комиссии о месте и времени заседания. Все они проводились в присутствии большинства ее членов. На заседании активно обсуждались деловые и

политические качества каждого вступающего в партию. Если обстановка не позволяла проводить заседание партийной комиссии днем, ее работа продолжалась ночью.

После возвращения в штаб корпуса я рассказал о плодотворной работе партийных организаций 60-й стрелковой дивизии начальнику политотдела корпуса полковнику Алексею Ильичу Колунову. Он проинформировал меня о том, что было принято решение, закрепленное в соответствующей директиве в войска, потребовавшей расстановки коммунистов в боях таким образом, чтобы в каждом подразделении (рота, батарея) парторганизация насчитывала не менее шести-семи человек. Это давало возможность охватить партийным влиянием весь личный состав взводов и отделений, особенно стрелковых, иметь в каждом расчете группового пехотного оружия коммуниста или комсомольца-активиста.

* * *

13 февраля в 10.00 после артподготовки по конкретным объектам и целям соединения и части корпуса (185, 260 и 60-я стрелковые дивизии, 22-я артиллерийская дивизия прорыва, гвардейский минометный полк, два полка самоходной артиллерии, тяжелый танковый полк, армейский саперный батальон, рота ранцевых огнеметов) начали штурм Шнейдемюля. Штурмовые группы под прикрытием огня орудий сопровождения пехоты броском достигали назначенных им объектов и врывались в них. Как правило, бой за каждый объект заканчивался короткой рукопашной схваткой. В многоэтажных домах задача штурмовой группы состояла в том, чтобы очистить от гитлеровцев первые и подвальные этажи, остальное заканчивали саперы. После первого взрыва оставшиеся в живых гитлеровцы обычно прекращали сопротивление и сдавались. Штурмовую группу, как правило, сопровождал танк или самоходная артиллерийская установка, которые уничтожали фланкирующие огневые точки фашистов.

После захвата объектов артиллерия усиления штурмовой группы меняла свои огневые позиции, перемещалась к захваченному объекту, откуда начинала вновь вести огонь, прикрывая очередной бросок пехотинцев к новому атакуемому объекту.

В эти часы я побывал в боевых порядках атакующих и сумел побеседовать с командиром одной из штурмовых групп лейтенантом Н. Семеновым.

— Мне и моей штурмовой группе уже пришлось участвовать в

уличном бою, — поделился он со мною первыми впечатлениями. — Этот бой был труден потому, что в городе ограничена возможность маневра, узкие, как тоннели, улицы стесняли наши движения, ограничивали видимость. Приходилось драться за каждый дом, каждое отдельное строение, выкуривать немцев из подвалов, чердаков. Особенно напряженные схватки разыгрались за угловые или выходящие фасадом на площади дома. Закрепившись в них, гитлеровцы простреливали прилегающие улицы и не давали нам возможности приблизиться к ним.

Я вместе с артиллеристами подтягивал пушку, маскируясь в соседних домах и по дворам, вел огонь прямой наводкой только тогда, когда хорошо видел цель.

Однако были и такие случаи: подавив огневую точку противника в средних окнах здания, пехотинцы наталкивались на новые очаги сопротивления. Немецкие пулеметы оживали в угловых комнатах всех этажей. Такие случаи наблюдались в больших зданиях. Да это и понятно, ведь окна угловых комнат выходят на две, а то и на три улицы и представляют вражеским пулеметчикам хороший сектор обстрела.

Поэтому я тут же переменил прием боя. В первую очередь открывал огонь по углам здания, разрушая угловые комнаты.

Трехэтажный дом, расположенный на углу двух улиц, преграждал путь отделению, которым командовал сержант Браданчук. Когда бойцы подошли к нему вплотную, немцы открыли шквальный огонь. Очереди автоматов и пулеметов загремели из окон, чердаков и дверей.

Боец Крез, парень невысокого роста, весь черный от пыли и пороховой гари, маскируясь за стволом обугленного дерева, внимательно смотрел на дом. Когда гитлеровцы открыли по отделению огонь с новой силой, Крез не выдержал и пополз к командиру отделения.

— С ними кончить разрешите мне, — сказал он.

— А сможешь? — спросил сержант.

— Смогу.

— Ну давай, ползи.

И Крез пополз к дому по глубокому горячему песку. Он полз как уж, извиваясь по воронкам и лощинам, и товарищи, следившие за ним и поддерживавшие его огнем, вскоре увидели, как он юркнул в окно. В ту же минуту огонь из дома прекратился, и все увидели: из дверей стали выбегать немцы. Бойцы отделения бросились к дому и быстро овладели им. Боец Крез действовал так. Подобравшись к дому, сразу же метнул гранату в подвал, где сидели вражеские солдаты. Ворвавшись в комнату, он уничтожил

трех гитлеровцев огнем из автомата и побежал к лестнице на центральном выходе. Из комнат бежали фашисты. Короткими очередями он уложил еще двоих.

Так, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, наши артиллеристы, пехотинцы, саперы, связисты получали бесценный опыт уличных боев. В штурмовые группы включались воины различных родов войск. Цементирующей силой их становились коммунисты и комсомольцы, которые, как правило, получали индивидуальные поручения. Так, например, в одной из штурмовых групп заместитель командира 2-го стрелкового батальона по политчасти 1283-го стрелкового полка старший лейтенант П. Кушнарев дал партийное поручение коммунисту Реброву первым подняться в атаку при штурме окраины города, комсомольцу Малькову — водрузить красный флаг на первом же захваченном здании города. Воины с честью выполнили поручения, и тут же по цепи пошла листовка-молния, в которой описывалось, как бесстрашно и умело действовали коммунист Ребров и комсомолец Мальков.

Такие оперативные формы партийно-политической работы в бою активно воздействуют на бойцов, поднимают наступательный дух, помогают командиру достигнутый частный успех развить в общий успех, когда захват одного здания способствует овладению целым кварталом.

В схватке за одну из площадей города гитлеровцы дрались особенно яростно. Укрепившись в большом трехэтажном здании, они пулеметным и автоматным огнем преграждали путь нашей пехоте. Овладеть этим зданием означало открыть выход в главную часть города. Оказать помощь пехотинцам в борьбе за это здание вызвался кандидат в члены партии сапер красноармеец Грачев. Он ночью подполз к зданию, заложил взрывчатку и взрывом разрушил большую часть одной из стен. Воспользовавшись переполохом, возникшим среди фашистов, наши бойцы стремительным броском преодолели площадь и овладели зданием.

В уличных боях враг широко применял фаустпатроны. Комсомольцы явились инициаторами создания групп по борьбе с фаустниками. Кроме того, они решили сами овладеть этим оружием.

Обращает на себя особое внимание такая форма работы с личным составом, как беседы с ранеными, из которых получали ценные и интересные сведения о ходе боя. Так, еще 12 февраля в беседе с раненным в боях за Шнейдемюль я выяснил, что многие бойцы не имеют достаточного опыта в ведении уличных боев. Красноармеец Кучеренко, участник боев за Ковель и Варшаву,

заявил:

— Многие бойцы лезут на левую сторону дома, откуда из окон и подвалов гитлеровцы ведут ружейно-пулеметный огонь, а опытные красноармейцы обходят эти дома через сады, огороды и дворы и успешно с тыла и фланга выбивают гитлеровцев. Некоторые бойцы наступают — идут вдоль улиц, а противник, как правило, вдоль улиц ведет огонь.

При подведении итогов дня я попросил командиров и политработников учесть ценное замечание красноармейца.

В ночь с 12 на 13 февраля сотрудники политотдела 60-й стрелковой дивизии отправились в подразделения, которые вели бои в городе Шнейдемюль, и вместе с политработниками частей провели беседы о тактике уличных боев. Прямо на переднем крае вместе с офицерами рот и взводов практически показывали, как наиболее целесообразно действовать в бою за данный дом, улицу, квартал… Такие же беседы были проведены с бойцами саперного батальона, которым была поставлена боевая задача разминировать проходы для танков и самоходных артиллерийских установок. В ходе этих бесед популяризовались отличные саперы, которые в предыдущих боях самоотверженной работой содействовали успеху наших войск.

Командиры частей давали высокую оценку и похвальные отзывы о действиях подразделений, в которых предварительно были проведены такие беседы и на местности практически показано, как наиболее целесообразно действовать в бою за дом, улицу, квартал.

Стрелковый батальон Героя Советского Союза майора Л. Стромкина, усиленный танками и самоходными артиллерийскими орудиями, за один день боев овладел несколькими кварталами, образовав своеобразный плацдарм среди укрепленной территории врага, получивший в штабе корпуса название «стромкинский клин».

Я внимательно следил за ростом боевого мастерства Леонида Леонидовича Стромкина и искренне обрадовался его новому успеху. На исходе войны майору шел двадцать третий год. Он — представитель молодого поколения офицеров Красной Армии. Стромкин пользовался авторитетом и любовью среди своих бойцов: строг, требователен, но справедлив. Он сумел создать сплоченный воинский коллектив, в котором высоко ценятся храбрость и исполнительность, инициатива и взаимная выручка, смелость и мастерское владение боевым оружием.

Большой боевой путь прошел майор Стромкин. Еще в боях на Соже и Днепре он показал зрелое командирское мастерство, за что был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Высокое звание Героя Советского Союза Леонид Леонидович Стромкин получил за успешное руководство батальоном при форсировании Вислы и в боях за расширение плацдарма на левом берегу реки 16 января 1945 года и проявленные при этом отвагу и мужество.

Мне довелось побывать в батальоне Стромкина накануне штурма Шнейдемюля. Временное затишье комбат использовал не для отдыха, а для напряженной учебы.

Подготовка подразделений батальона проводилась на местах прошедших боев и на специально оборудованных участках.

Накануне наступления политический отдел 60-й стрелковой дивизии во главе с подполковником С. А. Погорелым во всех партийных и комсомольских организациях провел собрания с повесткой дня: «Задачи коммунистов и комсомольцев по уничтожению окруженной немецкой группировки в городе-крепости Шнейдемюль». Кроме того, политотдельцы строго контролировали расстановку актива в каждой штурмовой группе. Результаты активной, целенаправленной партполитработы сказались во время штурма Шнейдемюля. Коммунисты и комсомольцы были в самых опасных местах боя, выполняли с большим мастерством и самоотверженностью наиболее сложные и ответственные задания, воодушевляли бойцов на героические подвиги. В критические моменты боя они увлекали за собой беспартийных. Показательны в этом отношении действия парторга 5-й стрелковой роты 2-го стрелкового батальона 1285-го стрелкового полка сержанта Сергеева. В роте оставалось только 18 человек. Они образовали одну штурмовую группу. В ночном городском бою рота составила одно из подразделений «стромкинского клина», овладела костелом и соседним с ним домом. На костеле парторг сержант Сергеев поднял красный флаг.

К утру гитлеровцы окружили горстку наших воинов. Находясь в отрыве от основных сил, группа попала в тяжелое положение. Гитлеровцы наседали со всех сторон, их было больше наших бойцов в 5–6 раз. В роте кончились боеприпасы, не было пищи и, главное, воды. От жажды у бойцов потрескались губы. Но среди них был коммунист парторг сержант Сергеев. И он был душой бойцов, вселял веру в победу тем из них, у кого уже терялась надежда на подход помощи. Сергеев подавал личный пример стойкости. Когда гитлеровский офицер с двумя солдатами попытался проникнуть в окно дома, где оборонялись наши бойцы, Сергеев прикончил из автомата всех трех гитлеровцев. 36 часов оборонялась рота в отрыве от наших частей и не сдала ни костела, ни дома врагу. За это время храбрецы истребили десятки

гитлеровцев.

После штурма Шнейдемюля я вручил парторгу роты сержанту Сергееву орден Красной Звезды.

Замечательные примеры мужества, стойкости, самоотверженности показывали бойцам и другие партийные организаторы. Парторг 8-й стрелковой роты старший сержант Староверов пользовался исключительным авторитетом среди личного состава роты. Он неизменно появлялся там, где создавалась угрожающая обстановка. При штурме зданий в Шнейдемюле пехотинцы задержались, а танкисты в связи с этим не решались продвигаться вперед.

Парторг старший сержант Староверов, находясь среди воинов, заметил это.

— Товарищи, — обратился он к бойцам, — наши танки сильны, когда их поддерживает пехота. Вперед!

Бойцы устремились за Староверовым и вместе с танками ворвались на следующую улицу. В разгар боя в роту пришла листовка-молния, написанная парторгом батальона. В ней говорилось о подвиге командира взвода лейтенанта Никитина, который принял на себя командование ротой, организовал отражение трех контратак противника. Парторг роты Староверов довел содержание листовки до всех бойцов. Пехотинцы усилили натиск и овладели еще одним кварталом.

О том, что коммунисты и комсомольцы действительно были душой подразделений и всегда находились на самых опасных участках, сражались не щадя своей жизни, свидетельствуют и такие данные.

Возьмем для примера потери 1285-го стрелкового полка в боях за Шнейдемюлъ за один из самых напряженных дней — 9 февраля 1945 года. Всего из строя выбыло убитыми и ранеными 108 человек. Среди них 24 коммуниста и 36 комсомольцев. Это составило около 60 % по отношению к общей цифре потерь за день. Если при этом учесть, что процент коммунистов и комсомольцев по отношению ко всему личному составу полка не превышал 10–15, то можно с полным основанием заявить, что коммунисты и комсомольцы своей кровью завоевывали победу в уличных боях Шнейдемюля.

Выступая на собрании парторганизации штаба 1283-го стрелкового орденов Суворова и Богдана Хмельницкого полка, его командир полковник Казьков сказал:

— Боевым успехам нашего полка в штурме Шнейдемюля значительно содействовала целеустремленная партийно-политическая работа. Благодаря этому среди личного состава всегда царил высокий наступательный порыв и решимость

выполнить любой приказ.

13 февраля 1945 года бои в Шнейдемюле не затихали ни на минуту. Особенно ожесточенный характер носили они в районе двух костелов в центре города. Фашисты предпринимали все меры, чтобы удержать эти важные в системе обороны опорные пункты, прикрыть подступы к водному рубежу. И все-таки их сопротивление не могло долго продолжаться.

К 16.00 13 февраля 1945 года ключевые позиции гитлеровцев были заняты соединениями корпуса: безымянные высоты, железнодорожная станция и мастерские, городской парк, район двух костелов оказались в наших руках. Дивизии продолжали боевые действия, передовыми отрядами форсировали реку Кюддов, очистили от гитлеровцев западную часть крепости, еще сильнее сжав, таким образом, кольцо окружения. Положение противника стало безнадежным, и мы прекрасно понимали, что он может предпринять попытки вырваться из окружения. Было решено, для того чтобы сохранить железнодорожный и аэродромный узлы, не препятствовать этим попыткам, а прорвавшиеся войска уничтожить в полевом бою.

Еще вечером 12 февраля 1945 года на наблюдательный пункт корпуса прибыл начальник политотдела 47-й армии полковник Михаил Харитонович Калашник.

— Военный совет армии считает, — сказал Михаил Харитонович, — что после овладения нашими войсками Дёйч-Кроне для гарнизона Шнейдемюля остается одно — капитулировать. Мы решили еще более активизировать нашу пропагандистскую работу с вражеским гарнизоном.

Первое. Сегодня ночью проведем для окруженного гарнизона специальную передачу, расскажем о разгроме дёйч-кроневской группировки противника. Привлечем к передаче захваченных в плен солдат и офицеров гарнизона Дёйч-Кроне.

Второе. Мы передадим письмо Военного совета армии, обращенное лично к коменданту окруженного гарнизона, с изложением условий капитуляции.

Третье. Усилим засылку в окруженный гарнизон немецких солдат, взятых в плен, в том числе из Дёйч-Кроне.

…Противник внимательно слушал обращение к солдатам, но стоило нам приступить к чтению письма Военного совета армии лично к коменданту окруженного гарнизона, как поднялась беспорядочная стрельба. Велась она, конечно, по приказу немецкого командования, отказавшегося сохранить жизнь тысячам своих солдат.

— Твердолобые, сволочи, все-таки фашистские заправилы, — с горечью сказал мне при новой встрече полковник Калашник. —

Не жаль им людей.

Под руководством Михаила Харитоновича был разработан конкретный план активной пропаганды среди войск противника, окруженного в городе-крепости Шнейдемюль, ставивший основной целью убедить немецких солдат и офицеров в безвыходности их положения, а следовательно, в бессмысленности дальнейшего сопротивления.

Как мне стало известно, в течение всего периода окружения, а также во время уличных боев гарнизон Шнейдемюля подвергался непрерывному и концентрированному воздействию нашей пропаганды.

Почти каждую ночь самолеты сбрасывали над городом листовки, обращенные специально к солдатам и офицерам окруженного гарнизона. Общий тираж их составил 20 тысяч экземпляров.

В программе звукопередач широко использовался конкретный материал — показания перебежчиков и пленных. Например, из показаний перебежчиков был выявлен факт собственноручного расстрела комендантом гарнизона Решлингером нескольких солдат.

«Возле газового завода лежат два мертвых немецких солдата, — сообщалось в передаче. — К груди одного из них приколот лист бумаги с надписью: «Этих двух солдат расстрелял я. Так буду поступать с каждым, кто побежит с поля боя. Оберштурмбанфюрер Решлингер».

Пленные, особенно перебежчики, широко привлекались к вещанию на свои войска. Такая оперативная работа дала положительные результаты. Под влиянием их выступлений усилился приток немецких солдат, сдавшихся в плен.

Гитлеровское командование отвергло призыв Военного совета 47-й армии о безоговорочной капитуляции гарнизона. Пришло время вновь заговорить пушкам.

В ночь на 14 февраля 1945 года части и соединения 125-го стрелкового корпуса произвели перегруппировку и с утра ударами с южного направления продолжили наступление, с тем чтобы к исходу дня полностью ликвидировать гарнизон крепости. Северное и северо-восточное направления прикрывались небольшими заслонами 185-й стрелковой дивизии, в глубине и по опушке леса были подготовлены и заняты войсками отсечные позиции.

Ночью часть гарнизона противника пыталась прорвать окружение и с этой целью в 1.30 минут 14 февраля 1945 года гитлеровцы открыли ураганный огонь по переднему краю подразделений 280-го стрелкового полка в районе полустанка.

Другая группа сконцентрировалась на дороге Шнейдемюль — Лебенка.

При поддержке 10–12 танков гитлеровцы на узком участке прорвали оборону стрелкового батальона, оборонявшегося на широком фронте, но им не удалось вырваться из окружения. В полевом бою гитлеровцы были уничтожены частями 3-й ударной армии и находившимися в резерве фронта частями 1-й армии Войска Польского.

Гитлеровский гарнизон города-крепости Шнейдемюль к 11.30 14 февраля 1945 года перестал существовать. Город-крепость был очищен от фашистов.

Приказ командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова соединения 125-го стрелкового корпуса выполнили точно в указанный им срок.

За образцовое выполнение боевых заданий командования, за доблесть и мужество, проявленные при штурме важного узла коммуникаций и мощного опорного пункта обороны гитлеровцев в восточной части Померании, приказом Верховного Главнокомандующего от 14 февраля 1945 года войскам, участвовавшим в боях за овладение городом Шнейдемюль, объявлена благодарность.

1281-й стрелковый ордена Александра Невского полк за овладение городом Шнейдемюль награжден орденом Кутузова III степени; 1283-й стрелковый ордена Суворова полк — орденом Богдана Хмельницкого III степени; 1285-й стрелковый Пражский полк — орденом Красного Знамени; 969-й артиллерийский Пражский полк — орденом Александра Невского.

* * *

Опыт боев 60, 76 и 175-й стрелковых дивизий в городах Дёйч-Кроне и Шнейдемюль подтвердил целесообразность создания и подготовки штурмовых групп. Как правило, они действовали в составе: одна стрелковая рота — 50 стрелков-автоматчиков, 3–5 саперов, расчеты двух станковых пулеметов, 8–12 орудий от 45-мм до 122-мм, 4–6 батальонных или полковых минометов, 2–3 огнемета, 2–3 танка или самоходные артиллерийские установки. Характер боя в населенном пункте с каменными зданиями требовал деления штурмовых групп на более мелкие с обязательным усилением их орудиями. Нередко штурмовые группы делились пополам, наступали по параллельным улицам, идущим в направлении главного объекта атаки.

Для штурма отдельных домов и подавления очагов

сопротивления эти группы дробились на еще более мелкие группы и атаковали объекты с разных направлений при широком использовании орудий и САУ. Таким методом удавалось успешно разрушать здания и уничтожать огневые точки противника в зданиях, очищать от врага дом за домом, квартал за кварталом.

Параллельное движение двух основных групп обеспечивало помощь отстающим группам ударом соседних, продвинувшихся вперед во фланг и тыл обороняющемуся противнику. Особенно большое значение в городских боях приобретали обходы через дворы и улицы, внезапные атаки противника.

Успешное продвижение штурмовых групп подчас зависело от боевого мастерства каждого бойца.

С 16 по 20 февраля противник из района Альтдамма и Штаргарда нанес удар в общем направлении на Ландаберг. Ему удалось потеснить 47-ю армию к югу на 8–12 км, противник сумел вновь овладеть городами Пиритц, Бан и другими населенными пунктами. 2 марта 125-й стрелковый корпус, совершив марш к Одеру, начал бои по ликвидации альтдаммской группировки гитлеровцев. В тяжелых боях военные корпуса показывали образцы отваги и высокого ратного мастерства.

* * *

3 марта 1945 года, наступая в боевых порядках пехоты, командир орудия 4-й батареи 373-го артиллерийского полка сержант Ф. Бумагин прямой наводкой уничтожил три станковых пулемета, 20 гитлеровцев и два вражеских наблюдательных пункта, чем внес свой вклад в успех боев за город Бан. Продолжая наступление, в тот же день на подступах к Любену отважный артиллерист огнем прямой наводкой уничтожил два 75-мм орудия противника, рассеял и частично уничтожил до взвода пехоты. В ходе боя был ранен командир огневого взвода, сержант Бумагин заменил его и успешно продолжал бой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и личную отвагу в бою сержант Ф. А. Бумагин награжден орденом Славы I степени.

В районе Альтдамма гитлеровцы пытались сбить нашу стрелковую роту с высоты 42,0, взятой накануне. С утра после сильной артиллерийской и минометной подготовки, поддержанной ударами авиации, начались контратаки противника.

Сержант М. Яценко, парторг роты, сказал бойцам: «Нам отступать некуда, у нас один путь — вперед, на разгром врага!» —

и первым пошел вперед навстречу контратакующему противнику. Яценко увлек за собой бойцов роты. Гранатами он уничтожил семь гитлеровцев. Контратака противника была отбита. Орден Богдана Хмельницкого III степени украсил грудь парторга.

В ожесточенных боях по разгрому померанской группировки противника соединения корпуса несли немалые потери. От смерти на войне никто не застрахован, ни рядовой боец, ни генерал. Никогда не забыть нам горечь потери боевого командира 60-й стрелковой дивизии, Героя Советского Союза генерал-майора Чернова В. Г. В тот день я прибыл на КП дивизии и первым делом спросил Виктора Георгиевича, готов ли его новый наблюдательный пункт, с которого мне хотелось поближе познакомиться с обороной гитлеровцев юго-восточнее Альтдамма.

— НП еще не готов, а обед готов, — улыбнулся генерал. — Давайте вместе пообедаем, Андрей Матвеевич, и отправимся на наблюдательный пункт. Саперы уже заканчивают его оборудование.

Виктор Георгиевич вскоре радушно пригласил к столу, накрытому в надежном подвале каменного дома с небольшим окошком в мощной стене.

— Нет, не сюда, — едва я взялся за стул, сказал генерал. — Садитесь по русскому обычаю в красный угол.

— В красный так в красный, — не стал я возражать, пересаживаясь к стене, занавешенной солдатской плащ-палаткой.

Но пообедать нам не удалось. У самого дома грохнул разорвавшийся снаряд. В окошко, похожее на амбразуру, тугой струей ударила взрывная волна. Генерал Чернов в то же мгновение бессильно опустил голову. Капелька крови запеклась у него на виске — след от крошечного осколка…

В день похорон генерал-майора В. Г. Чернова 20 марта 1945 года его фамилия в последний раз прозвучала в приказе Верховного Главнокомандующего № 304, благодарившего 60-ю стрелковую Севско-Варшавскую Краснознаменную, ордена Суворова дивизию, отличившуюся в боях по разгрому померанской группировки гитлеровцев. Ее 1281-й и 1285-й стрелковые полки награждались орденом Суворова III степени, а 1283-му стрелковому полку присваивалось почетное наименование Померанского…

Почти через сорок лет в Московском дворце пионеров и школьников на встрече ветеранов 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района столицы с молодежью мы вновь вспоминали огненные дороги войны от Москвы до Берлина.

Десять лет героическим боевым путем дивизии народного ополчения идут члены военно-патриотического клуба «Поиск» —

учащиеся торгово-экономического техникума, расположенного в Ленинском районе столицы. Это совпадение символично и оправданно. Оно оправдано большой поисковой работой, проделанной клубом. Под руководством военрука техникума подполковника запаса З. Галутина организована переписка с пятьюстами ветеранами дивизии, но прежде были посланы тысячи запросов во все концы страны. Создан музей боевой славы, но прежде учащиеся изучили множество исторических документов, провели беседы с живыми свидетелями героического прошлого Краснознаменного соединения.

«Где же вы теперь, друзья-однополчане?» — так называлась встреча мужественных защитников Родины с благодарной юностью Москвы, встреча однополчан, не видевшихся десятки послевоенных лет. Их прибыло около трехсот человек со всех уголков СССР. Дворец пионеров и школьников стал местом крепких объятий убеленных сединами ветеранов. Через тридцать пять лет встретились служившие в одном стрелковом полку фронтовики Д. Самодуров и П. Коцюба. Через такое же время нашли боевые ордена Д. Лещева, В. Французова, А. Приходько, в свое время не полученные ими.

Многие героические страницы боевого прошлого славного соединения помогла раскрыть встреча, организованная «Поиском «. Трогательна радость фронтовиков. В своем письме учащимся техникума бывший сапер А. Приходько упоминал о заместителе командира саперного батальона Е. Гринберге, писал, что очень хотел с ним встретиться. И вот перед переполненным залом Дворца пионеров и школьников боевой командир обнял своего лучшего сапера и поздравил его с наградой — орденом Отечественной войны II степени. Благодаря деятельности клуба 15 государственных наград вручены ветеранам дивизии за боевые заслуги в Великой Отечественной войне. Вручив своим бывшим подчиненным долго искавшие их ордена и медали, я не мог не вспомнить слова бывшего командира 60-й стрелковой дивизии генерал-майора Виктора Георгиевича Чернова, сказанные незадолго до гибели в марте 1945 года на берегу Одера: «Стоит родиться, жить, работать, сражаться и умереть только ради того, чтобы здравствовала Родина!»

Минутой молчания почтили собравшиеся светлую память павших. Из притихшего зала смотрели на ветеранов представители молодого поколения, достойные своих отцов и дедов. И снова звучали рассказы о подвигах, и выходили на сцену герои, и им рукоплескала юность. Пережитое ветеранами несла молодежь, как святыню.

На Берлин!

Успешное завершение Восточно-Померанской операции сорвало планы гитлеровцев нанести фланговый удар по советским войскам, вышедшим на Одер, позволило перебросить 11 высвободившихся армий для проведения Берлинской операции.

После разгрома фашистской группировки в районе Альтдамма в двадцатых числах марта 1945 года 125-й стрелковый корпус в составе 60, 76 и 175-й стрелковых дивизий был выведен во второй эшелон 47-й армии и сосредоточен в районах Целлина, леса западнее Ватенберга и Вартница.

Перед соединениями Красной Армии, вышедшими на правый берег Одера, командование поставило задачу достойно подготовиться к штурму фашистского логова — города Берлина.

В эти дни боевая и политическая подготовка в соединениях корпуса проводилась днем и ночью по 12 часов в сутки.

Боевая подготовка частей и подразделений корпуса велась в местах, где только отгремели бои, и в специально оборудованных городках и штурмовых полосах. Отдельные группы офицеров и весь офицерский и сержантский состав штурмовых батальонов совершили полевые поездки в районы, наиболее показательные в тактическом отношении проведенных наступательных боев (города-крепости Дёйч-Кроне, Шнейдемюль и т. д.).

Основным методом обучения в звене одиночный боец — отделение — расчет — взвод — рота — батарея являлись тактико-строевые занятия, где по элементам шлифовались тактические и огневые приемы.

С сержантами и офицерами дополнительно на местности, наиболее отвечающей району предстоящих боев, проводились тактико-огневые летучки.

К 12 апреля 1945 года программа боевой и политической подготовки была завершена. Во время смотров, проведенных командованием и штабом корпуса, было установлено, что личный состав частей подготовлен хорошо и соединения готовы к предстоящему наступлению.

Как известно, с 5 по 7 апреля 1945 года в штабе командующего 1-м Белорусским фронтом проводилась штабная игра на картах и макете Берлина. На ней присутствовало и командование 47-й армии. Отрабатывалось наступление войск на берлинском направлении.

После совещания и командной игры у Маршала Советского Союза Г. К. Жукова генерал Перхорович провел в штабе нашей

армии занятия, на которых ознакомил нас с задачами, поставленными 47-й армии в Берлинской операции: наступая на правом фланге ударной группировки, прорвать оборону противника на участке Карасбизе, Ортвиг, уничтожить во взаимодействии с соседями — 3-й ударной армией слева и 1-й армией Войска Польского справа — гитлеровцев на главной полосе обороны и овладеть рубежом Врицен, Вевэ, Кунерсдорф. В последующем обойти Берлин с севера и на 11-й день операции выйти к Эльбе в своей полосе. Главный удар нанести на фронте Карасбизе, Ортвиг.

Оперативное построение армии: все корпуса в линию; боевой порядок стрелковых корпусов в два эшелона; боевой порядок стрелковых дивизий глубоко эшелонированный.

125-й стрелковый корпус с частями усиления — в центре оперативного построения войск 47-й армии. Наступает в направлении Ной-Левин, Теринсвердер, Форштадт. Ближайшая задача — прорвать оборону противника на фронте изгиба канала юго-восточнее Гизхова — Мерина — Грабена, во взаимодействии с 129-м стрелковым корпусом уничтожить противостоящего противника и овладеть линией железной дороги от платформы Теринсвердер до железнодорожного моста через реку Вольцине (в своих разгранлиниях). Последующая задача — во взаимодействии с 77-м стрелковым корпусом овладеть районом Врицена и выйти на фронт Франкфуртер, Вевэ, а сильным передовым отрядом овладеть районом высоты 127,1.

В дальнейшем к исходу второго дня наступления выйти на фронт Сар (1 км юго-восточнее Круге), озеро Бух (1 км юго-восточнее Брунова).

Главный удар нанести левым флангом, в первом эшелоне — две стрелковые дивизии и во втором — одна стрелковая дивизия. Артиллерийская плотность — не менее 300 стволов на один километр фронта…

После совещания в штабе 47-й армии 9 и 10 апреля 1945 года я провел с командованием 125-го стрелкового корпуса рекогносцировку районов переправ и местности в полосе предстоящих боевых действий. Со мною выезжали командующий артиллерией корпуса полковник Н. А. Михеев, корпусной инженер подполковник И. С. Корнеев, начальник оперативного отдела корпуса подполковник Ф. К. Еремин, начальник разведки корпуса подполковник М. Г. Белов. Затем мы обстоятельно обсудили все вопросы предстоящего наступления, приняли предварительные решения.

11 апреля такая же рекогносцировка проводилась с командирами стрелковых дивизий, начальниками служб и родов

войск. После рекогносцировки мы сделали следующие выводы.

Предстоящие боевые действия соединений корпуса должны развиваться на холмистой Бранденбургской равнине. Здесь много озер, которые в некоторых местах примыкают друг к другу. Они превращены в естественные рубежи для обороны фронтом на восток. Озера и большое количество каналов облегчают противнику организацию обороны на промежуточных рубежах. Хорошо развитая сеть шоссейных и грунтовых дорог, укрытых от наблюдения деревьями, обеспечивает скрытное маневрирование резервами.

В глубине обороны противника — равнина, резко пересеченная с различными высотами и лесными массивами.

Местность, занятая нашими войсками, совершенно открытая. Отдельные строения хорошо пристреляны врагом и в силу сложившейся конфигурации переднего края просматриваются со всех сторон и укрытием служить не могут. Глубокие и широкие осушительные каналы мешают быстрому передвижению артиллерии, танков и самоходной артиллерии. Близкое к поверхности залегание грунтовых вод не позволяет окапываться, оборудовать огневые позиции и строить убежища. Невозможность окопаться подвергает большому риску заблаговременное сосредоточение войск.

Таким образом, местность в полосе нашего наступления благоприятствует обороняющимся и крайне невыгодна для наступления.

По данным наземной и воздушной разведки, противник сделал все возможное, чтобы использовать местные условия. Естественные рубежи, узлы дорог, высоты, реки, каналы, озера, канавы и узкие дефиле и в особенности большие и малые населенные пункты гитлеровцы превратили в сильные опорные пункты, приспособленные к круговой обороне с развитой системой траншей и ходами сообщения.

Особое внимание противник обратил на укрепление главной полосы обороны на участке Альте-Одер, Франкфурт-на-Одере против нашего одерского плацдарма. Она состояла из трех позиций, каждая позиция — из двух-трех траншей полного профиля с развитой сетью ходов сообщения, оборудованных как отсечные позиции и промежуточные рубежи. Все позиции, и особенно главной полосы, строились противотанковыми. Они прикрывались мощным артиллерийским огнем и минными полями. Впереди первых траншей на перекрестках и обочинах дорог отрыты хорошо оборудованные ячейки для солдат, вооруженных фаустпатронами. Средняя плотность минирования на важнейших направлениях достигала 2000 мин и более на один

километр фронта. Перед траншеями переднего края — проволочные заграждения в несколько рядов, усиленные спиралью «Бруно» и малозаметными препятствиями.

Гитлеровские заправилы делали последнюю попытку затянуть окончание войны, означавшее крах фашистского режима.

Нашим солдатам, сержантам и офицерам предстояло последнее, но и самое трудное сражение Великой Отечественной войны. Мощным укреплениям врага они противопоставили неукротимую силу духа, возросшие боевую мощь и высокое воинское мастерство.

«На Берлин!» Эти слова вдохновляли всех — от рядового бойца до генерала.

Основные усилия в партийно-политической работе были направлены на обеспечение высокого морального духа, наступательного порыва в войсках. Мы готовили личный состав к тяжелым боям, внушали ему, что разгром берлинской группировки, взятие столицы фашистской Германии приведут к полной победе. В эти дни газета 60-й стрелковой дивизии писала, что приближающаяся «Великая Победа будет актом величайшей справедливости».

В этом же номере приведено заявление на одном из митингов красноармейца Николаева из 128-го отдельного батальона связи: «Я невыразимо рад, что прошел немецкую землю до самого Берлина. Мне не хочется спать, спать ни днем, ни ночью. В эти исторические дни хочется работать так, чтобы обеспечить отличной связью самое быстрое продвижение к центру фашистского логова и самому водрузить над Берлином Знамя Победы».

Воспитанию чувства ненависти к врагу способствовала работа командиров, политработников, направленная на раскрытие звериной сущности фашизма. Еще под Варшавой работники политотделов дивизий уделили много внимания рассказам о злодеяниях гитлеровцев в Майданеке. Политические органы организовали экскурсии в лагерь смерти. От каждой части туда ездило по нескольку человек. По возвращении офицеров и бойцов из концлагеря в частях проводились митинги, в дивизионных газетах появились статьи с рассказами очевидцев, побывавших на этой фабрике уничтожения людей.

Под Шнейдемюлем воины одного из полков 60-й стрелковой дивизии обнаружили во дворе немецкой деревни 22 трупа замученных красноармейцев. Часть из них сожжена, а остальные, видимо, гитлеровцы не успели уничтожить. Помешало наше стремительное наступление. Полк в это время находился на

марше. Поэтому политработники вместе с командирами решили провести митинг прямо у места преступления фашистов.

На коротком митинге выступал подполковник Пометалов, парторг полка Кириченко и некоторые бойцы. Они поклялись отомстить в бою гитлеровским мерзавцам за все их злодеяния.

В эти апрельские дни перед началом наступления мы использовали самые различные формы воспитательной работы среди личного состава. Так, в первых числах апреля 1945 года в торжественной обстановке перед строем был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР и вручены 60-й стрелковой Севско-Варшавской дивизии правительственные награды: орден Красного Знамени и орден Суворова II степени, которых она удостоилась в минувших боях.

Поздравив весь личный состав дивизии с заслуженными высокими наградами Родины, я пожелал им новых боевых успехов в предстоящих завершающих боях с немецкими захватчиками.

Затем выполнил еще одно приятное поручение — вручил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Герою Советского Союза командиру 3-го дивизиона 969-го артиллерийского Пражского ордена Александра Невского полка Владимиру Васильевичу Мыльникову.

После вручения наград состоялся торжественный марш-парад личного состава дивизии. Строгим, четким шагом проходили бойцы и офицеры мимо прославленных Боевых Знамен полков и дивизии. Перед боевыми святынями стояли Герои Советского Союза, кавалеры орденов Ленина, Красного Знамени и Славы.

После окончания парада боец из нового пополнения красноармеец Аукштоние, литовец по национальности, из 4-й стрелковой роты 1281-го стрелкового Пражского Краснознаменного, ордена Суворова полка написал в дивизионной газете:

«Я молодой воин и впервые попал во фронтовую обстановку. Но я вижу, что нахожусь в боевой дивизии, которая сегодня получила две высокие награды правительства. Я обещаю, что хорошо освою военное дело, в предстоящих боях вместе со своими боевыми товарищами и старыми солдатами отомщу гитлеровским варварам за злодеяния, которые они совершили. Мы, воины-литовцы, не посрамим овеянные боевой славой знамена Красной Армии!»

Боевые Знамена! Сколько мобилизующей, зовущей на подвиг силы в их алом пламени! В трудные минуты боя они появлялись среди воинов.

…Накануне прорыва обороны гитлеровцев восточнее Штаргарда в марте 1945 года командир 1281-го стрелкового

орденов Кутузова и Александра Невского полка подполковник Тимофей Афанасьевич Долбоносов, кавалер шести орденов, перед строем полка опустился на колени у развернутого Боевого Знамени и громко произнес, так, что каждый боец его услышал:

— Беспощадно клянусь бить врага, с честью выполнить свой долг перед Родиной!

Эту клятву вслед за командиром полка повторили все красноармейцы, сержанты и офицеры.

Личный состав полка в наступлении блестяще выполнил боевую задачу, и его Боевое Знамя увенчала еще одна награда — орден Суворова III степени, а всем бойцам и командирам Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

В критические минуты боя командир 1283-го стрелкового орденов Суворова и Богдана Хмельницкого полка подполковник Киреев прошел с развернутым Боевым Знаменем по траншеям батальонов первого эшелона и призвал бойцов выполнить свой ратный долг.

Вид Боевого Знамени, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого вдохновил воинов. Они сумели прорвать оборону противника. В память о их героизме полк получил почетное наименование Померанский.

Приказами Верховного Главнокомандующего от 4 марта 1945 года и от 20 марта 1945 года за отличные боевые действия личному составу 1283-го стрелкового полка была объявлена благодарность.

13 апреля 1945 года соединения 125-го стрелкового корпуса получили приказ совершить марш к Одеру и переправиться на плацдарм. Благодаря четкой работе инженерно-саперных подразделений переправа проходила быстро, организованно.

Стрелковые полки под покровом ночи сосредоточились в лесу у Одера северо-западнее Целлина.

Плацдарм. В это слово обычно вкладывается смысл — большое пространство, с хорошими подъездными и скрытыми путями. Ничего этого не было на нашем так называемом плацдарме, а потому мы его назвали пятачком. На нашем пятачке, где корпус занимал не более четырех квадратных километров, 60-я стрелковая дивизия — правофланговая первого эшелона по фронту — получила участок прорыва 1100 метров, а левофланговая 175-я стрелковая дивизия — до 900 метров.

На пятачке предстояло разместить в строгих боевых и огневых порядках дивизии, полки, батальоны, дивизионы, роты, батареи, командные и наблюдательные пункты от стрелкового корпуса до роты — батареи — центры управления боем, приданные и поддерживающие соединения и части. Тысячи

людей, орудий, минометов, танки, самоходную артиллерию, тягачи и автомашины, кроме того, нужно было скрыть от глаз противника.

Перед фронтом 125-го стрелкового корпуса противник ночью держал свои основные силы в первой и второй траншеях; в светлое же время оставлял здесь только наблюдателей. Главные силы отводились на отдых в укрытия. Отвод подразделений в укрытия и вывод их в траншеи первой линии производился утром. Гитлеровцы, чувствуя приближение нашего наступления, в течение дня 15-го и ночи на 16 апреля по фронту и в глубине обороны смещали свои боевые порядки то к северу, то к югу, то к востоку, то к западу, к рубежу Врицена.

Появилось много кочующих артиллерийских и минометных батарей. Эти обманные перемещения боевых порядков в главной полосе обороны противника для нас, бойцов переднего края, были понятны. Противник делал все, чтобы как-то укрыться от ожидаемого им нашего огневого удара.

Уже после Победы на пресс-конференции 9 июня 1945 года Маршал Советского Союза Г. К. Жуков скажет: «Немцы ожидали наш удар. Поэтому, предполагая, что они ожидают наш удар именно на берлинском направлении, мы очень долго думали над тем, как бы организовать его внезапно для противника. Для того чтобы преподнести немцам внезапность в крупном масштабе, я, как командующий, выбрал способ внезапной атаки ночью всем фронтом. Прежде всего нами была проведена ночная артиллерийская подготовка, чего, по показаниям пленных, немцы не ожидали. Они предполагали, что мы, возможно, будем действовать ночью, но не думали, что это будет главная атака. Вслед за артиллерийской подготовкой нами была проведена ночная танковая атака. В эту атаку нами было брошено более четырех тысяч танков при поддержке 22 тысяч стволов артиллерии и минометов. С воздуха удар сопровождался четырьмя-пятью тысячами самолетов, начавшими действовать еще ночью… Чтобы помочь танкам в ориентировке ночью, мы применили никем не проводившуюся до сих нор ночную подсветку прожекторами.

…Применением этой новинки мы имели в виду не только подсветить нашим танкам и пехотинцам, но и ослепить противника, чтобы он не смог вести точный, прицельный огонь»[13].

Таков был замысел командующего 1-м Белорусским фронтом. В те же часы ожидания вместе с другими соединениями активно готовились к его осуществлению воины и нашего 125-го стрелкового корпуса. В 20 часов 30 минут 15 апреля 1945 года я

доложил командующему 47-й армией генерал-лейтенанту Ф. И. Перхоровичу о готовности выполнить боевую задачу.

Настали волнующие минуты. Меня часто спрашивают: скажите, что вы переживали в неповторимое время штурма Берлина? Интерес молодых, выросших после войны людей вполне понятен. Они ищут и будут настойчиво искать, какие заметки оставили фронтовики в дневниках, письмах, статьях, книгах, приказах, докладах, донесениях, будут искать ответа, о чем мы, их деды, отцы, матери, думали в этот исторический славный час?

Как один из участников заключительной битвы с фашизмом — вершины советского военного искусства, вобравшей все лучшее, что было приобретено в ходе тяжелой четырехлетней борьбы с гитлеровской армией, хочу ответить на этот вопрос словами рядовых участников боев тех незабываемых дней.

Красноармеец 1-й пулеметной роты 1285-го стрелкового Пражского Краснознаменного, ордена Суворова полка 60-й стрелковой дивизии Ющенко сказал перед боем: «Сейчас нам прочитали Обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта — настал час последнего возмездия гитлеровским варварам за совершенные ими злодеяния и преступления. Велика и могуча сила Красной Армии, и эту силу, которую мы несем, мы беспощадно обрушим на голову врага. Мы выполним приказ Родины — через два часа пойдем вперед к победе».

Красноармеец Кузнецов из 5-й роты 2-го стрелкового батальона 216-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии заявил: «Я рад, что дожил до этого исторического дня, когда мы приступаем к решительному штурму Берлина. Я не пожалею своих сил и жизни и выполню боевой приказ».

Тяжело раненный в первых боях битвы старшина пулеметной роты 277-го стрелкового Карельского Краснознаменного, ордена Суворова полка 175-й стрелковой дивизии, член ВКП(б) А. Рахимбаев сказал: «Не жалко, что ранен, а жалко, что до Берлина не дошел!» Ему вторил красноармеец 6-й роты 278-го стрелкового Ревдинского орденов Суворова и Кутузова полка 175-й стрелковой дивизии Иван Захарович Желдин: «Я очень жалею, что ранен. Я бы хотел еще мстить немцам, потому что они убили моих двух сыновей».

Можно и дальше приводить высказывания героев битвы за Берлин. Все они в те памятные часы перед нашим решительным наступлением на логово фашистского зверя думали о Родине, о выполнении священного долга перед ней. И не случайно в историческую ночь на 16 апреля 1945 года в партийные организации 1-го Белорусского фронта поступило свыше 2 тысяч заявлений от бойцов и командиров, решивших идти в бой

коммунистами.

В партию и комсомол принимались бывалые воины-фронтовики, отличившиеся в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Перед началом Берлинской операции на собрании первичной партийной организации 3-го дивизиона 969-го артиллерийского Пражского ордена Александра Невского полка был принят в члены ВКП(б) командир орудия этого дивизиона казах сержант Муссамим Бекжегитов, как особо отличившийся в боях с немцами в городах Шнейдемюль и Альтдамм. При ликвидации плацдарма противника на правом берегу Одера его орудие находилось на прямой наводке и в упор расстреливало фашистов. 15 марта 1945 года расчет Бекжегитова вместе со стрелками отбил три контратаки противника и при этом подбил два самоходных орудия и уничтожил более 15 гитлеровцев.

В своем заявлении Бекжегитов писал: «Прошу первичную парторганизацию 3-го дивизиона принять меня в члены ВКП(б), так как я хочу быть членом той партии, которая ведет нас к полной победе над врагом. В завершающих боях не пожалею сил, а если понадобится — и жизни, чтобы выполнить любой боевой приказ командования. Звание члена партии в боях оправдаю с честью».

Кандидатом в члены ВКП(б) в ночь на 16 апреля 1945 года был принят наводчик 120-мм минометной батареи 1281-го стрелкового полка, Герой Советского Союза младший сержант Петр Петрович Шляхтуров.

В ту же ночь помощник начальника политотдела 60-й стрелковой дивизии по комсомолу капитан И. Граб вручил комсомольские билеты красноармейцу 1285-го стрелкового полка Сухарскому, сержанту Мишагину, младшему лейтенанту Чепкасову и другим. Получая билет, командир стрелкового отделения Федор Мишагин заявил: «Я рад, что получаю комсомольский билет в таких решающих боях с фашистами. Я буду воевать так, чтобы вместе с моими товарищами первыми прийти в Берлин и водрузить в нем Знамя Победы».

Свое слово комсомолец Мишагин сдержал. После артиллерийской подготовки 16 апреля 1945 года Мишагин первым поднялся в атаку и смело пошел вперед, ведя за собой отделение. В этом бою он убил из автомата трех гитлеровцев. Когда противник предпринял контратаку, Мишагин сказал своим бойцам: «Ни шагу назад! Лучше умрем, чем отдадим занятый рубеж. Мы удержим его».

И они выстояли.

Комсомольский билет получил также командир стрелкового взвода 7-й стрелковой роты 1283-го стрелкового полка младший

лейтенант Чепкасов. Он заслужил высокое звание — комсомолец. В боях за Ной-Левин Чепкасов первым поднял свой взвод в атаку, личным примером воодушевил бойцов. Будучи раненным, командир взвода остался в строю.

Вопросы роста партийных и комсомольских рядов всегда были в центре внимания политических отделов корпуса и дивизий. К началу Берлинской операции партийные и комсомольские организации у нас были созданы во всех стрелковых ротах и батареях. Все это имело исключительно большое значение в повышении боеспособности частей и соединений.

Солдаты ближнего боя

16 апреля в 5 часов утра вздрогнула и застонала земля за Одером. Вся артиллерия корпуса, армии и фронта открыла огонь одновременно строго по намеченному плану. Он велся по ранее пристрелянным целям. Наша 47-я армия прорывала оборону противника на фронте 4,3 километра. В артиллерийской подготовке участвовало 20 артиллерийских полков, 3 артиллерийские бригады, 7 минометных полков, 2 полка и бригада гвардейских минометов, 5 самоходно-артиллерийских полков. Всего около трехсот стволов на один километр фронта.

На каждое орудие приходилось три комплекта боеприпасов, на каждый миномет — четыре. Такого не было за всю войну!

Позиции противника утонули в море огня, воздух наполнился сплошным гулом.

Большинство огневых точек противника на первой позиции подавлено, опорный узел в Ной-Левине разрушен на 90 процентов. Гитлеровцы в третьей и четвертой траншеях первой позиции (две траншеи первой позиции с узлом обороны Гизхов, Мерин, Грабен были захвачены в ходе разведки боем 14 апреля 1945 года) не смогли оказать организованного сопротивления, часть немецких солдат, засевших в глубоких каменных подвалах, оказалась настолько морально подавлена, что не оказала никакого сопротивления. На некоторых участках прорыва на 100 метров по фронту приходилось 2–3 разбитых пулемета, 4–5 разрушенных пулеметных площадок и 5–7 прямых попаданий в траншеи.

Вот что показали пленные пехотного полка «Байер» 606-й пехотной дивизии особого назначения об эффективности проведенной артиллерийской подготовки:

«Наша рота имела четыре станковых пулемета, но, когда русские поднялись в атаку, ни один пулемет не работал, оказалось, что три пулемета были разбиты, а у четвертого уничтожена прислуга. Мне не раз приходилось испытывать силу русской артиллерии, но подобного тому, что было 16 апреля 1945 года, я не видел».

«Огонь русской артиллерии произвел на солдат ошеломляющее впечатление. Унтер-офицеры не могли добиться от нас выполнения даже самых простых приказов. Все солдаты как будто потеряли разум, хотя большинство из них не раз участвовали в боях. Во время артиллерийского налета одни прятались в блиндажах, другие залегли вниз лицом в траншеях и молились богу, и только с началом атаки русских офицеры под

угрозой оружия заставили нас вылезать из укрытий, русская пехота уже появилась в наших траншеях».

Двадцать пять минут бушевал огневой шквал над позициями гитлеровцев. За пять минут до окончания последнего артиллерийского налета пехота начала выдвижение к переднему краю обороны противника. На участке 175-й стрелковой дивизии пехота подошла вплотную к разрывам своих снарядов и за две минуты до окончания последнего огневого налета потребовала переноса огня на первый рубеж огневого вала.

В 5.25 по сигналу зеленых ракет пехотинцы сделали бросок. Одновременно атаковали шесть усиленных штурмовых батальонов и две отдельные стрелковые армейские роты.

Воины 60-й и 175-й стрелковых дивизий атаковали дружно, организованно, уверенно управляемые героями ближнего боя — командирами взводов, рот и батальонов.

Штурмовые батальоны стрелковых полков, прижимаясь к огневому валу, безостановочно преодолевали первые две линии траншей противника, проходящие по полотну железной дороги от станции Ной-Левин к высоте с отметкой 6,5. Успешно действовали они на восточной окраине и в центре опорного узла Ной-Левин. Не замедляя темпа атаки и не отставая от огневого вала, прижимаясь к его разрывам, бойцы с ходу перемахнули проходящий по центру Ной-Левина канал Штадт-Грабен.

Уцелевшие огневые точки противника оживали. Враг на противоположном берегу капала Штадт-Грабен упорно сопротивлялся, пытаясь остановить наше наступление. В воздухе появились «мессеры», «фокке-вульфы». Но вскоре они были отогнаны нашими истребителями.

Когда на рассвете 16 апреля 1945 года части 175-й стрелковой дивизии овладели третьей линией траншей первой позиции главной полосы обороны противника юго-восточнее Ной-Левина, то неожиданно встретили отчаянное сопротивление гитлеровцев у канала Штадт-Грабен, противоположный берег которого был сильно укреплен.

Командир 334-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского Верхне-Днепровского Краснознаменного полка гвардии подполковник Федор Александрович Горащенко развернул свои батареи почти у уреза канала и во взаимодействии с артиллеристами и минометчиками с близкого расстояния начал расстреливать противника, оборонявшего противоположный берег. Пехота штурмовых батальонов под прикрытием артиллерийско-минометного огня на лодках и вплавь на подручных средствах, найденных здесь же у канала, переправилась на противоположный берег канала и овладела

четвертой (основной) траншеей первой позиции главной полосы обороны противника. Как всегда, в первых рядах атакующих были коммунисты.

За годы Великой Отечественной войны мне пришлось работать и встречаться со многими большевиками ленинского закала, в том числе политическими работниками различных звеньев. Однако особенно запомнились мне методы и стиль работы начальника политического отдела 60-й стрелковой дивизии подполковника Сергея Павловича Погорелого. Коммуниста с 1930 года война сделала кадровым политработником. Политработником по призванию. До войны он был на партийной работе, постоянно и тесно связан с людьми. Это и помогло Сергею Павловичу быстро войти в армейскую семью. Он практически освоил и познал работу политрука роты, старшего инструктора пропаганды и агитации политотдела дивизии, заместителя начальника политотдела дивизии, начальника политотдела отдельной лыжной бригады. В ноябре 1943 года стал начальником политического отдела 60-й стрелковой дивизии.

Сергей Павлович умел видеть в малом большое, за частностью не терять главное. Он считал одинаково важным политическое обеспечение боевого охранения и взлома главной полосы обороны противника. Питание войск, обеспечение боеприпасами, работа с ранеными, расстановка партийно-комсомольских кадров, подготовка к атаке штурмовых батальонов — эти участки были постоянно в центре его внимания. К каждому бойцу у него был свой подход, и люди верили своему начальнику политического отдела дивизии, шли за ним.

Приезжая в 60-ю стрелковую, я чувствовал потребность во встречах с Погорелым. В разговорах с ним открывалась широкая панорама жизни и быта людей на войне, узнавались их нужды и заботы. Часто случалось, что подполковника подолгу не было в политотделе и штабе дивизии. Его посылали искать. Найдут и привезут в штаб дивизии.

— Садись, Сергей Павлович, — говорил я ему, — надо обменяться мыслями.

Потом как-то само собой получалось, что делился своими соображениями о характере боев, о настроении бойцов и офицеров опять-таки Погорелый, а я превращался в заинтересованного слушателя. Начальник политотдела считал своим долгом в первую очередь говорить о недостатках, мешающих общему делу. Это была партийная критика, нелицеприятная, но необходимая, чтобы жить чище, работать лучше.

Встречались мне люди, которые на собраниях и заседаниях могли говорить красиво. Но говорить правильно и красиво — это еще не все. Главное, уметь подтвердить слова делами, поступками. Начподив-60 подтверждал их каждый день. Так получилось и сегодня, 16 апреля 1945 года, когда разгорелся бой за Ной-Левин. Начальник политотдела дивизии подполковник С. П. Погорелый и командир дивизии полковник Г. С. Иванов, находясь на НП дивизии, хорошо понимали: если темп атаки в центре боевого порядка дивизии спадет, то наступление захлебнется. А все шло именно к этому. В стереотрубу было отлично видно, как остановился один, затем второй боец, залегло отделение, взвод. Огневой вал возвратился. Тревожно стало на сердце командира.

Начальник политотдела дивизии снял висевшую на гвозде солдатскую каску. Вскоре он появился именно там, где залегла стрелковая цепь. Вдруг все изменилось на поле боя. Бойцы поднялись в атаку. Огневой вал пошел вперед.

Отброшенные на запад гитлеровцы и на других участках пытались закрепиться на противоположном берегу канала. Используя выгодное начертание берега и заранее подготовленные позиции, они остановили еще один стрелковый батальон, фланг которого прикрывал пулеметный взвод под командованием младшего лейтенанта Грищенко. Молодой офицер принял смелое решение. Огнем станковых пулеметов с фронта он прижал противника к земле, а четыре бойца с гранатами переправились незаметно через канал на левом фланге гитлеровцев. А еще два бойца переправились на их правом фланге. Гитлеровцы не заметили этого маневра, внимание их было отвлечено действиями с фронта. Через 20 минут в гитлеровцев с флангов полетели гранаты.

Внезапность нападения пулеметчиков вызвала панику в рядах противника, бойцы батальона перебрались через канал и продолжили наступление. В результате смелых, активных действий и разумной инициативы младшего лейтенанта Грищенко было взято в плен 13 человек, на поле боя осталось до 20 убитых и раненых, остальные в панике бежали.

Командир штурмового батальона 277-го стрелкового полка майор С. Т. Орлов использовал инициативу командира пулеметного взвода младшего лейтенанта Грищенко. На плечах отброшенного врага батальон захватил на противоположном берегу канала Штадт-Грабен четвертую траншею противника. Гитлеровцы, обеспокоенные смелыми и решительными действиями штурмового батальона 277-го стрелкового полка, сосредоточили на северо-западной окраине Альт-Левина

усиленные танками и самоходными орудиями подразделения пехотного полка «Петри». В итоге предпринятой ими контратаки воины 277-го стрелкового полка оказались прижатыми к каналу. Без поддержки артиллерии их положение стало критическим.

Напряженный ритм боя потребовал от командира 277-го стрелкового Карельского Краснознаменного полка быстрого принятия решений, благодаря которым инициатива снова могла перейти в руки наступающих. С наблюдательного пункта полка майор Аркадий Карлович Шмыгун хорошо видел действия передового штурмового батальона. Опытный фронтовик, награжденный орденами Красного Знамени и Суворова III степени, сумел правильно оценить обстановку. Он бросился к переправе, строительство которой замедлилось под огнем врага. Вместе с первыми орудиями переправился на противоположный берег. Появление командира полка, его личная храбрость воодушевили бойцов. Батальон устоял. Отразил ожесточенные контратаки противника. По проведенной переправе подошли самоходные орудия 334-го гвардейского тяжелосамоходного артиллерийского полка и артиллерия непосредственного сопровождения пехоты. Огнем, броней, маневром противник был отброшен. Батальоны пошли вперед, на запад.

Как здесь не вспомнить слова Маршала Советского Союза И. С. Конева из книги «Сорок пятый» о людях, подобных майору Шмыгуну: «…командир полка был на войне тем мастером, без которого не обойтись в любом деле, в любом цехе, тем более в цехе войны. Без мастера — знатока всех элементов данного производства — дело так же не пойдет, как на войне без командира полка — знатока всех элементов организации общевойскового боя.»[14]

Аркадий Карлович Шмыгун, как и многие другие храбрейшие офицеры, не дожил до светлого Дня Победы. Он, форсировавший Сож, Десну, Днепр, Березину, Вислу, Одер, пал смертью храбрых у неотмеченного на картах канала Штадт-Грабен, находясь в боевых порядках штурмового батальона. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Вторая половина первого дня наступления прошла в непрерывных боях. Частыми контратаками противник пытался остановить продвижение наших подразделений. Но вот что характерно: в донесениях командиров дивизий, поступавших в штаб корпуса, при трезвой оценке сложившейся обстановки чувствовалась уверенность в том, что поставленные задачи будут выполнены. Эта уверенность исходила, на мой взгляд, от абсолютной убежденности в высоких боевых возможностях войск. В заключительном сражении за Берлин трудно было найти

отделение, расчет, взвод, роту, батарею, воины которых не проявили бы в боях кроме мужества и отваги зрелое ратное мастерство, смекалку, военную хитрость. Благодаря этим качествам, как никто иной, всегда добиваются успеха скромные труженики войны — саперы. Хотелось бы сказать о них несколько добрых слов.

Накануне наступления командир саперного взвода из 277-го стрелкового полка младший лейтенант Михаил Чупахин под огнем врага лично проделал проход через проволочное заграждение и минные поля противника, сняв при этом более 100 мин. На следующий день вместе с подчиненными вновь под огнем Чупахин навел мост через канал Штадт-Грабен и только после вторичного ранения был эвакуирован в госпиталь, где позднее мне довелось вручить ему орден Красного Знамени.

Выполняя боевую задачу по проделыванию проходов для артиллерии и самоходных артиллерийских установок, отличились саперы 696-го отдельного саперного батальона. Они работали всегда качественно, с проявлением инициативы, смекалки и отваги, что способствовало достижению ими боевых результатов с минимальным расходом сил и средств, с сохранением для Родины жизни бойцов и больших материальных ценностей. В ходе боев 16 апреля 1945 года саперы сняли 289 противотанковых, 132 противопехотные мины, 48 фугасов натяжного действия и обезвредили 43 снаряда.

Герой Советского Союза младший сержант Ивлиев обезвредил 120 противотанковых мин, сержант Чернышев со своим отделением снял 160 противотанковых мин. И это днем, под огнем врага!

Между тем завершались первые сутки нашего наступления. Закончились они мощнейшим огневым ударом всей артиллерии корпуса, который мы провели по предложению командующего артиллерией полковника Н. А. Михеева, по Терингевердеру и другим населенным пунктам, превращенным гитлеровцами в мощные опорные пункты. Это позволило передовым штурмовым батальонам 60-й и 175-й стрелковых дивизий выйти на рубеж третьей позиции противника.

Соединениям корпуса во взаимодействии с соседями удалось взломать главную оборонительную полосу противника, разгромив при этом 606-ю немецкую пехотную дивизию с частями усиления. Наши войска с боями форсировали канал Штадт-Грабен, реку Вольцине и более десяти мелиоративно-осушительных каналов, которые использовались гитлеровцами как естественные рубежи обороны, усиленные железобетонными укреплениями.

В ночь на 17 апреля 1945 года начальник штаба 125-го

стрелкового корпуса полковник Григорий Филиппович Грушевский так оценил сложившуюся обстановку: соединения корпуса к 1.00 17 апреля 1945 года овладели двумя позициями главной полосы обороны противника, вышли на рубежи западнее линии железной дороги Борегард — Терингсвердер. Ближайшая задача корпуса, овладев третьей позицией противника Боховслоз, Альт-Блисдорф, с ходу захватить вторую полосу обороны в районе Форштадта. До переднего края второй полосы обороны противника около 5 километров. Здесь предстоит овладеть третьей позицией главной полосы обороны противника, состоящей из трех заранее подготовленных рубежей. По данным разведки, эти рубежи заняты свежими, хорошо подготовленными войсками.

Противник занимает командные высоты, хорошо просматривает все наши боевые порядки. Кроме реки Вольцине и каналов Ноер-Кан и Альтер-Кан имеются более десятка глубоких и широких осушительных каналов, которые создают особые трудности при перемещении нашей артиллерии.

Проанализировав сложившуюся обстановку, я поставил соединениям корпуса следующие задачи.

Во взаимодействии с соседом справа 60-я стрелковая дивизия огнем и маневром взламывает оборону противника в районе Екельсбрука. Слева во взаимодействии со 132-й стрелковой дивизией 175-я стрелковая дивизия овладевает железнодорожным мостом и форсирует реку Вольцине.

В последующем сходящимися ударами 60-я и 175-я стрелковые дивизии в направлении Остерманшоф фланговыми ударами свертывают оборону противника юго-западнее Боховслоза. В дальнейшем сосредоточенным ударом главные силы корпуса в направлении южнее Остерманшофа с ходу форсируют каналы Ноер-Кан, Альтер-Кая и овладевают населенным пунктом Форштадт.

Снова начались тяжелые, кровопролитные бои. Каждая сотня метров, отбитая у противника, давалась ценой немалых потерь. В этих условиях важен был поиск разведчиков.

В ночь на 18 апреля разведке 277-го стрелкового полка удалось установить, что участок канала Ноер-Кан, северо-западнее Альт-Блисдорфа, прикрыт небольшим заслоном противника, а западнее его войск нет.

Войсковой разведчик — первый боец в цепи наступающих. Своими наблюдениями он проникает в замысел противника, вскрывает его намерения и помогает командиру принять наилучшее и своевременное решение. Это незамедлительно и сделал командир полка подполковник Николай Алексеевич

Кузнецов.

3-й стрелковый батальон полка под командованием майора С. Т. Орлова под покровом ночи, прикрываясь отдельными строениями населенного пункта Альт-Блисдорф, на подручных средствах форсировал Ноер-Кан. В быстротечной рукопашной схватке уничтожил небольшую группу гитлеровцев, оборонявших траншеи на другом берегу канала. Не задерживаясь, бойцы 3-го стрелкового батальона направились к берегу канала Альтер-Кан. Здесь, как и доложили наши полковые разведчики, противник не ожидал появления наших подразделений, а потому не имел на этом участке ни живой силы, ни огневых средств.

Как потом выяснилось, это было связано с тем, что гитлеровцы в течение дня понесли большие потери, особенно в районе Боховслоза.

277-й стрелковый полк с ходу двумя батальонами стремительно форсировал канал Альтер-Кан и к 5.00 18 апреля 1945 года неожиданно для противника подошел к северовосточной окраине Блисдорфа.

Командир 175-й стрелковой дивизии полковник Захар Петрович Выдриган ввел в наметившийся прорыв 282-й стрелковый Свердловско-Варшавский ордена Кутузова полк. Командир полка подполковник Николай Селиверстович Лазебников быстро организовал форсирование обоих каналов. Одновременный удар двух стрелковых полков позволил 175-й стрелковой дивизии во взаимодействии с соседом слева, частями 132-й стрелковой дивизии, на заре 18 апреля 1945 года овладеть опорным пунктом на второй полосе обороны немцев Блисдорфом и участком шоссе Врицен — Вевэ.

Таким образом, вторая полоса обороны гитлеровцев на берлинском направлении оказалась взломанной нашими войсками.

«Сражение выигрывает не разведчик, а народ, армия. Но разведчик, как показывает опыт, не последний, а первый боец в цепи воюющих, наступающих. Выдвинувшись далеко впереди атакующего вала, он, разведчик, помогает не автоматом, он помогает прежде всего быстрым и глубоким умом, способностью мгновенно осмыслить совершенно неожиданную информацию, проникнуть в замысел противника, предвосхитить его шаги», — писал Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

За проявленную инициативу по использованию разведывательных данных, мастерское, уверенное командование подразделениями полка в ночном бою с форсированием с ходу двух водных преград, овладение с наименьшими потерями опорным пунктом противника подполковник Николай Алексеевич

Кузнецов награжден орденом Суворова III степени. Этой же награды удостоился и командир батальона майор Степан Трофимович Орлов.

Орденами и медалями были отмечены и ратные дела большой группы полковых разведчиков, в том числе разведчиков отдельной разведывательной роты 175-й стрелковой дивизии. Сержант М. Поведнов и рядовой А. Хитеев, наиболее отличившиеся в разведке близ Блисдорфа, награждены орденом Славы III степени.

Вторая половина дня 18 апреля 1945 года запомнилась мне еще одним ярким проявлением мужества и боевой дерзости наших бойцов.

— Товарищ генерал, — обратился ко мне прибывший на наблюдательный пункт корпуса командир 207-го пушечного артиллерийского полка 10-й пушечной бригады 6-й артиллерийской дивизии РГК полковник Владимир Денисович Морозов, — положение складывается сложное: стрелковые подразделения и штурмовые группы вклинились в оборону противника между его опорными пунктами и каменными зданиями. Они подвергаются интенсивному обстрелу и непрерывным контратакам. В такой ситуации огонь моих пушкарей с закрытых позиций мало что дает. Разрешите повторить маневр наших отцов — артиллеристов гражданской войны.

— Что за маневр? — не сразу понял я.

— Батько мой рассказывал, что в самый напряженный момент боя красные артиллеристы на галопе занимали открытые огневые позиции и в упор расстреливали врага. У нас сейчас все цели разведаны, можем рискнуть.

— Дело говоришь, полковник, — не удержался я от похвалы. — Давай действуй, бог войны!

То, что я увидел вскоре на юго-восточной окраине Форштадта и мехзавода, превзошло все ожидания. Под прикрытием домов расчеты выкатили 152-мм пушки на открытые огневые позиции и метко ударили по врагу. Удар наших орудий прямой наводкой ошеломил гитлеровцев. Они дрогнули и побежали под натиском поднявшихся в атаку подразделений. Невольно подумалось: история склонна к повторениям. Ведь именно несколько южнее этих мест 186 лет назад в сражении при Кунерсдорфе в 1759 году русская пехота и артиллерия одержали блестящую победу над пруссаками. Всем участникам сражения были выданы медали с выбитыми на них словами: «Победителю над пруссаками».

Высокие награды Родины заслужили многие бойцы и командиры, отличившиеся при взятии Форштадта, а сын

артиллериста гражданской войны командир 207-го пушечного артиллерийского ордена Богдана Хмельницкого полка полковник Владимир Денисович Морозов стал Героем Советского Союза.

19 апреля войска 47-й армии, подтянув артиллерию, к полудню готовились перейти в наступление в целях прорыва третьей полосы обороны противника.

Накануне наступления я побывал в 175-й стрелковой дивизии. На командном пункте полковник Выдриган, сверкая свежевыбритой головой, усталый и бледный от бессонных ночей, радостно подкручивал длинные усы. У него на КП находились командир и замполит приданного корпусу 334-го гвардейского тяжелого самоходного полка из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

— Вовремя прибыли, товарищи, — радостно приговаривал Выдриган. Подполковников Ф. Горащенко и П. Трофимова он знал давно. Еще летом и осенью 1944 года гвардейцы-артиллеристы продолжительное время воевали в составе дивизии под Варшавой.

С того времени многое изменилось. Уже не было в дивизии веселого, энергичного начальника штаба подполковника Ивана Васильевича Соловьева, он теперь командовал соседней дивизией. Командир одного из передовых полков полковник А. З. Верин стал заместителем Выдригана. Шустрый, худенький, небольшого роста, начальник разведки дивизии капитан Э. Г. Казакевич, который по поручению комдива часто связывался с артиллеристами, переведен в штаб армии. Едва ли кто предполагал тогда, что этот внешне скромный и малоразговорчивый разведчик после войны станет крупным советским писателем. Многие герои его произведений — живые люди, воины 175-й стрелковой дивизии.

Разговор длился недолго. Комдив интересовался наличием боекомплектов, горючим и составом экипажей. Он знал, что гвардейцы недавно за Одером получили новые машины, вооруженные 122-мм пушками, с длинными стволами, способными пробить броню любого вражеского танка, в том числе и «тигра».

— Тяжелые танкисты люди добрые. С их техникой воевать — сам черт не страшен, — приговаривал полковник.

Самоходные артиллерийские установки были поставлены на шасси тяжелых танков КВ и во всем походили на танк, кроме того, что у них башни не поворачивались, как у танка. Поэтому Выдриган неизменно называл самоходчиков тяжелыми танкистами.

— Товарищи, — сказал командир дивизии, — в нашем

распоряжении очень мало времени. В 12.00 мы начнем атаку. — Он наклонился над картой и обвел красным карандашом отметку железнодорожной станции. — По данным разведки, здесь закопаны вражеские танки и много орудий. Особенно опасны зенитные батареи. Их немцы используют против танков…

Бой начался в полдень. Наша тяжелая артиллерия и бомбардировщики с воздуха долго «обрабатывали» передний край противника, который еще пытался удержаться, имея выгодную позицию — высоту.

Особенно было трудно подойти к противнику пехоте. Атака захлебывалась под сильнейшим ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Но вот наши нащупали слабинку врага. Справа в заболоченном кустарнике показались самоходки лейтенанта Александра Мезенцева. За ними шла пехота…

Теперь, когда смотришь на штабную карту, ясно представляешь, почему от Маршала Советского Союза Г. К. Жукова поступил новый приказ войскам.

Дело в том, что наибольший успех 16 и 17 апреля был достигнут на правом фланге ударной группировки фронта в полосе наступления 47-й и 3-й ударной армий. Командующий 1-м Белорусским фронтом 18 апреля изменил направление их ударов. Приказал 3-й и 5-й ударным армиям и 2-й гвардейской танковой армии быстрее выйти к северовосточной окраине Берлина, а нашей 47-й армии и 9-му гвардейскому танковому корпусу ударом в направлении Газельберг, Байерсдорф, Бернау, Шильдов, Хермсдорф начать охват Берлина с севера и северо-запада[15].

С утра 18 апреля 1945 года в районе Бацлова в полосе 3-й ударной армии в бой был введен 9-й гвардейский танковый корпус гвардии генерал-майора танковых войск Н. Д. Веденеева, который, наступая в направлении Бацлов, Херцхорн, Штернебек, Лойенберг, Шенфельд, частью сил прошел в полосе соседа слева — 129-го стрелкового корпуса нашей 47-й армии — и во взаимодействии с его частями в 17.00 19 апреля прорвал в районе Штернебека третью полосу обороны противника. Используя успех танкистов, соединения 129-го стрелкового корпуса к исходу 19 апреля подошли к озеру Маркграф, вклинились в оборону противника более чем на 5 километров, продолжая наступление на запад.

Используя успех соседа слева, в ночь на 20 апреля 125-й стрелковый корпус совершил марш-маневр частями 76-й и 60-й стрелковых дивизий с обходом с юга озера Гроссерзее, вышел на фланг и в тыл противнику на рубежах его третьей полосы обороны.

Гитлеровцы, опасаясь окружения, начали откатываться в северо-западном и западном направлениях, стараясь оторваться от наших войск и своевременно занять последующие подготовленные рубежи на берлинском направлении.

В 175-й и 76-й стрелковых дивизиях, действовавших в первом эшелоне корпуса, преследование отступающего противника возлагалось на усиленные передовые отряды в составе стрелковых полков. Пехотинцы были посажены на автомашины и броню 1892-го самоходного и 334-го гвардейского тяжелого самоходного полков. За ними следовали главные силы дивизий, свернутые в колонны.

Самоходчики первыми врываются в Бернау. Через некоторое время я доложил командующему армией:

— Город взят войсками 125-го стрелкового корпуса. Переношу сюда свой передовой командный пункт…

Весна за Одером все более властно вступала в свои права. Сквозь дым пожарищ сияло солнце. Но на что стали похожи уютные пригороды Берлина, застроенные дачами, особняками, дворцами немецких богатеев! Война всюду оставила следы: громоздятся противотанковые надолбы, зияют воронки, развалины разрушенных бомбежкой домов. В подвальных помещениях, приспособленных под огневые точки, брошены тонны патронов, снарядов, упакованные снарядные ящики, пулеметы, пушки, и всюду трупы немецких солдат.

Фашисты ожесточенно обороняются: они цепляются за каждый населенный пункт, за каждый дом. По-прежнему сплошным оборонительным сооружением противника является местность, изобилующая большим числом рек, искусственных каналов, которые во время весеннего половодья представляют естественные труднопроходимые препятствия.

Но логово врага совсем близко. Проезжая в Бернау, я увидел на перекрестке широкой шоссейной дороги покосившуюся дорожную указку с крупными немецкими буквами — «Берлин».

Возле нее хлопотал лейтенант Саша Соловьев, комсорг 334-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского полка, прибивавший на этом столбе заранее приготовленный кусок фанеры, на котором написано по-русски: «Вперед, товарищи, на Берлин!»

Отлично действовали самоходчики! Начальник политотдела корпуса рассказал мне о подвиге командира 1822-го самоходного артиллерийского Краснознаменного полка майора Леонида Семеновича Данилюка. На южной окраине Бернау подразделения, которыми он командовал, встретили яростное сопротивление противотанковой артиллерии противника и фаустников. Находясь

в головной самоходной установке, майор Данилюк принял весь огонь врага на себя. САУ получило сквозную пробоину, но, несмотря на это, командир полка, подавляя огневые точки гитлеровцев, продолжал увлекать за собой подчиненных. О беспримерной отваге майора ходили легенды, о его подвигах рассказывали боевые награды: три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны II степени. За взятие Бернау к ним добавились орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Не отставали от артиллеристов в ратной доблести и пехотинцы, которых они прикрывали огоньком. В боях за Бернау в 277-м стрелковом полку были ранены командиры сразу трех стрелковых рот. Командир пулеметной роты старший лейтенант Кудрат Сафан объединил подразделения под своим началом. Умелым тактическим маневром он вывел их в тыл противника и грамотно управлял боем, в результате чего было уничтожено до 50 гитлеровцев, подавлено пять огневых точек, захвачено пять брошенных в панике самоходных орудий. Старшему лейтенанту Кудрату Сафану за этот бой позднее я вручил орден Красного Знамени.

Какие прекрасные командные кадры были воспитаны Коммунистической партией в годы Великой Отечественной войны! Беззаветная любовь к Родине вызвала у мирных советских людей гнев и ненависть к немецко-фашистским захватчикам, заставила приобрести профессиональные военные качества, чтобы умело и беспощадно бить ненавистного врага. Меня всегда радовало, что в дружной семье командиров и политработников на фронте всегда можно было встретить представителей многих национальностей нашей Родины. Вот и сейчас я рассказал о белорусе — командире полка Л. Данилюке, татарине — командире роты К. Сафане. Хочется мне поведать и об удивительной судьбе на войне узбека Керима Мурадова — учителя национального языка и литературы.

На последнем уроке, прощаясь с детьми перед уходом на фронт, Керим сказал:

— Наши народные герои хорошо сражались, чтобы сделать нас свободными и счастливыми. Сейчас мы свободны и жизнь наша радостна. Чтобы у нас не отняли враги нашей радости, надо сражаться в десять раз лучше.

Когда Мурадов прощался с отцом, старый Мурад сказал ему:

— Сын мой, Керим, твой отец был батраком, гнул спину на богатых и не имел вдоволь хлеба и мяса. Советская власть сделала нас зажиточными, а нашу жизнь счастливой. Иди убей врага! Пусть погибнет враг и живет наше счастье!

А через некоторое время младший сержант Керим Мурадов был уже на фронте и беспощадно громил врага.

Можно написать большую книгу о том, как сражался Керим Мурадов, как вырос от младшего сержанта до капитана, кавалера шести боевых орденов.

День 20 апреля 1945 года остался в моей памяти отмеченным не только взятием Бернау, важного опорного пункта на пути к Берлину, но и другими приятными событиями.

Утром на высоту 94,2 юго-западнее Байерсдорфа, где на передовом командном пункте я уточнял задачу соединениям корпуса, подъехал на «виллисе» командир 30-й гвардейской пушечной артиллерийской Пражской Краснознаменной, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады гвардии полковник Иосиф Семенович Жигарев.

— Товарищ генерал, — сказал он. — 1-й дивизион 30-й гвардейской бригады под командованием гвардии майора Зюкина готов дать первый залп по Берлину!

— Так за чем остановка, дорогой Иосиф Семенович? Начинайте бить врага в его логове. Поздравляю вас и всех артиллеристов с этим историческим событием.

— В том-то и дело, что историческим, — широко улыбнулся гвардии полковник. — Командующий артиллерией фронта генерал-полковник Казаков требует подтверждения общевойскового начальника из района огневых позиций и времени огневого налета по Берлину.

— У них все точно выверено, — подтвердил находившийся рядом командующий артиллерией корпуса полковник И. А. Михеев. — Можно начинать.

— Вызовите на связь командующего артиллерией фронта, — приказал я радисту. Генерал-полковник артиллерии Казаков тотчас отозвался.

— Василий Иванович, здравствуйте, — сказал я. — С удовольствием подтверждаю координаты огневых позиций дивизиона гвардии майора Зюкина, находящихся в боевых порядках 125-го стрелкового корпуса. Ваши подчиненные готовы открыть огонь по Берлину! Передаю трубку гвардии полковнику Жигареву…

В И часов дня 20 апреля 1945 года дивизион гвардии майора А. И. Зюкина дал первый артиллерийский залп по Берлину. В 14 часов 30 минут огонь по последней цитадели гитлеровцев открыл 2-й дивизион 207-го пушечного артиллерийского полка 10-й пушечной артиллерийской бригады 6-й артиллерийской дивизии прорыва. Батарейцы вписывали новые строки в героическую историю советской артиллерии![16]

Помнится, что в полдень 20 апреля на окраине только что очищенного от гитлеровцев Бернау я встретился с группой корреспондентов центральных газет, среди которых был представитель «Красной звезды» подполковник Павел Трояновский. Первым делом он спросил, где находится артиллерийский дивизион гвардии майора Зюкина.

— Опоздали, товарищи корреспонденты, опоздали, — сказал я тогда. — Ведь мы сегодня дали первый залп по Берлину!.. Но думаю, артиллеристы из тридцатой гвардейской пушечной артиллерийской бригады далеко не ушли, догоняйте…

За пятый день наступления соединения 125-го стрелкового корпуса с боями продвинулись на 25 километров и во взаимодействии с 9-м гвардейским танковым корпусом и другими соединениями создали условия для успешного охвата Берлина с севера.

Вернувшись к вечеру в штаб корпуса, я с удовлетворением подписал подготовленное начальником штаба боевое распоряжение соединениям корпуса. Оно гласило: «В течение ночи на 21 апреля 1945 года, наступая на запад в направлении Шенерлинде, Шильдов, Франау, завершить охват Берлина с севера, с выходом в район Геннингсдорф, с ходу форсировать канал Гогенцоллерн, создав условия для маневра в юго-западном направлении.

Во взаимодействии с частями 9-го гвардейского танкового корпуса продолжать наступление днем и ночью и не давать возможности противнику организовать оборону на новых рубежах. С этой целью боевой порядок дивизии эшелонировать. Впереди иметь подвижные, усиленные передовые отряды. На фланги и в тыл противника во взаимодействии с 9-м гвардейским танковым корпусом выбросить усиленный танковый десант (танковая бригада и усиленный стрелковый полк) с задачей дезорганизации тыла и управления противника и форсирования с ходу канала Гогенцоллерн».

Подумалось, что на сегодня все. Можно пару часов отдохнуть. Трудный же выдался день.

Но на столе зазуммерил телефон прямой связи с командармом.

— Андрей Матвеевич, — раздался голос Франца Иосифовича Перхоровича. — У нас есть для вас приятные новости. Военный совет 47-й армии сердечно поздравляет вас с присвоением очередного воинского звания «генерал-лейтенант». Генеральское звание присвоено и комдиву 175-й стрелковой Захару Петровичу Выдригану.

Совсем не плохой выдался день — 20 апреля 1945 года…

* * *

Ярким событием в боевых делах 125-го стрелкового корпуса стал проведенный на следующий день рейд 282-го стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии, действовавшего в качестве десанта на броне 65-й гвардейской танковой бригады 9-го гвардейского танкового корпуса. Проходил он при поддержке самоходных, артиллерийских частей. Объединенные в мощный кулак, все эти части решали одну задачу.

Солнце еще не поднялось, утренний туман оседал на перерытую, искалеченную землю и обожженную зелень. Капельки росы трепетали в ее листве. В садах защебетали птицы. Утренняя прохлада освежала людей. Как будто и не было вчерашнего кровопролитного дня. Но наши люди были настороже, они знали — это тишина перед бурей и день начнется точно так же, как вчерашний. Бои разгорятся с еще большей силой и будут продолжаться, пока враг не будет окончательно разгромлен.

Внезапно, как гром среди ясного неба, разорвался вражеский артиллерийский снаряд, за ним другой, третий… Противник не жалел снарядов. Через несколько минут мягкие краски прелестного апрельского утра потонули в едкой гари, в черной пыльной туче. Начался бой. После артподготовки пошли в контратаку вражеские танки.

Командир самоходки лейтенант Аркадий Шиморин зорко следил в триплекс за приближением врага. В нужный момент он дает команду: «Огонь!» Мощно ухает 122-мм пушка, второй, третий выстрел… Вражеский танк покрылся густым облаком дыма. Попал ли? Вспыхнуло пламя, а когда рассеялось, все увидели на месте танка почерневшую груду металла…

Сквозь грохот боя в наушниках шлемофонов прорвался голос командира полка:

— Молодец, товарищ Шиморин! Объявляю благодарность составу вашего экипажа.

В этом бою самоходка лейтенанта Шиморина уничтожила также штурмовое орудие.

Аркадия Шиморина гвардейцы полка знали как одного из лучших боевых офицеров. В прошлом, до службы в армии, он — учитель. Воевать начал в 1941 году на западной границе командиром отделения. Участвовал в тяжелых оборонительных боях. Дважды ранен. На фронте стал офицером. За боевые подвиги награжден многими орденами и медалями. Забегая вперед, скажу, что после войны Аркадий Дмитриевич вновь вернулся к мирному труду. Он работал в селе Сыресях Порецкого района директором восьмилетней школы.

…В бой вступили другие самоходки. Противник снова идет в контратаку, снова ее отбивают наши герои. Мощные пушки самоходных установок бьют по врагу прямой наводкой. Стрелковые подразделения на плечах в беспорядке отступающего противника врываются в пригород Франау, и это происходит настолько быстро, что фашисты не только не успевают вывезти технику и вооружение, но сами попадают в плен. Из полуподвального помещения многоэтажного дома, понурив головы, с поднятыми руками выходят они один за другим. Среди пленных есть совсем мальчишки, лет 14–15. Мешковато болтаются на их плечах кителя, сшитые для взрослых, длинные рукава, широкий ворот и не по голове каска. Кто они? Школьники, укрывающиеся в подвале? Нет, это юнгштурмовцы, плоды тотальной мобилизации Гитлера.

Наши бойцы с удивлением разглядывали их:

— Вот до чего дошли, даже детей своих не жалеют.

В головном отряде танкового десанта отлично действовал комсорг батальона 282-го стрелкового полка кандидат в члены ВКП(б) сержант Николай Денисов. Перед боем в Франау он расставил всех комсомольцев по танкам, поставив им задачу помочь командиру подразделения в организации боя, показать пример в дисциплине и в точности выполнения приказов. В расположении противника Денисов первым спрыгнул с танка. В завязавшемся рукопашном бою действовал дерзко и отважно. Лично уничтожил трех гитлеровцев…

Западнее Бернау противник упорно оборонял укрепленный пункт Глиннике. Командир батальона старший лейтенант Степан Оноприенко, быстро сформировав две группы из автоматчиков, саперов, расчетов противотанковых ружей, обошел построенные гитлеровцами баррикады с флангов, ударил с тыла, уничтожил их защитников и без потерь занял опорный пункт.

В бою за Франау при подходе к каналу Гогенцоллерн противник пытался крупными силами пехоты и танков отрезать головную походную заставу от главных сил. Старший лейтенант Оноприенко совершил маневр, быстро развернул главные силы батальона и нанес противнику удар с фланга — уничтожил 50 гитлеровцев и 40 взял в плен. За проявленные мужество и боевое мастерство командир батальона награжден орденом Красного Знамени. В этом бою Оноприенко поддерживала артиллерийская батарея старшего лейтенанта Петра Дмитриева. Выкатив под огнем врага свои орудия на прямую наводку, батарейцы подавили 8 огневых точек врага, тем самым расчистив путь пехоте. Во время боя Дмитриев был тяжело ранен, но продолжал руководить огнем батареи. Орден Богдана Хмельницкого 111 степени мы

вручили ему уже после победы, в госпитале.

О взаимодействии артиллерии с пехотой в ходе Берлинской операции можно рассказывать очень много. Артиллеристы не только сами отлично били противника, но и вовремя поддерживали и сопровождали пехоту.

Во время рейда передового отряда 175-й стрелковой дивизии мне на НП позвонил Захар Петрович Выдриган и рассказал такой случай.

На повороте пригородного шоссе артиллеристам-самоходчикам и десантникам встретилась немецкая легковая машина. Командирская самоходка тоже остановилась. Немецкий генерал в сопровождении офицера и солдата вышли из машины, в ужасе подняли руки. Выяснилось, что гитлеровцы заблудились, возвращаясь из тыла на передовую. Генерал стоял, опустив голову. Подавив страх и растерянность, он пытался что-то сказать. Но наш командир, недобро посмотрев на него, приказал двум автоматчикам отконвоировать гитлеровцев в штаб дивизии. Сам же вскочил в самоходку и подал команду: «Включить моторы, держать дистанцию!» А немецкий генерал и его сопровождающие под охраной наших автоматчиков уныло побрели на восток.

* * *

Итак, 19 апреля наши войска прорвали третью полосу обороны Берлина. К исходу 21 апреля 3-я и 5-я ударные, а также 2-я гвардейская танковая армии вышли на северовосточную окраину германской столицы.

9-й гвардейский танковый корпус 2-й гвардейской танковой армии вместе с частями нашей 47-й армии вышел к реке Хавель, что на северо-западной окраине столицы. Тесно взаимодействуя, танкисты и стрелки приступили к ее форсированию. Соединения 1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армий также вышли на внешний оборонительный обвод. К концу дня 22 апреля были созданы условия для завершения окружения и рассечения всей берлинской группировки врага.

О том, с какой яростью обреченных сражались гитлеровцы, можно судить по показаниям пленного обер-лейтенанта, моряка, захваченного нашими разведчиками 22 апреля в районе Бланкенфельде. Он показал, что несколько дней назад приехал в Берлин с задачей подобрать район для размещения 1500 моряков, которые должны прибыть из базы подводных лодок в Киле для обороны Берлина.

Пленный обер-лейтенант сказал также, что охранный полк

«Берлин» входит в состав столичного гарнизона. Полк состоит из трех боевых групп и танковой роты. В каждой группе по три роты, две стрелковые и одна пулеметная, в роте 80–85 человек. В танковой роте 6 танков и 10 самоходок. В первый день боя западнее Бернау полк отчаянно сопротивлялся, но был разгромлен русскими, потерял 70 % личного состава. В строю осталось всего два танка и четыре самоходки.

Однако вернемся в полосу наступления нашего 125-го стрелкового корпуса. Танковый десант и передовые отряды стрелковых дивизий на участке прорыва корпуса основательно дезорганизовали тыл и управление войсками противника. К двум часам ночи 22 апреля 1945 года они с ходу форсировали канал Гогенцоллерн и захватили плацдарм на его берегу. Порадовало штаб корпуса сообщение о том, что удалось сохранить для переправы в спешке неудачно взорванный гитлеровцами железнодорожный мост. Перебросив канаты, штурмовые мостики между взорванными пролетами, пехотинцы и минометчики успешно двинулись вперед.

Группа саперов в составе коммуниста старшего сержанта В. Моисеева, рядовых А. Костилина и А. Башагатова, прижимаясь к настилу моста, между рельсами, по-пластунски быстро продвигалась к очагам пожара. Пули и осколки от мин свистели вокруг. Тушить горящий мост пришлось шинелями и плащ-палатками. В это время группа захвата во главе с сержантом Г. Ивановым бросилась по горящему мосту на противоположный берег канала и огнем из автоматов начала прикрывать работу саперов на мосту.

Старший лейтенант М. Кожевников не мешкая по мосту перебросил на противоположный берег всю роту, приказал окопаться. Рота отбила две контратаки, уничтожив 15 гитлеровцев и 10 взяв в плен.

На мосту в это время уже работала группа саперов под руководством командира саперной роты 95-го отдельного саперного батальона старшего лейтенанта П. Охраменко. Мост саперы разминировали, огонь везде потушили. Он в дальнейшем сослужил добрую службу для переправы артиллерии.

Ценой собственной жизни сохранил для наших войск другую переправу через канал Гогенцоллерн командир 1-го стрелкового батальона 277-го стрелкового полка капитан Павел Иванович Петрачков. Я хорошо знал Петрачкова еще со времени боев на Курской дуге. Его батальон, находившийся, как правило, в первом эшелоне дивизии, не раз прорывал сильно укрепленную оборону противника, форсировал Десну, Сож, Днепр, Березину, Стаход, Западный Буг, Вислу, Бзуру. С боями батальон прошел всю

Польшу и Померанию.

Подчиненные капитана Петрачкова стали настоящими мастерами ближнего боя во время прорыва обороны противника, боя в ее глубине, форсирования водных преград. Отлично действовали они и на Одере, почти все получили правительственные награды. Высокие награды Родины украшали и грудь отважного комбата: ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды.

21 апреля 1945 года батальон капитана Петрачкова наступал западнее Бернау в районе Муленбека. Противник упорно сопротивлялся, удерживал участок железной дороги севернее платформы Шильдов — Моихмюле. Как всегда, и здесь проявилось командирское мастерство капитана Петрачкова — творческое искание и исполнение таких форм, приемов, маневров в ближнем бою, с помощью которых можно победить врага, значительно превосходящего по силам. Командиру батальона удалось станковыми пулеметами сковать действия гитлеровцев с фронта, а на левом фланге, используя успех танкового десанта в районе Шильдова, ударом в тыл разгромить противника и захватить участок железной дороги.

Используя замешательство противника, батальон на его плечах прорвался к каналу Гогенцоллерн, стремясь с ходу овладеть мостом в районе Геннингсдорфа.

Капитан П. И. Петрачков пошел на смелый шаг — он посадил на самоходку автоматчиков и вместе с ними на максимальной скорости, огнем и гусеницами уничтожая бегущих к мосту гитлеровцев, ворвался на охваченный огнем шоссейный мост.

В этой стремительной схватке с врагом победило командирское мастерство, быстрота, мужество и геройство. Мост, объятый огнем, был захвачен бойцами батальона. Разведчики, саперы, пехотинцы, сбивая огонь, охвативший мост, сразу начали ремонтировать его. Вскоре по мосту начали успешно переправляться на противоположный берег канала артиллеристы. А батальон капитана Петрачкова уже гнал гитлеровцев все дальше и дальше.

Когда мне доложили, что в этом бою вражеская пуля сразила героя, большого мастера ближнего боя коммуниста Павла Ивановича Петрачкова, я долго не мог прийти в себя. Память о Герое Советского Союза капитане П. И. Петрачкове навсегда останется в наших сердцах.

Бойцы и командиры поклялись отомстить гитлеровцам за смерть любимого комбата, действовать в бою, как и он, отважно и решительно. И они сдержали свое слово.

Под сильным пулеметным огнем противника взвод

комсомольца младшего лейтенанта А. Андриянова без потерь броском проскочил шоссейный мост, захватил на другом берегу канала оборудованную позицию немцев. Удерживая захваченный рубеж, бойцы отбили две контратаки противника. Командир взвода лично убил трех гитлеровцев в рукопашной схватке.

Орденом Александра Невского отметила Родина подвиг паренька из Владимирской области младшего лейтенанта Аркадия Андриянова, наследника боевой славы мастера ближнего боя Павла Ивановича Петрачкова.

Успех капитана Петрачкова умело использовал командир 282-го стрелкового полка подполковник Н. С. Лазебников. Его подразделения, поддержанные огнем танков 65-й танковой бригады, форсировали канал по захваченному мосту и овладели траншеей противника на противоположном берегу. Подразделения полка к утру расширили плацдарм.

К вечеру началось массовое форсирование канала Гогенцоллерн полками 175-й и 76-й стрелковых дивизий. По захваченным мостам, на лодках, паромах, подручных средствах устремились наши воины на противоположный берег, стремительно овладевали плацдармами под ураганным огнем противника, и не было на свете такой силы, которая могла остановить их на пути к Берлину.

Едва преодолев одну водную преграду, командиры полков срочно высылали вперед разведчиков. С наступлением темноты ушла в поиск группа разведчиков 93-го стрелкового полка во главе с помощником командира взвода старшиной Иваном Смысловым. Перед ними ставилась задача в тылу противника разведать подступы и места, наиболее удобные для переправы через канал Мургграбен, а также захватить пленного.

Разведгруппе удалось скрытно проникнуть через боевые порядки противника и выйти к водной преграде. На берегу нашлось несколько лодок. Разведчики сели в них и переправились на противоположный берег канала Мургграбен. На оборону берега канала фашисты мобилизовали пожарную охрану аэродрома. При первых же выстрелах и разрывах гранат эти «вояки» разбежались и попрятались. Используя данные, полученные от пленных, разведчики пошли дальше, в тыл врага. На перекрестке дорог устроили засаду. Здесь они захватили еще несколько пленных.

Выполнив поставленную задачу, разведчики вернулись в полк. А на рассвете их ждало новое испытание. Воспользовавшись темнотой и туманом, более роты гитлеровцев просочилось в район наблюдательного пункта 93-го стрелкового полка. Разведчики, поднятые по боевой тревоге, вступили в бой.

Здесь снова отличился старшина Смыслов. Взяв трофейный немецкий пулемет, старшина поднялся на третий этаж здания и стал расстреливать гитлеровцев. Немцы попытались подавить огневую точку. Старшина Смыслов получил ранение. Кончились патроны. Кровь заливала ему глаза. Наскоро перевязав рану, Смыслов взял в руки немецкий автомат и открыл огонь по гитлеровцам. Их нападение разведчики не только успешно отразили, но и 20 фашистов взяли в плен.

Противник предполагал, что после его ночной атаки последует затишье, которое можно использовать для укрепления своих позиций. Но в штабе 93-го стрелкового полка думали иначе. Уж больно ценные сведения доставила разведгруппа во главе со старшиной Смысловым. Они давали достаточно оснований для дерзкой контратаки. Ее провел стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Карасева.

Опытный мастер ближнего боя старший лейтенант Карасев, ранее за ратные отличия награжденный орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени и Красной Звезды, и на этот раз принял зрелое командирское решение. Усилив фланги батальона станковыми пулеметами и расчетами противотанковых ружей, он повел бойцов в стремительную атаку на юго-западную окраину Геннингсдорфа. Гитлеровцы, решившие отдохнуть, выскакивали из домов к своим позициям, но попадали под разящий пулеметный огонь. Уничтожив до роты фашистов, батальон прорвался к аэродрому, разведанному группой старшины Смыслова. Здесь наших бойцов ждали богатые трофеи: 12 самолетов, зенитные пушки, много различного технического оборудования. На рассвете батальон успешно форсировал канал Мургграбен и полностью выполнил поставленную боевую задачу.

Ордена Красного Знамени, врученные старшине Ивану Семеновичу Смыслову и старшему лейтенанту Ивану Андреевичу Карасеву, достойно отметили подвиги этих настоящих мастеров ближнего боя.

В результате форсирования канала Гогенцоллерн у Геннингсдорфа и захвата плацдарма на противоположном берегу частями 125-го стрелкового корпуса во взаимодействии с 33-й гвардейской мотострелковой бригадой 9-го гвардейского танкового корпуса к исходу 22 апреля 1945 года правофланговая ударная группировка войск 1-го Белорусского фронта получила возможность развивать удар в южном направлении на Потсдам в целях охвата Берлина с северо-запада для полного окружения всей берлинской группировки противника.

* * *

С большой радостью и гордостью встретил личный состав 125-го стрелкового корпуса приказ Верховного Главнокомандующего от 23 апреля 1945 года с объявлением благодарности войскам, прорвавшим сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую Берлин с востока, и продвинувшимся от 60 до 100 километров.

Приказ Верховного Главнокомандующего с поздравлениями за успешные боевые действия на левом берегу Одера, Обращение Военного совета фронта о штурме Берлина вызвали у наших людей большой политический подъем и высокий наступательный порыв. И несмотря на то что войска устали в ходе многодневных беспрерывных и тяжелых боев, настроение красноармейцев, сержантов и офицеров было боевое.

«Быстрее продвигаться вперед!» — эти слова были в последние апрельские дни 1945 года на устах и в сердце каждого нашего воина.

В результате стремительного выхода соединений 125-го стрелкового корпуса и наших соседей в юго-западном и южном направлениях параллельно западному фасу внутреннего оборонительного обвода гитлеровцев удалось к исходу 24 апреля перерезать последнюю железную дорогу, связывающую столицу фашистской Германии с западом, — Берлин — Ратенов. Перед нами открывалось потсдамское направление. Всего 8 километров отделяли соединения корпуса от войск 1-го Украинского фронта, наступавших на Тельтов. Маневр советских армий по окружению берлинской группировки близился к завершению.

Соединения 125-го стрелкового корпуса в решении этой важной боевой задачи приняли активное участие, которое в последующем и дало право нам на получение наименования Берлинский.

«Не забудем никогда!»

На розданных командирам соединений новеньких топографических картах, как магнитом, притягивает взгляд крупный населенный пункт — Потсдам, пригород Берлина. Перед началом совещания в штабе корпуса начальник политотдела полковник Алексей Ильич Колунов, только что вернувшийся из политотдела 47-й армии, рассказывал, что Потсдам — бывшая летняя резиденция королей прусских и германских императоров — имеет тысячелетнюю историю. За этот период он много накопил памятников старины. Основной достопримечательностью Потсдама являются парки и дворцы Сан-Суси. Многие годы трудились здесь лучшие архитекторы, скульпторы, художники и садовники. Залы дворцов и картинных галерей заполнялись картинами и скульптурами великих мастеров. Все это было собственностью королей, императоров, и доступ к сокровищнице имели лишь избранные.

Потсдам со всех сторон окружен естественной «стеной» — озерами, каналами, которые прикрывали город с юга, запада, севера и особенно надежно с востока системой озер: Крампниц, Лениц, Юнгферн и рекой Хавель. Вокруг города-острова не только водные преграды, но и дачные пригороды с массой каменных построек.

Потсдамский гарнизон состоял из нескольких соединений, в их числе была и дивизия «Фридрих Людвиг Ян», располагал большим запасом оружия и боеприпасов.

— Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Телегин и начальник политического управления генерал-лейтенант Галаджев, — сказал Алексей Ильич, обращаясь к собравшимся, — просили передать распоряжение Маршала Советского Союза Жукова: необходимо овладеть городом так, чтобы всемирно известные исторические ценности остались неповрежденными.

Памятуя это требование командующего 1-м Белорусским фронтом, мы и начали планирование боевых действий, исходя из сложившейся обстановки.

К исходу дня 25 апреля 1945 года противник удерживал западный фас внутреннего оборонительного обвода Берлина по рубежу Гартенштадт, Штакен, Зеебург, Гросс-Глиникке. Особо упорное сопротивление он оказал частям 129-го стрелкового корпуса на рубеже Гартенштадт, Шпандау. Нам было ясно, что с потерей этого рубежа гитлеровцы лишатся всех складов с боеприпасами и продовольствием, в основном расположенных в западных пригородах Берлина, а также аэродрома в районе

Кладова, используя который они по воздуху подбрасывали резервы и боеприпасы.

Удерживая правый берег реки Хавель, противник контролировал плацдарм, рассчитывая его использовать для прорыва окруженной в Берлине группировки на запад.

125-й стрелковый корпус всеми силами вышел на ближайшие подступы к Потсдаму, а сосед слева, 132-я стрелковая дивизия 129-го стрелкового корпуса, к исходу дня вела бой на северо-западной окраине Гартенштадта. Остальные соединения 129-го стрелкового корпуса были скованы в районе северо-восточнее Шпандау.

Разрыв между боевыми порядками корпусов к этому времени достиг более 10–12 километров, стал угрожающим, позволял противнику совершить удар по тылам не только 125-го стрелкового корпуса, но и 47-й армии.

Требовалось немедленно, не приостанавливая наступления на Потсдам, разгромить противника, удерживающего западный фас внутреннего оборонительного обвода Берлина на рубеже Штакен, Зеебург, Гросс-Глиникке, лишить его всех баз, единственного оставшегося в Кладове аэродрома и плацдарма на другом берегу реки Хавель, тем самым исключить возможность прорыва окруженной в Берлине группировки противника на запад.

Оценив сложившуюся обстановку, в 21.00 25 апреля 1945 года я принял решение: продолжать демонстративные действия по форсированию канала Закревер — Парецер с полуострова Ной-Фарлянд на Потсдам. Основную подготовку и форсирование произвести с востока на запад с преодолением озера Юнгферн. Для противника это будет неожиданностью. Наши войска, овладев восточной окраиной Потсдама в районе замка Цецилиенхоф, смогут успешно захватить и центр города, отбрасывая противника к его окраинам, под удары наших войск, наступающих с северо-запада и юга.

Такое решение представлялось самым простым, и, как показали дальнейшие события, в простоте заключалась его сила.

Начальнику автобронетанковых войск корпуса подполковнику А. Е. Должикову поставил задачу перебросить моторизованный батальон плавающих автомашин для форсирования частями 175-й стрелковой дивизии озера Юнгферн.

Сорок пятый год — не сорок первый. Не прошло и трех часов, как подполковник Должиков доложил, что в 175-ю стрелковую дивизию прибыл 286-й моторизованный батальон плавающих автомашин.

Позвонил генералу Выдригану, спросил, какому полку он

поручает форсирование Юнгферна.

— 282-му стрелковому, — ответил тот. — Дал команду потренироваться как следует. Ведь пехота больше к подручным средствам привычна, чем к амфибиям.

— А знаешь, Захар Петрович, как с французского переводится «сансуси», название парка, где предстоит высаживаться?

Выдриган, не любивший головоломок, недовольно хмыкнул в телефонную трубку и наверняка начал в эту минуту накручивать усы.

— «Сан-Суси», — пришел я ему на помощь, — значит «без забот».

— Ну да! — возмущенно пророкотал генеральский бас. — Это кому другому без забот, а нам?

Забот у комдива 175-й действительно хватало. Подразделения 282-го стрелкового полка по элементам отрабатывали посадку, выход и форсирование озера Юнгферн на машинах-амфибиях. Особое внимание уделялось уточнению боевых действий на противоположном берегу озера: зацепившись за берег, не останавливаться, развить стремительный удар. Осмыслен должен быть бросок каждого отделения, расчета, взвода, роты. Каждому подразделению первого эшелона на местности указаны ориентиры: замок — дворец Цецилиенхоф — гарнизонная церковь (в которой были похоронены прусские короли Фридрих Вильгельм I и его сын Фридрих II). Командиры подразделений совместно с артиллеристами и специалистами инженерно-саперной службы тщательно по отдельным элементам отрабатывали взаимодействие по рубежам, целям и времени. Каждая цель была всесторонне изучена. Артиллеристы изыскивали все возможности исключить из зоны огня цели, имеющие историческую ценность. Заранее подвозились боеприпасы. Все передвижения войск, их сосредоточение тщательно маскировались.

В районе демонстративного форсирования канала — на полуострове Ной-Фарлянд в направлении Недлица — днем 26 апреля и в ночь на 27 апреля производилась с относительной маскировкой усиленная подготовка частей 16-й стрелковой дивизии к боевым действиям в направлений Потсдама.

В полосе наступления 60-й стрелковой дивизии противник оборонялся на заранее подготовленном рубеже — северозападной окраине Гросс-Глиникке, оказывая нашим войскам сильное огневое сопротивление.

Основные силы потсдамского гарнизона гитлеровцев в результате активных, смелых и решительных действий наших соседей были сосредоточены на прикрытии окраин — предместий

Потсдама с юга, запада и севера — на этих направлениях шли тяжелые бои.

Наши соседи, наступающие на Потсдам с северо-запада, — 328-я стрелковая дивизия полковника И. Г. Павловского и части 9-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора танковых войск Н. Д. Веденеева — своими активными действиями сковали противника в районе Грубе-Борним. С юга из района Тельтов на Потсдам двинулась гвардейская танковая бригада.

Выбранный нами участок для форсирования озера Юнгферн находился в 500–600 метрах севернее Цецилиенхофа. Дворец стоит на берегу озера, окруженный живописным парком. Построили его в начале века для германского кронпринца Вильгельма и его жены Цецилии. Ее именем и был назван дворец, выдержанный в стиле английского поместья. Берег охранялся только патрульными нарядами. Противник все свое внимание сосредоточил на Ной-Фарлянде, где нами проводилась усиленная демонстративная подготовка к форсированию канала Закровер — Парецер. соединяющего озера Фарлянд и Шениц. Удастся ли наш дерзкий и стремительный удар через озеро среди бела дня?

Заданный вопрос, как говорится, повис бы в воздухе, если бы не существовало у нас трезвого расчета и знания людей, которым поручалось осуществить задуманную операцию. Далеко не случайно генерал-майор Выдриган избрал для ее выполнения командира 282-го Свердловско-Варшавского ордена Кутузова полка подполковника Николая Селиверстовича Лазебникова.

Лазебников был одним из тех командиров, которые выросли вместе с Красной Армией в пламени ожесточенных сражений Великой Отечественной. Он прекрасно командовал стрелковым батальоном, проявил себя грамотным начальником штаба полка. И вот что характерно, была во всех его боевых делах этакая неожиданность, способная ошеломить врага. Вспомним действия его полка в качестве танкового десанта 21 апреля. Получив полную самостоятельность, подполковник Лазебников брал всю ответственность за выполнение боевой задачи на себя, показывая при этом недюжинные качества организатора общевойскового боя. Высокие организаторские способности командира, его уверенность как бы сами собой передавались всему личному составу полка, действовавшему в сложной обстановке четко и слаженно. Именно эти качества позволили нашим воинам ударом во фланг и тыл деморализовать тыл и управление войск противника в направлении Бернау, Фронау. А в целом дерзкий рейд танкового десанта сыграл решающую роль в завершении охвата Берлина с севера и овладении переправами через канал Гогенцоллерн в районе Геннингсдорфа.

И вот полк подполковника Лазебникова вновь на направлении главного удара дивизии и корпуса.

В 6 часов 50 минут 27 апреля 1945 года, сбросив маскировочные сети, 123-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и пушечные дивизионы 373-го артиллерийского полка 175-й стрелковой дивизии «на галопе» заняли ранее подготовленные огневые позиции на берегу Юнгферна. Прямой наводкой и мощными огневыми ударами гаубичных и минометных батарей они подавили обнаруженные огневые точки противника и ослепили его наблюдательные пункты.

В 7.00 головной батальон 282-го стрелкового полка, посаженный по боевому расчету на плавающие автомашины-амфибии, с началом артиллерийской подготовки без потерь преодолел озерную гладь. На противоположном берегу, развернувшись в боевые порядки, штурмовые роты отбросили отдельные группы противника. Не останавливаясь на захваченном плацдарме, наши пехотинцы устремились вперед. Быстрота, решительность первого эшелона, захватившего плацдарм, позволили остальным подразделениям 282-го стрелкового полка, затем и 277-го стрелкового полка почти без потерь, при мощной огневой поддержке артиллерии дивизии форсировать озеро. Счастлив военачальник, наблюдающий, как подчиненные ему войска без ошибок выполняют единый процесс — огня, форсирования водной преграды, атаки, маневра на плацдарме!

В 10 часов 30 минут началось общее наступление на Потсдам.

Справа наступал 277-й стрелковый полк майора Геннадия Абрамовича Водовозова. Слева — 282-й стрелковый полк подполковника Николая Селиверстовича Лазебникова.

Наши подразделения, поддержанные орудиями непосредственного сопровождения пехоты, наступали строго на юг и вскоре разобщили северо-западную и юго-восточную группировки противника. Не ввязываясь в бои за отдельные особняки — виллы высокопоставленной фамильной знати прусских королей и императоров Германии, — через отдельные участки парка стрелковые роты с орудиями непосредственного сопровождения пехоты, усиленные саперами, буквально врезались в центр города, завязали бои на улицах и площадях, с ходу захватили мраморный дворец — замок династии Гогенцоллернов, бывшего императора Германии Вильгельма II, в котором до конца марта 1945 года жил его сын Август Гогенцоллерн. Части 175-й стрелковой дивизии, отбросив противника, овладели районом дворца Сан-Суси, гарнизонной церковью.

Удар этого соединения был настолько стремительным и

неожиданным для противника, что к полудню командование немецких войск Потсдамского гарнизона потеряло управление своими северо-западной и юго-восточной группировками, и они в замешательстве начали откатываться от центра города на запад и юго-восток. В районе Недлица подразделения 277-го стрелкового полка во взаимодействии с 33-й гвардейской мотострелковой бригадой 9-го гвардейского танкового корпуса полностью уничтожили северную группировку войск противника. Южная была отброшена в двух направлениях: на юго-запад в направлении Гельтов и на юго-восток в район переправ на остров Ваннзе.

К 13.00 27 апреля 1945 года 175-я стрелковая дивизия овладела во взаимодействии с частями 9-го гвардейского танкового корпуса центральной, северной и южной частями Потсдама.

Часом раньше на КП корпуса позвонил генерал-майор Выдриган. Он доложил, что прибыли представители Потсдамского магистрата с ключами от императорского дворца, просят их принять.

— За вами остановка, товарищ генерал-лейтенант, — веселю добавил комдив.

— Принимайте ключи сами, — распорядился я. — Вы, Захар Петрович, у нас сегодня главный именинник.

Тогда и произошла памятная сцена в императорском дворце, о которой рассказано в начале книги.

После церемонии передачи ключей (они хранятся сейчас на родине генерала Выдригана в Херсонском областном краеведческом музее) вместе с представителями магистрата мы вышли из дворца. Словно специально, мимо последним парадом проходила колонна пленных немецких солдат и офицеров. На дворцовой площади в толпе местных жителей зарыдала молодая немка.

Захар Петрович, недовольно крутнув буденновский ус, приказал переводчику выяснить, в чем делю. Вперед вышли две пожилые женщины. Перебивая друг друга, начали объяснять: в колонне военнопленных жених молодой немки. Она плачет потому, что не увидит его больше никогда.

Генерал распорядился остановить колонну и отыскать жениха. Из строя вышел изрядно потрепанный совсем юный солдат. Подозвав девушку, Захар Петрович соединил руки молодых людей, пожелал им счастья.

Загомонили изумленные пленные солдаты. Взволнованно вытирали слезы местные жители. Поклонившись русскому генералу, одна из женщин сказала:

— Мы этой минуты не забудем никогда! Разрешите обойти кварталы города, где еще сопротивляются немцы. Я и другие женщины расскажем им о том, что русские не такие, как рассказывал о них Геббельс.

Примерно через час женщины возвратились. Они сообщили: гитлеровский полковник готов прекратить сопротивление, полагаясь на милость русского генерала с длинными усами.

Центральный квартал Потсдама украсился белыми полотнищами. Туда с группой автоматчиков деловито направился полковник А. З. Верин, заместитель командира 175-й стрелковой дивизии, назначенный первым советским комендантом города.

* * *

После Великой Отечественной войны мне некоторое время довелось продолжить службу в Группе советских войск в Германии. Естественно, что я не упускал случая побывать в тех местах, где сражались и побеждали врага мои однополчане. Не раз бывал я и в расположенном по соседству со столицей ГДР Потсдаме, который вошел в историю как место проведения конференции участников антигитлеровской коалиции. Летом 1945 года здесь, во дворце Цецилиенхоф, государственные деятели СССР, США и Англии обсуждали важные проблемы, связанные с окончанием войны и последующим развитием. 2 августа они подписали Потсдамское соглашение, которое, подтверждая необходимость ликвидации нацизма и германского милитаризма, открывало путь для строительства миролюбивой демократической Германии.

Сейчас дворец Цецилиенхоф превращен в мемориальный музей. Остались в неприкосновенности рабочие помещения трех делегаций и большой конференц-зал. Они сохранены здесь в том виде, какими они были в июле и августе 1945 года. В зале заседания стоит большой круглый стол, специально доставленный из Москвы для проведения конференции. Именно за этим столом состоялась торжественная церемония подписания Потсдамского соглашения. В соседних комнатах посетители знакомятся с интересной экспозицией, наглядно показывающей, как в ГДР претворяются в жизнь демократические принципы этого соглашения.

Теперешний Потсдам — большой современный город, десятый по величине в Германской Демократической Республике, знаменит памятниками старины. За почти тысячелетнюю историю города их накопилось немало.

Парки и сады, раскинувшиеся на площади 290 гектаров, действительно очень хороши. Тихие тенистые аллеи и просторные солнечные лужайки, красивые фонтаны и бассейны с золотыми рыбками, каналы, по которым медленно проплывают белые лебеди, причудливые гроты и беседки, храмы и дворцы и поражающее обилие скульптур — все это придает Сан-Суси необычайное своеобразие и поэтичность.

Достаточно отметить, что только вокруг нового дворца установлены 292 большие скульптуры из песчаника, представляющие героев древних мифов. 192 скульптурные фигуры украшают сам дворец.

Владельцы дворцов и парков следили за тем, чтобы не только парки, но и их окрестности радовали глаз своей живописностью. Именно для этой цели была сохранена старая мельница, работавшая когда-то по соседству с королевскими владениями. Для того чтобы открывающийся с балкона старого дворца вид был более изысканным, на вершине высокого холма перед балконом построили искусственные античные руины. Залы дворцов и картинных галерей, ставших теперь музеями, заполнялись картинами и скульптурами мастеров того времени.

Долгие годы все эти богатства оставались собственностью королевской фамилии и были доступны лишь для представителей правящей верхушки.

Бьющимся в агонии гитлеровцам, замыслившим в апреле 1945 года очередное варварство — уничтожение сокровищницы, созданной трудом и талантом немецкого народа, — не удалось выполнить свой зловещий план. Мужество, самоотверженность советских воинов позволили сохранить национальные ценности для всего человечества.

В конце апреля 1945 года военным комендантом мемориального комплекса был назначен старший лейтенант Евгений Федорович Лудшувейт. Собрав команду из легкораненых и выздоравливающих военнослужащих Красной Армии — воина еще продолжалась, и на фронте был дорог каждый солдат, — он сумел не только сохранить, но и начать ремонт пострадавших от боевых действий культурных ценностей.

Сотни тысяч граждан ГДР и туристов из различных стран мира теперь ежегодно посещают ставшие народным достоянием дворцы и парки Сан-Суси. Не скрывая восхищения, любуются они пережившим столетия мастерством архитекторов, строителей, скульпторов, художников и садовников, создавших своим творческим трудом уникальный ансамбль парков и дворцов.

Покидая парк, каждый посетитель с особым чувством читает надпись на мемориальной доске у выхода, о которой я уже

упоминал вначале в своих воспоминаниях: «Благодаря доблести советских воинов дворцы и парки Сан-Суси были сохранены для населения нашей страны и посетителей со всего мира».

Последние залпы

К исходу дня 25 апреля 1945 года 47-я армия с 9-м гвардейским танковым корпусом завершила сложный маневр по охвату Берлина с севера и запада. Учитывая успешное продвижение армии, командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков приказал, выполняя ранее поставленную задачу, выдвинуть передовые отряды на рубеж Берге, Гросс-Бенитц, Пэвезин, Цохов[17].

Для успешного решения задачи по разгрому противника, окруженного в Берлине, важно было сбить его части с правого берега Хавеля с рубежей Шпандау, Потсдам, с тем чтобы исключить прорыв остатка войск берлинского гарнизона через Хавель под прикрытием своих подразделений, находившихся на правом берегу реки.

В 11 часов 30 минут после перегруппировки 125-й стрелковый корпус возобновил наступление с целью прорвать западный фас внутреннего оборонительного берлинского обвода. С боями продвинулся вдоль берега озера Закроверзее и к Гатову. События развивались стремительно. Общее ликование охватило бойцов и командиров, когда в войсках стало известно, что в полдень северо-западнее Потсдама, в районе Кетцина, произошло соединение 2-й гвардейской танковой и нашей 47-й армий 1-го Белорусского фронта с 4-й танковой армией 1-го Украинского фронта. Советские войска окружили Берлин.

Теперь ясной становилась наша задача: с одной стороны, не дать возможности прорваться в осажденный Берлин армии генерала Венка, которую, как последнюю спасительницу, звал на помощь Гитлер; с другой стороны, полностью блокировать для окончательного разгрома осажденный берлинский гарнизон.

События последних дней войны расписаны военными историками по часам и минутам. Можно в такой же последовательности рассказывать о боевых действиях 125-го стрелкового корпуса. На долю его бойцов и командиров выпала почетнейшая задача сражаться на самых горячих рубежах заключительного этапа Великой Отечественной войны. В книге «Последний штурм», подготовленной Институтом военной истории Министерства обороны СССР, есть такая оценка действий нашего корпуса: «Наиболее важным итогом боев 26 апреля явилось расчленение всей окруженной в районе Берлина группировки на две изолированные части: большую, окруженную в самом городе, и меньшую, окруженную в районе остров Ваннзе, Потсдам. Эта изоляция была достигнута в результате выхода 125-

го стрелкового корпуса к р. Хавель с запада в районе Гатова и 7-го гвардейского танкового корпуса к этой реке с востока в районе западнее Хеерштрассе»[18].

Эти бои навсегда отложились в моей памяти своей особой, казалось бы, бессмысленной ожесточенностью. Продолжавшая бушевать свинцовая метель войны на пороге Великой Победы вырывала из наших рядов боевых товарищей. Горечь утраты их в разгар буйной весны, когда рвущаяся к солнцу зелень листвы пробивалась даже на пепелищах, останется навсегда. Двух Героев Советского Союза почти одновременно потерял наш корпус: моего заместителя генерал-майора Ивана Васильевича Давыдова и командующего артиллерией полковника Николая Александровича Михеева. В годы гражданской войны они, рядовые бойцы революции, стали коммунистами, навсегда связали свою судьбу с Красной Армией, честно, до последнего удара сердца, выполнили свой солдатский долг перед Родиной.

На место павших героев-коммунистов становились новые бойцы. Многие из них до сих пор рядом с сердцем носят партийные билеты, где в строке «Время вступления в партию» дата: «Апрель 1945 года». Только за этот месяц начальник политотдела 175-й стрелковой дивизии подполковник М. В. Бочков лично вручил бойцам и командирам 60 партийных билетов и кандидатских карточек. Лучшие из лучших находили свое место в рядах партии Ленина в дни сражения за Берлин.

После одного из боев мне довелось побывать на партийном собрании в 373-м артиллерийском полку. Слушалось дело о приеме кандидатом в члены ВКП(б) ефрейтора Николая Максимовича Колотилина. Выступающие говорили предельно кратко.

— Все помнят вчерашний день, — сказал начальник связи дивизиона капитан Петренко. — Пришлось потрудиться пушкарям под непрерывным артиллерийско-минометным обстрелом. Связь работала надежно. Почему спросите? Колотилин под огнем врага устранил пятьдесят четыре обрыва провода. Пятьдесят четыре!

— У нас Колотилина в дивизионе знает каждый. И немудрено — в полку он с декабря 1942 года. О том, как воевал, говорят награды: орден Славы III степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». За новые боевые дела представлен к ордену Славы II степени. Верю: Колотилин будет достойным коммунистом, — подвел итог начальник штаба дивизиона капитан Герасимов.

Когда коммунисты единогласно проголосовали за прием ефрейтора Колотилина кандидатом в члены ВКП(б) и разошлись по расчетам, я спросил:

— Почему вы раньше не вступали в партию, Николай Максимович? Ведь воюете давно и хорошо. Награды об этом говорят.

— Награды не сразу появились, — смущенно сказал ефрейтор. — Мне наш парторг, лейтенант Шемзухов, давно о партийной принадлежности думку подбросил. Только считал, рано. А сейчас наш дивизион в самом пекле. Значит, думаю, пора…

Вот оно, как закаляется сталь! В самом пекле.

В эти дни, из показаний пленных гитлеровцев, которыми войсковые разведчики в избытке снабжали штаб корпуса, все больше вырисовывалась картина политико-морального разложения войск противника. Как вешний снег, таяли у гитлеровцев последние надежды на спасение, на новое оружие, обещанное, как панацея от поражения, заправилами третьего рейха.

После войны я узнал, что 27 апреля генерал Кребс при встрече с Гитлером вынужден был признать, что от армии Венка нет никаких известий, а обстановка в Берлине критическая.

К созданию такой обстановки немало усилий приложили и воины нашего корпуса. В районе аэродрома в Гатове сходящимся ударом 60-й и 76-й стрелковых дивизий удалось окружить большую группировку противника. Наши войска способствовали также блокированию гарнизона города Шпандау.

Для здравомыслящих людей в Германии все больше становилась ясной бессмысленность дальнейшей вооруженной борьбы. Как я уже говорил, с каждым днем гитлеровская армия все сильнее разлагалась. Массовым стало дезертирство. Резко упала дисциплина, а следовательно, и управление войсками. На дорогах, ведущих в наш тыл, появились длинные колонны военнопленных.

Когда речь заходит о военнопленных, мне всегда вспоминается курьезный случай, происшедший с начальником топографической службы корпуса майором Л. К. Рождественским. В ночь на 29 апреля я приказал ему в районе окружения группировки противника на аэродроме в Гатове уточнить истинное положение наших передовых подразделений в полосе 60-й стрелковой дивизии.

Майор отправился на передний край в сопровождении автоматчика и, как говорится, в воду канул.

К утру в штабе корпуса забеспокоились. Начали названивать в 60-ю стрелковую, но никто там нашего майора не видел и никто ничего о нем не знал.

На рассвете меня поднял с постели тревожный звонок

командира дивизии полковника Г. С. Иванова.

— К моему передовому наблюдательному пункту следует автомашина с белым флагом, — докладывал полковник. — Ясно вижу советского и немецкого офицеров в ней.

«Откуда взяться в Гатове нашему офицеру?» — размышлял я. Приказал огня не открывать. Машину пропустить в боевые порядки дивизии.

Через некоторое время вновь позвонил Иванов. Сказал, что передает трубку парламентеру.

— Докладывает майор Рождественский, — раздался голос пропавшего корпусного топографа. — Всю ночь вел переговоры с немецким командованием, товарищ генерал-лейтенант. Согласны сдаться в плен группа офицеров во главе с генералом и с ними две тысячи солдат.

— Весь гарнизон? — недоверчиво переспросил я.

— Так точно, весь гарнизон городка и аэродрома. Оружие уже сложили. Построились в колонну. Ждут ваших указаний.

— Если уже и построились, пусть ждут. Передайте трубку Иванову, я дам ему распоряжение о встрече и проводах в наш тыл…

Что же произошло? Ночью Рождественский на переднем крае 60-й стрелковой дивизии натолкнулся на большую группу разведчиков противника и был окружен ими.

Майор не растерялся. На отличном немецком языке он властно приказал проводить его, парламентера Красной Армии, к начальнику гарнизона.

Начав вынужденный спектакль, Рождественский доиграл его мастерски до конца. Гитлеровцев покорила его твердость и предъявленный от командования Красной Армии ультиматум с требованием безоговорочной капитуляции.

Справедливости ради следует сказать, что над разложением гарнизона уже очень хорошо поработали наши пропагандисты с помощью громковещательных установок. Кроме того, в ту же ночь начальник политотдела 76-й стрелковой дивизии подполковник Долгополов направил к коменданту окруженного гарнизона группу немецких солдат с предложением сдаться в плен. Поэтому появление в стане противника в качестве парламентера офицера штаба корпуса во всех отношениях выглядело логичным для иногда чересчур рационально мыслящих немцев.

Не менее курьезен, чем начало, был финал этой истории для начальника топографической службы.

Я приказал, чтобы майор Рождественский срочно прибыл ко мне. В штабе сбились с ног, но он снова как в воду канул. Кто-то даже пошутил: «Видно, пошел другой гарнизон разоружать…»

Позвонил начальнику особого отдела.

— У меня он, товарищ генерал-лейтенант, — успокоил меня полковник. — Показания дает, как в плен к немцам попал.

— Немедленно отправляй майора в штаб, — сказал я, не зная, смеяться или сердиться. — Ну, подумай, какой же он преступник, если такое дело провернул, сколько наших людей от смерти спас. Гарнизон тот голыми руками было не взять. Могли сопротивляться до последнего. Я ему орден Красной Звезды приготовил, а ты что?

Удачно завершилась и операция «Цитадель Шпандау», проведенная группой политработников политотдела 47-й армии во главе с полковником М. Х. Калашником. О том, как удалось склонить гарнизон к добровольной сдаче нашим войскам, подробно рассказывается в книге Михаила Харитоновича «Испытание огнем». Мне запомнились приведенные в ней слова бывалого солдата:

«…Только я так полагаю: нет расчета лезть под пули из-за какой-то сотни взбесившихся фашистов. Войне-то скоро шабаш, хочется вернуться домой с победой… Прикажут штурмовать эту самую крепость, от других не отстану. Но… где можно, лучше мирным путем улаживать дело»[19].

Такие рассуждения диктовались трезвым расчетом, которым руководствовалось и командование, отказавшись от штурма крепости.

Операция «Цитадель Шнандау» была по времени наиболее длительной — с 27 апреля по 1 мая 1945 года. Благодаря продуманности, конкретности, убедительности и гибкости в применении форм и методов работы с противником она окончилась успешно. Гарнизон крепости Шпандау в 15.00 1 мая 1945 года капитулировал.

К сожалению, далеко не всегда гитлеровцы мирились с мыслью о неизбежности капитуляции. Как теперь известно, 28 апреля генерал Вейдлинг докладывал Гитлеру, что войска сумеют продержаться не более двух дней, потому что они останутся без боеприпасов и продовольствия, и предложил осуществить прорыв из окружения вдоль Андер Хеерштрассе южнее Вильгельмштадта на запад тремя эшелонами.

В первом эшелоне, усиленном танками, штурмовыми орудиями и артиллерией, — 9-я парашютная дивизия с подчиненной ей боевой группой «Эдер» и части 18-й моторизованной дивизии.

Второй эшелон — боевая группа СС Монке в составе двух полков и батальона морской пехоты. Со вторым эшелоном должна прорываться и гитлеровская ставка.

Третий эшелон — остатки танковой дивизии «Мюнхеберг», боевой группы «Беренфенгер», остатки 11-й моторизованной дивизии СС «Нордланд» и часть сил 9-й парашютно-десантной дивизии[20].

Генерал Вейдлинг в своих показаниях позднее писал:

«Фюрер долго размышлял. Он расценивал общую обстановку как безнадежную. Это было ясно из его длинных рассуждений, содержание которых вкратце можно свести к следующему: если прорыв даже и в самом деле будет иметь успех, то мы просто попадем из одного «котла» в другой. Он, фюрер, тогда должен будет ютиться под открытым небом, или в крестьянском доме, или в чем-либо подобном и ожидать конца. Лучше уж он останется в имперской канцелярии. Таким образом, фюрер отклонил мысль о прорыве»[21].

Однако эту мысль не отклонили преемники Гитлера после его смерти. Начав переговоры с советским командованием о капитуляции, они одновременно активно готовили прорыв в направлении Штрезова, Вильгельмштадта и далее на запад к нашим союзникам, которые в это время наступали, не встречая никакого сопротивления.

На правом берегу реки Хавель в направлении Штрезова, Рулебена, Вестенда противник удерживал узкий коридор, соединяющий его с основной берлинской группировкой.

28 апреля 1945 года окруженная группировка в районе Вестенда усиливается за счет частей противника, отошедших под ударами 2-й гвардейской танковой армии из Шарлоттенбурга, а также за счет группировки, окруженной в районе Штрезова. Численность ее достигает более 20 тысяч человек с тайками и штурмовыми орудиями. Ударами с востока и запада она оттеснила части 56-й танковой бригады на рубеж ст. Хеерштрассе, ст. Пихельсберг. Таким образом, гитлеровцы получили свободный выход к берегу Хавеля[22].

Вновь войска 125-го стрелкового корпуса оказались в центре событий. Им ставится задача завершить уничтожение разрозненных групп врага юго-западнее Потсдама, в районе Гельтова, ликвидировать группу противника в Пихельсдорфе. В этих боях снова крепко выручали пехотинцев наши старые друзья из 334-го гвардейского тяжелого самоходного полка.

В Пихельсдорфе гитлеровцы укрепились в больших каменных домах, они стреляли из окон и чердаков фаустпатронами. Самоходки медленно продвигались по центральным улицам города — они узкие и темноватые. Внезапно бухнул глухой удар фаустпатрона. Командирскую машину резко качнуло. В борту самоходки вырван большой кусок металла. Механик-водитель

резко повернул машину за угол дома. Еще выстрел… и патрон врезается в стену противоположного дома. Автоматчики соскочили с машин, окружили дом и в коротком бою уничтожили группу фаустников.

Такими я увидел со своего наблюдательного пункта совместные действия пехотинцев и самоходчиков. А вот появился и старый знакомый, командир полка гвардии подполковник Федор Горащенко. Он с удивлением начал спрашивать меня, почему сегодня, 1 мая, по приказу командующего полк снова идет к Берлину по тем же местам, по которым наступал накануне?

— Как-то неудобно получается, товарищ генерал, мы громыхаем назад, — говорил Геращенко.

— Это же фронт с перевернутыми флангами, или, как говорили раньше на учениях, многослойный пирог. — Я конкретизировал задачу самоходчикам и на прощание предупредил: — Смотрите, гвардейцы, не подкачайте. За операцией следит маршал Жуков. Не хотят гитлеровские выкормыши, оставшиеся в окруженном Берлине, сдаваться — рвутся на запад.

— Долго будем помнить нынешний Первомай, — вытирая вспотевший лоб тыльной стороной ладони, сказал Горащенко. — А говорили, капитулировали фрицы!

2 мая 1945 года гарнизон Берлина капитулировал. Но гитлеровцы в свои предсмертные часы сделали еще одну попытку спастись от возмездия. На рассвете 2 мая 1945 года по обороне правофланговых частей 132-й стрелковой дивизии и левофланговых частей 76-й стрелковой дивизии нанесли удар две сильные группировки противника. Первая, численностью более 17 тысяч человек с танками и самоходными установками, используя шоссейный мост через реку Хавель и плацдарм на левом берегу реки в районе северо-восточнее Пихельсдорфа, после короткой, но мощной артподготовки прорвалась в стыке 216-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии и 712-го стрелкового полка 132-й стрелковой дивизии. Вклинившись в наш растянутый фронт обороны, гитлеровцы двинулись на юго-запад в направлении Зеебурга. В составе этой группы находилось до 300 видных фашистских функционеров. Вторая, численностью до 30 тысяч солдат и офицеров с танками и штурмовыми орудиями, с утра 2 мая 1945 года прорвалась в районе железнодорожного моста, южнее островной части Шпандау, и вклинилась в оборону 498-го и 605-го стрелковых полков 132-й стрелковой дивизии, имея задачу выйти в районы Фалькензее, Лагер Дебериц, в последующем прорваться к Эльбе[23].

Занимая оборону на широком фронте, 132-я и 76-я

стрелковые дивизии, разъединенные вклинившимися в их боевые порядки подразделениями гитлеровцев, вели упорные бои с прорывающейся группировкой противника, действовали самостоятельно, смело и решительно, стремясь уничтожить живую силу и технику врага…

Хотелось бы коротко рассказать о том, как отважно дрались наши люди с 40-тысячной группировкой гитлеровцев, пытавшейся прорваться из Берлина 2 мая 1945 года южнее Шпандау.

…Когда после артподготовки немецкие войска огромной лавиной с танками впереди двинулись на прорыв, наши экипажи самоходных артиллерийских установок и пехота не дрогнули, а, затаившись, ждали команды на открытие огня. Расстояние все время сокращалось: не более километра, 800… 700… 600 метров. Уже четко различаются машины, орудия, солдаты и офицеры…

Ленинградец лейтенант А. Стартов первым открыл огонь по головному танку, за ним бьют по противнику другие орудия САУ. Головной танк встал. Старшов командует:

— Еще снаряд!.. Еще!

В бой вступили экипажи лейтенантов Орлова, Соплякова, Громова и других. Немецкий танк «тигр», на которого когда-то так много возлагали надежд фашисты, вспыхнул и взорвался с такой силой (он, видимо, был с полной заправкой и переполненный снарядами), что все вокруг содрогнулось. Немецкая пехота рассеивается. Бои переносятся в леса и кустарники и продолжаются до ночи. А под прикрытием темноты фашисты снова рвутся из столицы на запад. Пешие, на легковых и грузовых машинах, они заполнили дороги около Берлина. В темноте трудно различать своих и чужих. Поэтому наше командование установило световые сигналы для обозначения своих автомашин, бронетранспортеров и танков.

Отлично действовали подчиненные гвардии подполковника Гораценко, получив задачу оседлать дороги. Вот едет легковая машина без света. Гвардии лейтенант Иван Бочаров наблюдает за ней в открытый люк самоходки, дает установленный в эти дни сигнал ракетами. Водитель машины на сигнал не реагирует, увеличивает скорость. Лейтенант повторяет сигнал, машина мчится дальше. Тогда он приказывает послать ей вдогонку 122-мм снаряд, который буквально разворачивает машину. Выясняется: в ней ехали фашистские офицеры. Гвардии лейтенант в этих боях подбил два танка и два орудия.

В полку любили веселого, жизнерадостного двадцатилетнего лейтенанта Ивана Бочарова, а друзья-офицеры звали его просто Ваней. Эту любовь он завоевал своими боевыми делами. Мне вспомнилась лесная опушка у Вислы, освещенная косыми лучами

заходящего солнца. Полк расположился на привал. Потянуло дымком походных кухонь, слышались шумные разговоры и смех. В глубине леса весело заливалась гармошка. На плоской башне самоходки дробил каблуками чечетку молодой, с яркими синими глазами лейтенант.

— Кто это? — интересовались бойцы.

Небольшого роста сержант в танковом шлеме и замасленной телогрейке ответил:

— Новый командир самоходной установки.

— Вот это плясун! У нас еще таких не видали…

— Говорят, артист.

— Артист-то артист, а вот как он поведет самоходку в бой, — услышал я за спиной чей-то голос.

Прошло некоторое время. Зимой 1945 года полк в течение нескольких дней вел непрерывные бои в Польше за освобождение города Шнейдемюль. Продвижению нашей пехоты мешал немецкий бронепоезд. Самоходные артиллерийские установки, прикрываясь кустарниками, встали ночью в засаду.

Когда бронепоезд продвигался по железнодорожной линии, наши самоходки внезапно ударили из 122-мм пушек. Бронепоезд сгорел. Мне доложили, что в этом бою особо отличился экипаж под командованием Ивана Алексеевича Бочарова. И в Берлинской операции лейтенант не раз проявлял мужество и храбрость. За боевые подвиги Бочаров был награжден тремя боевыми орденами и многими медалями. До войны он окончил Чебоксарский театральный техникум. Работал в театре, на фронте этот человек сугубо мирной специальности стал бесстрашным воином. Великую Отечественную Бочаров начал красноармейцем, закончил офицером. После войны вновь вернулся к своему любимому делу, работал актером.

С утра 2 мая бой шел непрерывно целые сутки. В течение второй половины дня 2 мая 1945 года и в ночь на 3 мая части 132-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 93-м стрелковым полком 76-й стрелковой дивизии обходом с севера и юго-запада отрезали немецкой группировке пути прорыва в северо-западном направлении на Фальхенхаген.

Великолепно действовали в этих боях артиллеристы. Вечером 2 мая я побывал в 80-м артиллерийском Краснознаменном полку, которым командовал подполковник Спиридон Дмитриевич Постолако. Сражаясь с накатывающимися волна за волной гитлеровцами, батарейцы насмерть стояли у Пихельсдорфа. Ценою собственных тяжелых потерь они не пропустили врага. О величайшем мужестве и стойкости артиллеристов говорит такой факт: только за один день боев — 2 мая — подполковник

Постолако представил к награждению орденами и медалями 66 красноармейцев и офицеров.

Как и подчиненные подполковника Постолако, героически дрались с обезумевшими гитлеровцами артиллеристы 100-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 76-й стрелковой дивизии под командованием майора Николая Васильевича Термолова, занимавшего огневые позиции в районе Штакена.

Дорого обошлась гитлеровцам их последняя авантюра. За 2 и 3 мая 1945 года только в полосе 132-й стрелковой дивизии они потеряли убитыми и ранеными более 2000 солдат и офицеров, пленными 2387 человек. Кроме того, взято в плен переодетых в гражданскую форму солдат, а в основном офицеров, 650 человек. Соединения корпуса уничтожили и подбили: танков — 15, самоходных орудий — 12, бронетранспортеров — 35, зенитных орудий — 5, автомашин — 160.

Так бесславно кончилась последняя попытка фашистов вырваться на запад из берлинского котла. Гитлеровцы не хотели сложить оружие в центре Берлина, сложили на его окраинах.

К исходу 8 мая 1945 года на правом берегу Эльбы северо-восточнее Магдебург, Бург соединения 125-го стрелкового корпуса провели последний бой, сбросив в реку сопротивляющиеся группы гитлеровцев. Дальше идти было уже некуда — на левом берегу реки стояли американцы, наши союзники. Они и принимали недобитых гитлеровцев. При сближении с нашими частями американцы выпустили в небо серию ракет, наши также ответили условными сигналами.

Ракеты всегда служили сигналом к атаке, теперь стали сигналом к миру. Над Эльбой вдруг установилась тишина. Умолк гром орудий, но никто из нас еще не мог поверить во все то, что уже совершилось. Для 125-го стрелкового корпуса война кончилась. Между нами и союзниками не оставалось ни одного гитлеровца, лишь только несла свои темные воды молчаливая Эльба.

Каждый из этих незабываемых исторических дней и часов приносил все новые и новые вести. По советскому радио передавали сводки о продолжающихся боях на Украинских фронтах, а иностранные радиостанции весь день 7 мая и весь день 8 мая 1945 года говорили о капитуляции Германии.

Москва заговорила об этом только тогда, когда был подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Май 1945 года принес нам величайшую радость — Победу. Но были и другие приятные сообщения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1945 года в числе соединений,

отличившихся в Померанской операции, корпус был награжден орденом Кутузова II степени. Заключительные бои с гитлеровцами принесли ему почетнейшее наименование Берлинского.

Полыхали на полковых и дивизионных митингах увитые орденскими лентами Боевые Знамена. Великим счастьем и радостью светились лица замечательных и неповторимых людей — моих фронтовых побратимов: выстояли, дошли, победили!

В святые минуты Великой Победы каждый из ее солдат, будь он рядовым или генералом, думал о Родине. Она звала на подвиг, и мы его совершили. В те первые минуты уже не фронтового, а мирного затишья я вдруг отчетливо понял, что мы все вскоре вернемся на Родину. И так ясно представилась мне наша русская сторона, что у меня, уже немолодого, бывалого солдата, запершило в горле. Увидел я в мыслях смоленскую деревню, где провел детство, шепчущиеся березы под окном старенького дедовского дома, представил себе ясные, росистые рассветы и багровые закаты, луга и запах мяты, даже вкус студеной воды, что, бывало, я черпал ладонями из родника, ощутил на губах… И каждая мелочь, которую вспоминал, была мне необыкновенно дорогой и милой.

Вместо эпилога

Мне нравится наша молодежь. Нравится, что тянется она к нам, ветеранам. Хочет много узнать о солдатах Великой Победы: какими они были, о чем мечтали, какие песни пели, откуда черпали силы и веру в самые трудные дни отгремевших битв и походов. Я долго размышлял, как мне закончить книгу. Хотелось, чтобы это были слова о друзьях-однополчанах, их судьбах и о наследниках наших, которым дано великое счастье нести в будущее эстафету труда, борьбы и побед советского народа.

Я уже рассказывал о работе клуба «Поиск» Московского торгово-экономического техникума. Уже много лет следопыты идут дорогой народного подвига. Долго и кропотливо разыскивают не врученные по разным причинам фронтовикам боевые награды. О последнем предновогоднем праздничном вечере, посвященном 40-летию битвы под Москвой, где я вручал ордена однополчанам, рассказала «Правда»[24] в материале Д. Новоплянского, много и хорошо пишущего о фронтовиках. Мне подумалось, что лучше эпилога не придумаешь.

Предновогодний праздничный вечер проходил на Ленинском проспекте, в Доме культуры Института стали и сплавов. Здесь по соседству была в 1941 году сформирована 1-я дивизия народного ополчения Ленинского района Москвы. Свой боевой путь она начала под Серпуховом, а потом стала 60-й стрелковой Севско-Варшавской Краснознаменной, ордена Суворова дивизией. И нынешнюю традиционную встречу проводил совет ветеранов этой дивизии вместе с комсомольцами-следопытами. Юноши и девушки встречали фронтовиков музыкой, цветами.

На сцену пригласили бывшего командира орудия Станислава Корнеевича Садовникова. В боях он был дважды ранен, потерял правую руку. Работает теперь Садовников в белорусском городе Жлобине, в локомотивном депо, где до войны был помощником машиниста, а после войны — вызывальщиком бригад, сторожем. В этом же депо работает его жена. Младший сын учится в военном училище. Старому солдату, инвалиду войны, вручили орден Красного Знамени, которым он награжден в феврале сорок пятого года.

Сразу два ордена — Отечественной войны I степени и Красной Звезды — были затем вручены Никите Васильевичу Садомову, в прошлом бойцу 57-го гвардейского кавполка. Больше двадцати запросов послали следопыты в Рязанскую и Пензенскую области, разыскивая Никиту Васильевича. Удалось узнать, что родился он в селе Алексеевка Пензенской области. Нашли его

родных, они сообщили, что больше 30 лет работает заслуженный воин плотником на столичных стройках.

Две фронтовые награды получил также бывший командир отделения Иван Павлович Елунин — слесарь серпуховского мотозавода. У стен родного города он сражался в декабре сорок первого, на подмосковной земле был тяжело ранен и не знал, что награжден медалью «За отвагу». После возвращения в строй — снова трудные бои, снова ранение, а когда вышел приказ о награждении орденом Отечественной войны II степени, Иван Павлович был в госпитале. Вместе с ним медаль «За отвагу» получил и бывший разведчик 1283-го полка Федор Семенович Рябченко. На документе о его награждении штамп «Погиб». Солдат был тяжело ранен в голову, но выжил. Следопыты отыскали Рябченко в Чернигове…

С особым вниманием слушали собравшиеся рассказ о судьбе бывшего командира батальона 1281-го стрелкового полка Георгия Ефимовича Огородникова. Весной сорок четвертого под Ковелём он с танковым десантом ворвался на позиции противника. В жестоком бою наши десантники нанесли врагу большой урон, но танк, где находился Огородников, гитлеровцы подбили и подожгли. Комбат продолжал вести огонь из горящего танка, и весть о его героической гибели облетела весь полк. Орденом Отечественной войны I степени Огородникова наградили посмертно, родные получили похоронку.

Следопыты стали искать его семью, чтобы вручить ей эту награду. Но из села Сычевки Смоленского района Алтайского края откликнулся сам Георгий Ефимович. Он помнит, как выскочил из танка в горящей шинели, как бросился в рукопашный бой. После тяжелых ранений очнулся в госпитале. Долго не возвращались речь, слух, память. Но выжил, поправился и 23 года работал шофером. Сейчас на пенсии. Об ордене не знал и высказал сожаление, что не сможет приехать на встречу с однополчанами: болен. Решили, что Огородникову орден вручит райвоенкомат. Но поскольку однополчане хорошо помнят отважного комбата, совет ветеранов и штаб следопытов задумали показать собравшимся на вечер Георгия Ефимовича хотя бы на экране. Работники Новосибирской студии документальных фильмов живо откликнулись и привезли ленту. Гаснет в зале свет, над сценой, где происходит вручение наград, далекая Сычевка, домик бывшего комбата, его жена Елена Ивановна, до сих пор работающая в совхозе, сам Георгий Ефимович, горячо рассказывающий про свой последний бой: «Я не сгорел, не сгорел!» Зал дружно аплодирует. И тут председательствующий объявляет:

— Однако Георгий Ефимович здесь, в зале. Прошу вас, Георгий Ефимович…

Есть, оказывается, чудесная сила, способная поднять старого солдата с места, и он отправляется за тысячи километров, чтобы повидать тех, с кем рядом шел в бой за Родину, презирая смерть. Не без помощи товарищей шагает к сцене высокого роста человек лет шестидесяти в новеньком костюме, и его моментально узнают. К нему бросаются однополчане, обнимают, целуют — строгий порядок нарушен. Приехавший из Хакасии бывший командир минометной батареи 1283-го стрелкового полка Г. Сысолятин выходит к микрофону и читает свои стихи: «Живет такой комбат на свете, что был посмертно награжден. А он шагает по планете, как будто заново рожден».

Вот таким был этот предновогодний вечер, где вручали ордена заново рожденным старым солдатам, защитникам Родины, которые никогда не будут забыты. Глубокое впечатление на всех присутствующих — молодых и старых — произвела история Николая Никифоровича Ярмака, красноармейца, разведчика 135-го стрелкового полка. Комсомольцы узнали о Ярмаке из публикации в «Правде» в сентябре нынешнего года. Газета критиковала неуважительное, бюрократическое отношение к инвалиду войны, и следопыты, работавшие в картотеке награжденных, решили попутно проверить, имеет ли инвалид фронтовые награды, получил ли их. Что же выяснилось и потом подтвердила проверка? Незадолго до конца войны группа разведчиков, выполнив боевое задание, возвращалась в часть. Находившийся впереди Николай Ярмак наскочил на вражескую мину. Он потерял руку, ногу и чудом выжил. Бесстрашного разведчика, отличившегося во многих боях, наградили тогда орденом Отечественной войны I степени. Лишь теперь, спустя 36 лет, ему, жителю деревни Ратайчицы Брестской области, вручена эта награда. С другого конца страны приехал на праздничный вечер бывший командир взвода 261-го гвардейского стрелкового полка Михаил Савельевич Савченко — рабочий Углегорского морского торгового порта в Сахалинской области. Ему торжественно вручили орден Отечественной войны II степени.

Орден Красной Звезды получили бывший комсорг батальона Константин Константинович Конев, ныне инженер-нефтяник; бывший командир отделения Иван Михайлович Молодых, ныне механик автобазы в Воронеже; бывший красноармеец взвода противотанковых ружей 1283-го стрелкового полка Георгий Иванович Паршин — слесарь-ремонтник в Камышине Волгоградской области; бывший комвзвода 1281-го стрелкового полка Виктор Егорович Титов — ныне инженер-строитель…

Надо сказать, что большинство ветеранов войны, которым вручены фронтовые награды, до сих пор в трудовом строю. Характерна судьба бывшего пулеметчика старшего сержанта Николая Ивановича Синцова. Вскоре после войны он приехал в Соликамск, поступил на завод учеником токаря и работает на одном предприятии больше 30 лет. Без отрыва от производства он закончил политехнический институт, стал инженером, а сейчас — главный механик завода. Ему вручен орден Славы II степени.

Третий орден Славы получил Гавриил Яковлевич Лаухин, бывший боец отдельной роты разведки. Ордена Славы II и III степени он получил в сорок пятом, а сейчас выяснилось, что еще в сорок третьем был удостоен также ордена III степени. Ордена Отечественной войны, которыми были награждены командир отделения Иван Иванович Богданов и командир взвода Вячеслав Владимирович Ушанов, переданы их семьям.

Собравшиеся тепло приветствовали активистов клуба «Поиск» Наталью Шугай, Алексея Закревского, Марину Муравьеву, Нелю Объедкову, Ольгу Карандаеву, Светлану Сметанкину и других. Благодарили также исполкомы, военкоматы, комитеты комсомола, учителей, почтальонов, всех, кто помогал долгому, трудному поиску. Комсомольцы проводили каждого ветерана к поезду, самолету…

Следопыты московского техникума уже сумели уточнить адреса 307 награжденных фронтовиков, не получивших своих орденов и медалей. Из них 96 живут и здравствуют. Им вручают, а многим уже вручили награды. Торжественный вечер в канун Нового года — подарок не только ветеранам-фронтовикам одной дивизии, подарок всем. Он убедительно напомнил, что никогда не будут забыты советские воины, отстоявшие Родину в труднейшей из войн.

Иллюстрации

Г. А. Степанов
А. В. Щуров
А. Ф. Бусалов
И. И. Кузнецов
К. В. Овчинников
К. Е. Гребенник
М. П. Погребняк
Д. Я. Мухачев
И. П. Потапкин
И. В. Гермашев
И. В. Важеркин
А. С. Стариковский
А. Ф. Соловьев
В. Г. Булатов
О. И. Грабарь
Г. И. Рожкова
И. В. Давыдов
А. И. Колунов
Н. А. Михеев
З. П. Выдриган
В. Г. Чернов
А. Н. Гервасиев
А. З. Верин
В. Д. Морозов
А. К. Шмыгун
Н. С. Лазебников
В. В. Мыльников
В. А. Усанов
П. П. Шляхтуров
В. М. Шелест
В. Г. Петроченко
Н. С. Синицын
А. И. Мурдугов
Н. И. Мордакин
А. К. Шляхтич
Л. Л. Стромкин
П. И. Петрачков
Ф. А. Шкирев

Г. К. Жуков, И. С. Конев и А. М. Андреев на маневрах войск Белорусского военного округа. 1955 год.

Андрей Матвеевич Андреев

Г. А. Степанов

А. В. Щуров

А. Ф. Бусалов

И. И. Кузнецов

К. В. Овчинников

К. Е. Гребенник

М. П. Погребняк

Д. Я. Мухачев

И. П. Потапкин

И. В. Гермашев

И. В. Важеркин

А. С. Стариковский

А. Ф. Соловьев

В. Г. Булатов

О. И. Грабарь

Г. И. Рожкова

И. В. Давыдов

А. И. Колунов

Н. А. Михеев

З. П. Выдриган

В. Г. Чернов

А. Н. Гервасиев

А. З. Верин

В. Д. Морозов

А. К. Шмыгун

Н. С. Лазебников

В. В. Мыльников

В. А. Усанов

П. П. Шляхтуров

В. М. Шелест

В. Г. Петроченко

Н. С. Синицын

А. И. Мурдугов

Н. И. Мордакин

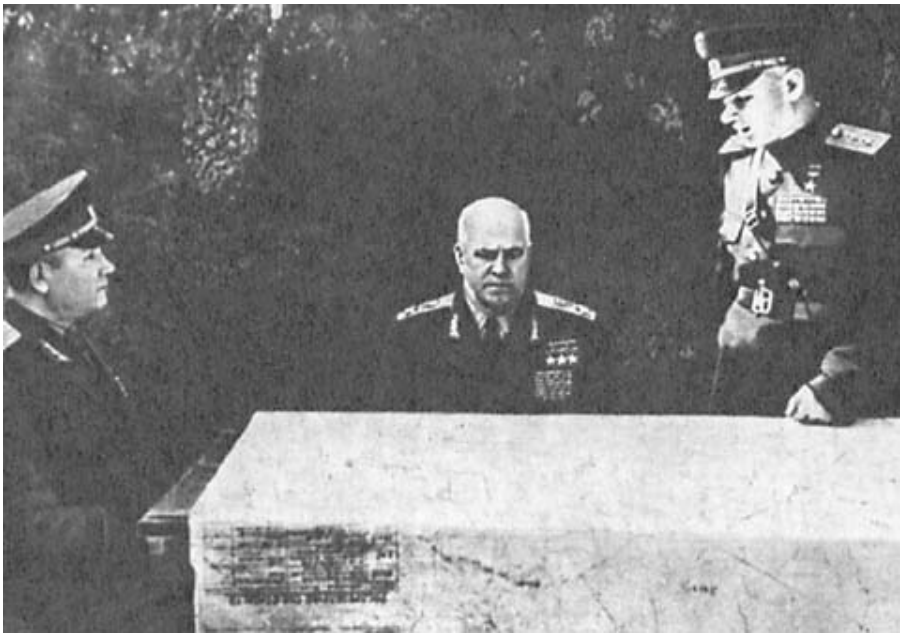
А. К. Шляхтич

Л. Л. Стромкин

П. И. Петрачков

Ф. А. Шкирев

Г. К. Жуков, И. С. Конев и А. М. Андреев на маневрах войск Белорусского военного округа. 1955 год.



notes

Примечания

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 407.

2

Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 79.

3

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Сборник документов. М., 1968, с. 171, 172.

4

См.: Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941: Сборник документов и материалов. М., 1976, с. 646–647.

5

ЦАМО СССР, ф. 265, оп. 1517, д. 122, л. 124, 174.

6

ЦАМО СССР, ф. 265, оп. 1517, д. 93, л. 21–22.

История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974, с. 285.

8

ЛПА, ф. И-43, ед. хр. 313, л. 83–84.

9

Пчелинцев В. Н. Из боевого опыта снайпера. М., 1952, с. 15.

10

Вопросы истории, 1965, № 10, с. 111.

11

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 2, с. 247–248.

12

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968, с. 289.

13

Архив МО, ф. 402, оп. 9630, д. 19, л. 137.

Конев И. С. Сорок пятый. М., 1970, с. 276..

15

См.: Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). М., 1970, с. 150.

16

Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 804, л. 231.

17

См.: Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм, с. 333.

18

Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм, с. 342.

Калашник М. Х. Испытание огнем. М., 1978, с. 424.

20

См.: «Совершенно секретно! Только для командования!»: Документы и материалы. М., 1967, с. 617.

21

Там же, с. 619.

22

См.: Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм, с. 388, 389.

23

См.: Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм, с. 388, 389.

Правда, 1981, 28 декабря.